ISSN 2221-2795 (print)
ISSN 2223-6430 (online)

ОБЩЕСТВО:

СОЦИОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ, ПЕДАГОГИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выпуск 2 2025

16 +

SCIENTIFIC JOURNAL

SOCIETY:

SOCIOLOGY, PSYCHOLOGY, PEDAGOGICS

«ХОРС»
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

ООО Издательский дом «ХОРС»

ОБЩЕСТВО:
социология, психология, педагогика

Научный журнал

www.dom-hors.ru

№ 2

2025

Publishing House HORS LLC

SOCIETY:
Sociology, Psychology, Pedagogics

Scientific Journal

www.dom-hors.ru

No. 2

2025

ОБЩЕСТВО: СОЦИОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ, ПЕДАГОГИКА

2025, № 2
Основан в 2011 г.

Научный журнал «Общество: социология, психология, педагогика» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК Минобрнауки РФ с 2015 г. по категории К3.

Журнал «Общество: социология, психология, педагогика» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 15.03.2011 г. Номер свидетельства ПИ № ФС77-44189.

Журнал «Общество: социология, психология, педагогика» зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования. Лицензионный договор с ООО «НЭБ» № 62-03/2011R от 23.03.2011 г. на включение информации об опубликованных статьях в систему Российского индекса научного цитирования.

Журнал входит в следующие международные базы данных: UlrichsWeb, EBSCO, Crossref.

Подписной индекс 11281 – Пресса России.

Возрастная классификация информационной продукции 16+.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:
Петьков Валерий Анатольевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии Кубанского государственного университета,

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
– по социологическим наукам:
Антонова Наталья Леонидовна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Бадараев Дамдин Доржиевич, доктор социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заместитель директора по стратегическому академическому партнерству, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
Бессчетнова Оксана Владимировна, доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой “Социально-гуманитарные дисциплины”, Московский государственный университет пищевых производств,
Бюраева Юлия Григорьевна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела региональных экономических исследований Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук,
Вдовина Маргарита Владимировна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии, этнографии и социометрии Российского государственного социального университета,
Герасимова Галина Ивановна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета,
Голенкова Зинаида Тихоновна, заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, почетный доктор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук,
Градусова Валентина Николаевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента Северо-Западного института управления РАНХиГС,
Гузенина Светлана Валерьевна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры теоретической и прикладной социологии факультета истории, мировой политики и социологии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина,
Дерюгин Павел Петрович, доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета,
Добрынина Марина Ивановна, доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, профессор кафедры политологии и социологии Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова,
Дьякова Вера Валерьевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры «Гуманитарные науки и психология» Астраханского государственного технического университета,
Жалсанова Валентина Гурожаповна, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук,
Жегусов Юрий Иннокентьевич, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института биологических проблем криолитозоны Сибирского отделения Российской академии наук,
Жигунова Галина Владимировна, доктор социологических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой философии и социальных наук Мурманского арктического государственного университета,
Зарубин Валерий Григорьевич, доктор социологических наук, профессор кафедры государственного, муниципального и социального управления Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена,
Каменева Татьяна Николаевна, доктор социологических наук, доцент, профессор Департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва,

Камышова Екатерина Викторовна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева,
Каптерев Андрей Игоревич, доктор социологических наук, доктор педагогических наук, профессор, профессор Института цифрового образования Московского городского педагогического университета, главный научный сотрудник ЦИПР Российской государственной библиотеки,
Кюскиева-Арабска Екатерина Димитрова, кандидат социологических наук, PhD in Administration and management, доцент, вице-декан факультета экономики и менеджмента, руководитель отдела национальных и международных проектов и секретарь научного совета Высшего училища агробизнеса и регионального развития, президент Академии инноваций и устойчивости, Пловдив (Республика Болгария),
Леонова Ирина Сергеевна, доктор социологических наук, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук, заместитель декана факультета социальных наук по международной деятельности Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского,
Липатова Людмила Николаевна, доктор социологических наук, профессор, кандидат экономических наук, профессор кафедры экономики Северо-Западного университета управления РАНХиГС,
Лоскутова Ирина Мироновна, доктор социологических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры теоретической и специальной социологии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета; профессор кафедры социальной работы факультета клинической психологии и социальной работы Российского национального исследовательского медицинского университета им. Н.И. Пирогова,
Малинина Татьяна Борисовна, доктор социологических наук, кандидат физико-математических наук, доцент, старший научный сотрудник, профессор кафедры социального анализа и математических методов в социологии Санкт-Петербургского государственного университета,
Мальцева Анна Васильевна, доктор социологических наук, доцент, доцент кафедры социального анализа и математических методов в социологии Санкт-Петербургского государственного университета,
Меренков Анатолий Васильевич, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии, заместитель директора по науке Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Наберушкина Эльмира Кямаловна, доктор социологических наук, доцент, профессор департамента социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
Панкратова Лилия Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии культуры и коммуникации Санкт-Петербургского государственного университета,
Петрова Ирина Эдуардовна, доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского,
Плюснина Лидия Константиновна, доктор социологических наук, кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры маркетинга, рекламы и связей с общественностью Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ»,
Погосян Геворк Арамович, академик Национальной академии наук Республики Армения, доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, научный руководитель Института философии, социологии и права Национальной академии наук Республики Армения (Республика Армения),
Покровская Надежда Николаевна, кандидат экономических наук, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры инновационного менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)»,
Романовская Ольга Алексеевна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социальной информатики Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского,
Сивиринов Борис Сергеевич, доктор социологических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры управления персоналом Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; профессор кафедры социологии и массовых коммуникаций Новосибирского государственного технического университета,
Соломатина Елена Николаевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, этнографии и социометрии факультета Российского государственного социального университета,
Урбан Ольга Андреевна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры экономики и управления Кузбасского гуманитарно-педагогического института (филиала) Кемеровского государственного университета,
Хагуров Айтеч Аюбович, доктор социологических наук, профессор, старший научный сотрудник Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина, главный научный сотрудник, руководитель Сектора социологии села (г. Краснодар) Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук,
Хагуров Темыр Айтечевич, доктор социологических наук, доцент, проректор по учебной работе, качеству образования – первый проректор Кубанского государственного университета, действительный член Российской академии социальных наук,
Хриенко Татьяна Викторовна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры политических наук и международных отношений Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского,

Челнокова Наталья Юрьевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры экономики, управления и финансов Ивановского государственного политехнического университета,
Шабанов Виктор Леннарович, доктор социологических наук, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института аграрных проблем Российской академии наук; профессор кафедры социальной информатики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского,
Янак Алина Леонидовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского,

– по психологическим наукам:

Агафонов Андрей Юрьевич, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева»,
Баксанский Олег Евгеньевича доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Физического института им. П.Н. Лебедева РАН,
Богомаз Сергей Александрович, доктор психологических наук, профессор, профессор факультета психологии Томского государственного университета,
Булгакова Ольга Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент, президент Научно-практического центра «Психосоматическая нормализация», доцент Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена,
Воробьева Елена Викторовна, доктор психологических наук, профессор, профессор РАО, профессор кафедры коррекционной педагогики Академии психологии и педагогики Южного федерального университета,
Глуханюк Наталья Степановна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом Уральского государственного университета,
Григорьева Марина Владимировна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогической психологии и психодиагностики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского,
Дейнека Ольга Сергеевна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры политической психологии, руководитель магистерской программы «Социальная и политическая психология» Санкт-Петербургского государственного университета,
Демиденко Надежда Николаевна, член–корреспондент Международной Академии образования, член-корреспондент Академии педагогических и социальных наук, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии труда и клинической психологии Тверского государственного университета,
Джанерьян Светлана Тиграновна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии личности и консультативной психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета,
Защиринская Оксана Владимировна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и педагогической психологии Санкт-Петербургского государственного университета,
Казымова Надежда Наильевна, кандидат психологических наук, научный сотрудник Лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях Института психологии Российской академии наук,
Калашникова Марина Борисовна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого,
Карапетян Владимир Севанович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой дошкольной педагогики и методик Армянского государственного педагогического университета имени Хачатура Абовяна, действительный член Международной академии психологических наук (Россия), член-корреспондент Философской Академии Армении, (Республика Армения),
Кидинов Алексей Васильевич, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры квалиметрии, коммуникационного менеджмента и управления отношениями Российского государственного социального университета,
Константинов Всеволод Валентинович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии Пензенского государственного университета,
Котова Светлана Аркадьевна, кандидат психологических наук, доцент, член Российского психологического общества, доцент кафедры общей и социальной психологии РГПУ им. А.И. Герцена,
Лебедева Оксана Валерьевна, доктор психологических наук, доцент, доцент кафедры практической психологии Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина,
Медникова Людмила Сергеевна, доктор психологических наук, кандидат педагогических наук, профессор, профессор кафедры олигофренопедагогики Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена,
Мусийчук Мария Владимировна, доктор философских наук, кандидат педагогических наук, доцент по кафедре общей психологии, профессор кафедры психологии Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета имени Г.И. Носова,
Няголова Марияна Димитрова, кандидат психологических наук, доцент истории психологии, преподаватель кафедры психологии Великотырновского университета имени святых Кирилла и Мефодия (Республика Болгария),
Ожигова Людмила Николаевна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета,
Павлова Надежда Сергеевна, кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях Института психологии Российской академии наук,

Панюкова Юлия Геннадьевна, доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Психологического института Российской академии образования, профессор кафедры педагогики и психологии Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К.А. Тимирязева,
Прялухина Алла Вадимовна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры прикладной психологии Петербургского государственного университета путей сообщений императора Александра I,
Сулейманов Рамиль Фаилович, доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей психологии Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирясова,
Суннатова Рано Иззатовна, доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории экопсихологии развития Психологического института Российской академии образования,
Турчин Анатолий Степанович, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей и прикладной психологии Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации,
Хазова Светлана Абдурахмановна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры специальной педагогики и психологии Костромского государственного университета,
Чернецкая Надежда Игоревна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры педагогической и возрастной психологии Иркутского государственного университета,
Черный Евгений Владимирович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета им.В.И. Вернадского,
Эксакусто Татьяна Валентиновна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и безопасности жизнедеятельности Института компьютерных технологий и информационной безопасности Южного Федерального университета,
Ященко Елена Федоровна, доктор психологических наук, кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой «Прикладная психология» Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I,

– по педагогическим наукам:

Абрамовских Наталья Викторовна, доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и методики дошкольного и начального образования Сургутского государственного педагогического университета,
Андреева Наталья Дмитриевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой методики обучения биологии и экологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена,
Апанасюк Лариса Ахунжановна, доктор педагогических наук, доцент, заместитель декана по науке лингвистического факультета, профессор кафедры иностранных языков Российского государственного социального университета,
Бедерханова Вера Петровна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования Кубанского государственного университета, заслуженный работник высшей школы РФ,
Блейх Надежда Оскаровна, доктор исторических наук, кандидат педагогических наук, профессор, профессор кафедры психологии психолого-педагогического факультета Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова,
Богинская Юлия Валериевна, доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой психолого-педагогического и специального образования Гуманитарно-педагогической академии (филиал) Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского» в г. Ялта,
Веденеева Галина Ивановна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и педагогической психологии Воронежского государственного университета,
Воскрекасенко Ольга Александровна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры «Педагогика и психология» Пензенского государственного университета,
Голиков Николай Алексеевич, кандидат педагогических наук, доцент, инженер отдела инновационных исследований Центра прикладных исследований и разработок Тюменского индустриального университета, профессор Российской академии естествознания, заслуженный работник науки и образования, почетный работник общего образования РФ,
Гордиенко Оксана Викторовна, доктор педагогических наук, доцент, доцент кафедры методики преподавания русского языка Института филологии, директор Института развития цифрового образования Московского педагогического государственного университета,
Горобец Светлана Владимировна, доктор культурологии, кандидат педагогических наук, профессор кафедры фортепиано, ученый секретарь ученого совета Санкт-Петербургского государственного института культуры,
Ильинская Елизавета Александровна, доктора культурологии, доцента, профессора кафедры социально-культурных технологий Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов,
Исаева Татьяна Евгеньевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой «Иностранные языки» Ростовского государственного университета путей сообщения,
Кабанов Владимир Львович, доктор юридических наук, кандидат педагогических наук, доцент по специальности «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное право», заместитель директора по развитию Института развития, здоровья и адаптации ребенка,
Каптерев Андрей Игоревич, доктор социологических наук, доктор педагогических наук, профессор, профессор Института цифрового образования Московского городского педагогического университета, главный научный сотрудник ЦИПР Российской государственной библиотеки,

Козилова Лидия Васильевна, эксперт РАО, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры управления образовательными системами им. Т.И. Шамовой института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета,
Краснощекова Галина Алексеевна, доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков Южного федерального университета,
Кузьменко Галина Анатольевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры теоретических основ физической культуры и спорта Института физической культуры, спорта и здоровья Московского педагогического государственного университета,
Кучерук Ирина Владимировна, доктор культурологии, кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой дизайна, профессор кафедры истории России Астраханского государственного университета им. В.Н. Татищева,
Магомедова Тамара Ибрагимовна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой методики преподавания русского языка и литературы Дагестанского государственного университета,
Манжелей Ирина Владимировна, доктор педагогических наук, профессор, Тюменский государственный университет,
Мартиросова Татьяна Александровна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры физической культуры и здоровья Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева,
Мозгот Валерий Георгиевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры музыкального и хореографического искусства Адыгейского государственного университета,
Московченко Ольга Никифоровна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теоретических основ физического воспитания Красноярского государственного педагогического университета имени В.П. Астафьева,
Неборский Егор Валентинович, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры иноязычного образования, Института международного образования, Московского педагогического государственного университета,
Пашковская Светлана Сергеевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры «Русский язык как иностранный» Пензенского государственного университета,
Селитреникова Татьяна Анатольевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры физиологии Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург,
Сотникова Марина Сергеевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры психологии образования Московского педагогического государственного университета,
Фещенко Татьяна Сергеевна, доктор педагогических наук, доцент, преподаватель Института новых технологий, Москва; профессор кафедры «Профессиональное развитие педагогических кадров» Севастопольского государственного университета, Севастополь, почетный работник общего образования РФ,
Христозова Галя Михайлова, доктор педагогических наук, профессор, ректор Бургасского свободного университета (Республика Болгария),
Цвиркун Виктор Иванович, доктор исторических наук, доктор педагогических наук, профессор, Doctor Honoris Causa, чрезвычайный и полномочный посол Республики Молдова в государстве Катар (Республика Молдова),
Шастина Татьяна Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры русского народного песенного искусства Санкт-Петербургского государственного института культуры,
Шебеко Валентина Николаевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры методик дошкольного образования Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка (Республика Беларусь),
Ященко Елена Федоровна, доктор психологических наук, кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой «Прикладная психология» Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I.

РЕДАКЦИЯ:
ДИРЕКТОР ООО ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ХОРС»:
Харсеева Виктория Леонидовна, кандидат социологических наук

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:
Угулава Кристина Геннадьевна

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:
Измайлова Анастасия Андреевна

СЕКРЕТАРИ:
Мищенко Мария Алексеевна
Петриченко Валерия Александровна

РЕДАКТОРЫ:
Середа Марина Николаевна
Ситникова Ольга Валериевна
Тюлюкова Мария Олеговна

ПЕРЕВОДЧИК:
Ханмамедова Виктория Рамизовна

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ООО Издательский дом «ХОРС»

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ:
350015, г. Краснодар, ул. Янковского, д. 156
тел. +7 988 234-44-80
Электронный адрес: mail@dom-hors.ru

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
350015, г. Краснодар, ул. Янковского, д. 156
тел. +7 988 234-44-80
Электронный адрес: mail@dom-hors.ru

SOCIETY: SOCIOLOGY, PSYCHOLOGY, PEDAGOGICS

2025, No. 2
Founded in 2011

Society: Sociology, Psychology, Pedagogics is included in category Q3 of the List of Peer-Reviewed Scientific Publications as of December 01, 2015. According to the Decree of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation No. 90-p as of December 28, 2018, the scientific journal is peer-reviewed in the following science-related fields: social, psychological, education sciences.

The journal "Society: Sociology, Psychology, Pedagogics" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on March 15, 2011. It has Registration Certificate ПИ № ФС 77-44189.

The journal "Society: Sociology, Psychology, Pedagogics" is registered in Russian Science Citation Index. It has Licensed Agreement with NEB LLC No. 62-03/2011R of March 23, 2011 on the Inclusion of the Information about Published Articles in the System of the Russian Science Citation Index.

The journal is included in the following international databases: UlrichsWeb, EBSCO, Crossref.

CHIEF EDITOR:
Valeriy A. Petkov, D.Phil. in Education Science, Professor, Education Science and Psychology Department, Kuban State University,

EDITORIAL BOARD:
– social sciences:
Natalia L. Antonova, D.Phil. in Social Science, Professor, Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Management, Ural Federal University,
Damdin D. Badaraev, D.Phil. in Social Science, Associate Professor, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Leading Research Fellow, Department of History, Ethnology and Sociology, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Oksana V. Besschetnova, D.Phil. in Sociology, Associate Professor, Head of the "Social and Humanitarian Disciplines" Department, Moscow State University of Food Production,
Yulia G. Byuraeva, D.Phil. in Social Sciences, Senior Research Fellow, Department of Regional Economic Research, Buryatia Scientific Centre of the Siberian Branch of the RAS,
Margarita V. Vdovina, D.Phil. in Social Science, Associate Professor, Professor, Department of Sociology, Ethnography and Sociometry, Russian State Social University,
Galina I. Gerasimova, D.Phil. in Social Science, Associate Professor, Professor, Department of Marketing and Municipal Administration, Industrial University of Tyumen,
Zinaida T. Golenkova, Honored Scientist of the Russian Federation, D.Phil., Professor, Honored Dr., Head of the Centre for the Studies of Social Structure and Stratification, The Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Valentina N. Gradusova, PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Management Department of the North-West Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration,
Svetlana V. Guzenina, D.Phil. in Social Science, Associate Professor, Professor of the Department of Theoretical and Applied Sociology, Faculty of History, World Politics and Sociology, Derzhavin Tambov State University,
Pavel P. Deryugin, D.Phil. in Social Science, Professor of the Department of Applied and Sectoral Sociology, Saint Petersburg State University,
Marina I. Dobrynina, D.Phil. in Sociology, PhD, Professor, Professor of Political Science and Sociology Department, Banzarov Buryat State University (BSU),
Vera V. Dyakova, PhD in Social Science, Associate Professor of the Department of Humanities and Psychology, Astrakhan State Technical University,
Valentina G. Zhalsanova, PhD in Social Science, Associate Professor, Senior Research Fellow, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yury I. Zhegusov, PhD in Social Science, Senior Research Fellow, Institute of Biological Problems of the Cryolithozone of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Galina V. Zhigunova, D.Phil. in Social Science, PhD, Associate Professor, Professor, Head of the Department of Philosophy and Social Sciences, Murmansk Arctic State University,
Valery G. Zarubin, D.Phil. in Sociology, Professor, Department of State, Municipal and Social Administration, Russian State Pedagogical University,
Tatiana N. Kameneva, D.Phil. in Sociology, Associate Professor, Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow,
Ekaterina V. Kamyshova, PhD in Social Science, Associate Professor, Sociology and Social Work Department, Ogarev Mordovia State University,
Andrey I. Kapterev, D.Phil. in Social Science, D.Phil. in Education Science, Professor, Professor at the Institute of Digital Education, Moscow City Pedagogical University, Chief Researcher at the Centre for Research on Problems of Library Development in the Information Society of the Russian State Library,
Ekaterina D. Kyuskieva-Arabska, PhD in Sociology, PhD in Administration and Management, Associate Professor, Vice-Dean, Faculty of Economics and Management, Head of the National and International Projects Department, Secretary of the Academic Board, University of Agribusiness and Rural Development, President, Innovations and Sustainability Academy, Plovdiv (the Republic of Bulgaria),

Irina S. Leonova, D.Phil. in Social Science, Professor, Department of Industrial and Applied Sociology, Faculty of Social Sciences, Deputy Dean, Faculty of Social Sciences for International Activities, N.I. Lobachevsky National Research University of Nizhny Novgorod,
Ludmila N. Lipatova, D.Phil. in Social Science, Professor, PhD in Economics, Professor of the Department of Economics, North-West University of Management, RANEPA,
Irina M. Loskutova, D.Phil. in Social Science, PhD, Professor, Theoretical and Special Sociology Department, Institute of Social Education and Humanities, Moscow State University of Education; Professor, Department of Social Work, Faculty of Clinical Psychology and Social Work, Pirogov Russian National Research Medical University,
Tatiana B. Malinina, D.Phil. in Social Science, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Senior Research Fellow, Professor, Department of Social Analysis and Mathematical Methods in Sociology, Saint Petersburg State University,
Anna V. Maltseva, D.Phil. in Social Science, Associate Professor, Associate Professor, Department of Social Analysis and Mathematical Methods in Sociology, St. Petersburg State University,
Anatoly V. Merenkov, D.Phil., Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Deputy Director of Research, Ural Humanities Institute, Ural Federal University,
Elmira K. Naberushkina, D.Phil. in Social Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation,
Lilia S. Pankratova, PhD in Social Science, Associate Professor of the Department of Sociology of Culture and Communication, St. Petersburg State University,
Irina E. Petrova, D.Phil. in Social Science, Associate Professor, Head of the Department of Industrial and Applied Sociology, Faculty of Social Sciences, N.I. Lobachevsky National Research University of Nizhny Novgorod,
Lidia K. Plyusnina, D.Phil. in Social Science, PhD in Economics, Professor, Marketing, Advertising and Public Relations Department, Novosibirsk State University of Economics and Management,
Gevork A. Pogosyan, Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, D.Phil. in Social Science, PhD, Professor, Academic Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (the Republic of Armenia),
Nadezhda N. Pokrovskaya, PhD in Economics, D.Phil. in Social Science, Professor of the Department of Innovation Management, V.I. Ulyanov (Lenin) St. Petersburg State Electrotechnical University “LETI”,
Olga A. Romanovskaya, D.Phil. in Social Science, Professor, Social Computer Science Department, Saratov State University,
Boris S. Sivirinov, D.Phil. in Social Science, PhD in Philosophy, Professor, Personnel Management Department, Siberian Institute of Management (branch) of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Professor, Department of Sociology and Mass Communication, Novosibirsk State Technical University,
Yelena N. Solomatina, PhD in Social Science, Associate Professor of the Department of Sociology, Ethnography and Sociometry, Russian State Social University,
Olga A. Urban, D.Phil. in Social Science, Associate Professor, Professor, Economics and Management Department, Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute (branch) of Kemerovo State University,
Aitech A. Khagurov, D.Phil. in Social Science, Professor, Senior Researcher, Kuban State Agrarian University, Chief Research Fellow, Head of the Village Sociology Sector (Krasnodar), Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Temyr A. Khagurov, D.Phil. in Social Science, Associate Professor, Vice-Rector for Academic Affairs and Quality of Education, the First Vice-Rector of Kuban State University, Member of the Russian Academy of Social Sciences,
Tatyana V. Khrienko, D.Phil. in Social Science, Professor, Professor of the Department of Political Science and International Relations, V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Natalya Yu. Chelnokova, PhD in Social Science, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics, Management and Finance, Ivanovo State Polytechnic University,
Viktor L. Shabanov, D.Phil. in Social Science, PhD in Economics, Associate Professor, Leading Research Fellow, Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences; Professor, Department of Social Informatics, Saratov State University,
Alina L. Yanak, PhD in Social Science, Associate Professor of the Department of General Sociology and Social Work, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod – National Research University,

– psychological sciences:

Andrey Y. Agafonov, D.Phil. in Psychology, Professor, Head of the Department of General Psychology, Samara National Research University,
Oleg E. Baksansky, D.Phil., Professor, Leading Research Fellow, P.N. Lebedev Physical Institute of the Russian Academy of Sciences,
Sergey A. Bogomaz, D.Phil. in Psychology, Professor, Professor, Department of Psychology, Tomsk State University,
Olga S. Bulgakova, PhD in Psychology, Associate Professor, President of the Scientific and Practical Centre “Psychosomatic Normalisation”, Associate Professor at Herzen State Pedagogical University of Russia,
Elena V. Vorobyeva, D.Phil. in Psychology, Professor, Russian Academy of Education, Professor, Department of Correctional Pedagogy, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University,
Natalia S. Glukhanyuk, D.Phil. in Psychology, Professor, Professor of Human Resources Management Department, Ural State University,
Marina V. Grigorieva, D.Phil. in Psychology, Professor, Head of the Educational Psychology and Psychodiagnostics Department, Saratov State University,

Olga S. Deyneka, D.Phil. in Psychology, Professor, Political Psychology Department, Head of the Masters Degree Program in Social and Political Psychology, St. Petersburg State University,
Nadezhda N. Demidenko, Corresponding member of the International Academy of Education, Corresponding member of the Academy of Educational and Social Sciences, D.Phil. in Psychology, Associate Professor, Professor of Occupational and Clinical Psychology, Tver State University,
Svetlana T. Janerian, D.Phil. in Psychology, Professor, Professor, Department of Personality and Counselling Psychology, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University,
Oksana V. Zashchirinskaya, D.Phil. in Psychology, Professor, Education Science and Educational Psychology Department, St. Petersburg State University,
Nadezhda N. Kazymova, PhD in Psychology, Research Fellow, Laboratory of Psychology of Development of the Subject in Normal and Post-Traumatic States, the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences,
Marina B. Kalashnikova, D.Phil. in Psychology, Professor, Head of the Psychology Department, Novgorod State University,
Vladimir S. Karapetyan, D.Phil. in Psychology, Professor, Head of the Pre-school Psychology and Techniques Department, Armenian State Pedagogical University, Member of the International Academy of Psychological Sciences (Russia), Corresponding Member Armenian Philosophical Academy, (the Republic of Armenia),
Alexei V. Kidinov, D.Phil. in Psychology, Associate Professor, Professor, the Department of Qualimetry, Communication and Relationship Management, Russian State Social University,
Vsevolod V. Konstantinov, D.Phil. in Psychology, Professor, Head of the Department of General Psychology, Penza State University,
Svetlana A. Kotova, PhD in in Psychology, Associate Professor, Member of the Russian Psychological Society, Associate Professor, Department of General and Social Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia,
Oksana V. Lebedeva, D.Phil. in Psychology, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Practical Psychology, Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University,
Lyudmila S. Mednikova, D.Phil. in Psychology, PhD in Education Science, Professor, Department for Teaching the Mentally Retarded Persons, Herzen State Pedagogical University of Russia,
Maria V. Musiychuk, D.Phil., PhD in Education Science, Associate Professor, General Psychology Department, Professor, Psychology Department, Institute for the Humanities, Magnitogorsk State Technical University,
Mariyana D. Nyagolova, PhD in Psychology, Associate Professor of History of Psychology, Lecturer, Psychology Department, St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Tarnovo (the Republic of Bulgaria),
Lyudmila N. Ozhigova, D.Phil. in Psychology, Professor, Psychology of Personality and General Psychology Department, Kuban State University,
Nadezhda S. Pavlova, PhD in Psychology, Research Fellow, Laboratory of Developmental Psychology of the Subject in Normal and Post-Traumatic States, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences,
Yulia G. Panyukova, D.Phil. in Psychology, Professor, Leading Research Fellow, Institute of Psychology, Russian Academy of Education, Psychology and Education Science Subdepartment, Russian State Agrarian University,
Alla V. Pryalukhina, D.Phil. in Psychology, Associate Professor, Professor, Department of Applied Psychology, Emperor Alexander I St Petersburg State University of Railway Transport,
Ramil F. Suleymanov, D.Phil. in Psychology, Associate Professor, Head of the General Psychology Department, Kazan Innovative University,
Rano I. Sunnatova, D.Phil. in Psychology, Professor, Leading Research Fellow, Center of Developmental Ecopsychology and Psychodidactics, Institute of Psychology, Russian Academy of Education,
Anatoly S. Turchin, D.Phil. in Psychology, Professor, General and Applied Psychology Department, St. Petersburg National Guard Forces Command Military Institute of the Russian Federation,
Svetlana A. Khazova, D.Phil. in Psychology, Associate Professor, Professor of the Special Pedagogy and Psychology Department, Kostroma State University,
Nadezhda I. Chernetskaya, D.Phil. in Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogical and Age Psychology, Irkutsk State University,
Evgeny V. Chyorny, D.Phil. in Psychology, Professor, Head of the Department of Social Psychology of the Institute “Taurida Academy” of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Tatiana V. Eksakusto, PhD in Psychology, Associate Professor, Associate Professor, Department of Psychology and Life Safety, Institute of Computer Technologies and Information Security, Southern Federal University,
Elena F. Yashchenko, D.Phil. in Psychology, PhD in Education Science, Professor, Head of Department of Applied Psychology, Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University,

– education sciences:

Natalya V. Abramovskikh, D.Phil. in Education Science, Associate Professor, Head of the Theory and Methodology of Preschool and Elementary Education Department, Surgut State Teacher’s Training University,
Natalya D. Andreeva, D.Phil. in Education Science, Professor, Head of the Department of Biology and Ecology Teaching Methods at the Herzen State Pedagogical University of Russia,
Larisa A. Apanasyuk, D.Phil. in Education Science, Associate Professor, Deputy Dean for Science, Department of Linguistics, Professor, Foreign Languages Subdepartment, Russian State Social University,
Vera P. Bederkhanova, D.Phil. in Education Science, Professor, Head of the Social Work, Psychology and Higher Education Science Department, Kuban State University,
Nadezhda O. Bleich, PhD in Education Science, D.Phil. in History, Professor, K.L. Khetagurov North Ossetian State University, Professor, Department of Psychology, Faculty of Psychology and Education,

Yulia V. Boginskaya, D.Phil. in Education Science, Associate Professor, Head of the Department of Psychological-Pedagogical and Special Education of the Humanitarian-Pedagogical Academy (branch), Vernadsky Crimean Federal University, Yalta,
Galina I. Vedeneeva, D.Phil. in Education Sciences, Associate Professor in the Department of Pedagogy and Educational Psychology, Voronezh State University,
Olga A. Voskrekasenko, D.Phil. in Education Science, Professor, Education Science and Psychology Department, Penza State University,
Nikolai A. Golikov, PhD in Education Science, Associate Professor, Engineer of the Department of Innovation Research, Center of Applied Research and Inventions, Industrial University of Tyumen, Professor, Russian Academy of Natural History, Honoured Employee of Science and Education, Honoured Worker of General Education of the Russian Federation,
Oksana V. Gordienko, D.Phil. in Education Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian Language Teaching Methodology Department, Institute of Philology, Director of the Institute for the Development of Digital Education, Moscow State Pedagogical University,
Svetlana V. Gorobets, D.Phil. in Cultural Studies, PhD in Education Science, Associate Professor, Piano Department, Scientific Secretary of the Academic Council, Saint Petersburg State Institute of Culture,
Elizaveta A. Ilyinskaya, D.Phil. in Culture Studies, Associate Professor, Professor, Department of Social and Cultural Technologies, St Petersburg Humanitarian University of Trade Unions,
Tatiana E. Isaeva, D.Phil. in Education Science, Professor, Head of the Foreign Languages Department, Rostov State Transport University,
Vladimir L. Kabanov, LL.D., PhD in Pedagogy, Associate Professor of Civil Law; Business Law; Family Law; International Law, Professor of the Theory and History of State and Law, Deputy Director for Development of the Institute for Child Development, Health and Adaptation,
Andrey I. Kapterev, D.Phil. in Social Science, D.Phil. in Education Science, Professor, Professor at the Institute of Digital Education, Moscow City Pedagogical University, Chief Researcher at the Centre for Research on Problems of Library Development in the Information Society of the Russian State Library,
Lidia V. Kozilova, Expert of the Russian Academy of Education, D.Phil. in Education Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Management of Educational Systems. T.I. Shamova Chair of Educational Systems Management at the Institute of Social and Humanitarian Education of Moscow State Pedagogical University,
Galina A. Krasnoshchekova, D.Phil. in Education Science, Associate Professor, Head of the Foreign Languages Department, Southern Federal University,
Galina A. Kuzmenko, D.Phil. in Education Science, Professor, Physical Education and Sports Theory Department, Institute of Physical Education, Sport and Health, Moscow State University of Education,
Irina V. Kucheruk, D.Phil. in Culture Studies, PhD in Pedagogy, Head of the Design Department, Professor of the Department of Russian History at Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev,
Tamara I. Magomedova, D.Phil. in Education Science, Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature Teaching Methodology at Dagestan State University,
Irina V. Manzhelei, D.Phil. in Education Science, Professor, Member of the Expert Council of the Higher Attestation Commission for Pedagogy and Psychology, Tyumen State University,
Tatyana A. Martirosova, D.Phil. in Education Science, Professor, Physical Education and Health Science Department, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology,
Valery G. Mozgot, D.Phil. in Education Science, Professor, Professor of the Department of Musical and Choreographic Art, Adygeya State University,
Olga N. Moskovchenko, D.Phil. in Education Science, Professor, Physical Education Theory Department, Krasnoyarsk State Pedagogical University,
Egor V. Neborsky, D.Phil. in Education Science, Associate Professor, Professor, Department of Foreign Language Education, Institute of International Education, Moscow State University of Education,
Svetlana S. Pashkovskaya, D.Phil. in Pedagogy, Associate Professor, Professor of “Russian as a foreign language” Department, Penza State University,
Tatiana A. Selitrenikova, D.Phil. in Education Science, Professor, Physiology Department, Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St. Petersburg,
Marina S. Sotnikova, PhD in Education Science, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Psychology of Education, Moscow Pedagogical State University,
Tatiana S. Feshchenko, D.Phil. in Pedagogy, Associate Professor, Lecturer of the Institute of New Technologies, Moscow; Professor, Department of “Professional Development of Teaching Staff”, Sevastopol State University, Sevastopol, Honorary Worker of General Education of the Russian Federation,
Galya M. Hristozova, Dr hab., Professor, Rector, Burgas Free University (the Republic of Bulgaria),
Viktor I. Tsvirkun, D.Phil. in History, D.Phil. in Education Science, Professor, Doctor Honoris Causa, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of Moldova in the State of Qatar (the Republic of Moldova),
Tatyana V. Shastina, PhD in Education Science, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian Folk Song Art, St. Petersburg State University of Culture,
Valentina N. Shebeko, D.Phil. in Education Science, Professor, Pre-School Education Techniques Department, Belarusian State Pedagogical University (the Republic of Belarus),
Elena F. Yashchenko, D.Phil. in Psychology, PhD in Education Science, Professor, Head of Department of Applied Psychology, Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University.

EDITORIAL STAFF:
DIRECTOR OF PUBLISHING HOUSE HORS LLC:
Viktoria L. Kharseeva, PhD in Social Science

MANAGING EDITOR:
Kristina G. Ugulava

EXECUTIVE EDITOR:
Anastasiia A. Izmailova

EDITORIAL SECRETARIES:
Mariya A. Mishchenko
Valeriia A. Petrichenko

EDITORS:
Marina N. Sereda
Olga V. Sitnikova
Maria O. Tyulyukova

TRANSLATOR:
Victoria R. Khanmamedova

FOUNDER:
Publishing House HORS LLC

PUBLISHER'S ADDRESS:
350015, Krasnodar, 156 Yankovskogo st.
tel. +7 988 234-44-80
Electronic address: mail@dom-hors.ru

EDITORIAL BOARD'S ADDRESS:
350015, Krasnodar, 156 Yankovskogo st.
tel. +7 988 234-44-80
Electronic address: mail@dom-hors.ru

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENT

СОЦИОЛОГИЯ ..... **16** ..... **SOCIOLOGY**

Доржеева В.В., Слепцова О.Ю., Степанова Ю.Г.
Сохранение и развитие родного языка коренных малочисленных народов 16

Dorzheeva, V.V., Sleptsova, O.Yu., Stepanova, Yu.G.
Preservation and Development of the Native Languages ..... of Indigenous Minorities

Теодорович М.Л., Патокина Н.Н., Софронова Ю.Л., Свинцов А.А.
Социологический анализ публикаций в англоязычных интернет-блогах на тему управления персональными финансами 26

Theodorovich, M.L., Patokina, N.N., Sofronova, Yu.L., Svintsov, A.A.
Sociological Analysis of Publications in English-Language Online Blogs ..... on Personal Finance Management

Смелова А.А.
Роль EdTech-компаний в цифровизации образования: зарубежный взгляд 37

Smelova, A.A.
The Role of EdTech-Companies in the Digitalization of Education: ..... A Foreign Perspective

Дорцева Е.В.
Нормативно-правовое регулирование видов и деятельности субъектов пропаганды в отношении молодежи в Российской Федерации: социологический анализ 50

Dortseva, E.V.
Normative-Legal Regulation of Types and Activities of Propaganda Subjects in Relation to Youth in the Russian Federation: ..... Sociological Analysis

Бигвава А.С.
История взаимодействия музеев и государства 60

Bigvava, A.S.
History of Interaction between ..... Museums and the State

ПСИХОЛОГИЯ ..... **70** ..... **PSYCHOLOGY**

Эксакусто Т.В., Голубева Ш.А.
Парциальные характеристики ментальных репрезентаций этнической идентичности молодых людей 70

Eksakusto, T.V., Golubeva, Sh.A.
Partial Characteristics of Mental Representations of Ethnic Identity ..... among Young People

Столбов М.М.
Трансформация системы мотивации персонала производственных предприятий в условиях экономической турбулентности: новые подходы и инструменты 80

Stolbov, M.M.
Transformation of the Personnel Motivation System of Production Enterprises in the Conditions of Economic Turbulence: ..... New Approaches and Tools

ПЕДАГОГИКА ..... **87** ..... **PEDAGOGICS**

Колесникова Г.И., Калинин В.А.
Актуализация творческого потенциала обучающихся в процессе формирования лингвокультурологической компетенции при обучении русскому языку как иностранному в Республике Узбекистан ... 87

Kolesnikova, G.I., Kalinin, V.A.
Actualization of Students' Creative Potential in the Process of Forming Linguistic and Cultural Competence in Teaching Russian as a Foreign Language ..... in the Republic of Uzbekistan

Пономарев П.А., Шалин В.В., Самыгин С.И.
Патриотическое воспитание современной российской молодежи: основные проблемы и перспективные направления 95

Ponomarev, P.A., Shalin, V.V., Samygin, S.I.
Patriotic Education of Modern Russian Youth: The Main Problems ..... and Promising Directions

Фунг Т.Н.А., Кащук С.М.
История и современность преподавания русского языка как иностранного во Вьетнаме 103

Phung T.N.A., Kashchuk, S.M.
History and Contemporaneity of Teaching Russian ..... as a Foreign Language in Vietnam

Дубовицкий Р.А.
Анализ тенденций и определение эффективных форм и методов корпоративного образования в России 111

Dubovitskiy, R.A.
Analysis of Tendencies and Defining Forms and Methods of Corporate Education in Russia

Савкина Н.Г., Шевелева Н.П.
Арт-педагогика как средство формирования мотивации к учебной деятельности у младших школьников 117

Savkina, N.G., Sheveleva, N.P.
Art Pedagogy as a Means of Forming Motivation for Learning Activities in Primary School Children

Шастина Т.В.
Формирование этнопевческой культуры личности в системе современного музыкального образования..... 125

Shastina, T.V.
Criteria and Indicators of the Formation of the Ethno-Singing Culture of Students of the University of Culture

Шашкова В.Н.
Возможности реализации педагогической технологии «обучение в сотрудничестве» в процессе преподавания учебной дисциплины «Иностранный язык»..... 133

Shashkova, V.N.
Possibilities of Implementing the Pedagogical Technology “Cooperative Learning” in the Process of Teaching the Academic Discipline “Foreign Language”

Коротаева А.А.
Дидактические аспекты формирования функциональной грамотности младших школьников 141

Korotaeva, A.A.
Didactic Aspects of the Formation of Functional Literacy of Primary School Students

Научная статья
УДК 316.7
https://doi.org/10.24158/spp.2025.2.1

Сохранение и развитие родного языка коренных малочисленных народов

Виктория Владимировна Доржеева[1], Ольга Юрьевна Слепцова[2], Юлия Гаврильевна Степанова[3]
[1,2]Северо-Восточный государственный университет, Магадан, Россия
[3]Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия
[1]dorvic68@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0142-6639
[2]garrisoly@gmail.com
[3]julia_stepan_99@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7721-0298

Аннотация. Статья посвящена анализу данных, полученных в ходе социологического опроса коренных жителей поселка, являющегося центром муниципального округа Магаданской области, внесенного в перечень мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации. Всероссийские переписи населения фиксируют снижение численности коренных малочисленных народов, проживающих в Магаданской области, выявляют снижение количества носителей родных языков коренных народов Севера. Вопросы сохранения, преподавания и трансляции миноритарных языков продолжают оставаться актуальными в течение последних десятилетий. Остро встает проблема сохранения традиционной культуры, родных языков и трансляция этих ценностей подрастающему поколению. Результат опроса выявил утрату коммуникативных функций родных языков коренных народов как в повседневности, так и в широкой социальной практике. Выявлено, что языки коренных народов перестали восприниматься значимыми факторами в формировании чувства принадлежности к своему народу. Зафиксирована потребность респондентов в изучении родных языков и готовность принимать участие в работе по их сохранению.

Ключевые слова: родной язык, социолингвистический опрос, языковая ситуация, коренные малочисленные народы, респонденты, изучение родных языков, родной язык как средство общения, Магаданская область

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке НОЦ «Север: территория устойчивого развития». Технологический проект № 9 «Технологическое обеспечение социальной стабильности полиэтнических сообществ на Северо-Востоке России». Соглашение о предоставлении гранта от 08.10.2024 г. № П-16 с АНО «Центр управления проектами НОЦ “Север”».

Для цитирования: Доржеева В.В., Слепцова О.Ю., Степанова Ю.Г. Сохранение и развитие родного языка коренных малочисленных народов // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 2. С. 16–25. https://doi.org/10.24158/spp.2025.2.1.

Original article

Preservation and Development of the Native Languages of Indigenous Minorities

Victoria V. Dorzheeva[1], Olga Yu. Sleptsova[2], Yulia G. Stepanova[3]
[1,2]North-Eastern State University, Magadan, Russia
[3]Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia
[1]dorvic68@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0142-6639
[2]garrisoly@gmail.com
[3]julia_stepan_99@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7721-0298

Abstract. The article delves into the analysis of data obtained through a sociological survey of the indigenous residents of a settlement that serves as the administrative center of a municipal district in the Magadan region, recognized as a traditional habitat and site for the customary economic activities of the indigenous minorities of the Russian Federation. National censuses have documented a decline in the population of indigenous minorities residing in the Magadan region, revealing a decrease in the number of speakers of the native languages of the Northern indigenous peoples. The issues of preservation, teaching, and transmission of minority languages have remained relevant over the past few decades. The urgent problem of maintaining traditional culture, native languages, and the transmission of these values to the younger generation has become increasingly pronounced. The results of the survey indicated a loss of communicative functions of the native languages among indigenous peoples, both

© Доржеева В.В., Слепцова О.Ю., Степанова Ю.Г., 2025

in everyday life and in broader social practices. It was found that the languages of indigenous peoples are no longer perceived as significant factors in the formation of a sense of belonging to their ethnic group. Furthermore, the survey documented the respondents' expressed need for learning their native languages and their willingness to participate in efforts aimed at their preservation. This highlights a crucial aspect of cultural identity and the importance of linguistic heritage among indigenous communities.

Keywords: native language, sociolinguistic survey, language situation, indigenous minorities, respondents, learning native languages, native language as a means of communication, Magadan Region

Funding: The study was carried out with the financial support of the REC "North: territory of sustainable development". Technological project No. 9 "Technological support for the social stability of multiethnic communities in the North-East of Russia". Grant agreement dated 08.10.2024 No. P-16 with ANO "Project Management Center of REC «North»".

For citation: Dorzheeva, V.V., Sleptsova, O.Yu. & Stepanova, Yu.G. (2025) Preservation and Development of the Native Languages of Indigenous Minorities. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics.* (2), 16–25. Available from: doi:10.24158/spp.2025.2.1 (In Russian).

Сохранение языков народов России, в частности, родных языков коренных малочисленных народов, является важной задачей государства, общества, этносов в целом и их представителей. Многообразие культур народов России невозможно без бережного отношения к языкам, отражающим традиции, ценности, душу этноса. Значимость работы по сохранению языков коренных народов отметил президент В.В. Путин во время поездки на Чукотку в январе 2024 г. Участники встречи обратились к нему с просьбой упростить процедуру обеспечения учебниками и учебными пособиями по родным языкам народов Севера, а также оказать поддержку Федеральному институту родных языков РФ в его работе по сохранению языков[1]. Всероссийские переписи населения в 2010 и 2020 гг. выявили снижение количества носителей родных языков коренных народов Севера[2]. Фиксируемый исследователями продолжающийся языковой сдвиг вызван переходом с этнических миноритарных родных языков на доминирующие языки, прежде всего – русский язык. Помимо усилий государства в рамках реализации государственной национальной политики, значимым фактором стабильности традиционных культур и родных языков является активизм представителей коренных народов, их общественных организаций. Анализ текущей языковой ситуации необходим для понимания объективной картины, выработки вариантов взаимодействия всех заинтересованных сторон, совместного поиска решения проблемы исчезновения родных языков коренных народов российского Севера.

Термин «родной язык» в научной литературе трактуется достаточно широко. Он включает в себя различные элементы – функциональные, этнические, духовно-культурные и раскрывается через понятия «материнский язык», «этнический язык», «национальный язык», «функционально первый язык»[3]. Современное российское федеральное законодательство не дает строгой дефиниции «родной язык», ограничиваясь фиксацией гарантии равных прав на сохранение и всестороннее развитие родного языка, права на его использование[4]. Более детализированным является законодательство субъектов федерации, в котором региональный законодатель предлагает собственные определения понятия «родной язык»[5]. В своей работе мы опирались на понятие «родной язык», закрепленное в законе Магаданской области: «Родные языки коренных малочисленных народов – исторически обусловленные и закрепленные в общественном сознании коренных малочисленных народов системы знаков, служащие естественным способом человеческого

[1] Етти В.В. Глава государства обсудит с министром просвещения РФ сохранение родных языков КМНС // Магаданская правда. 2024. 26 янв. № 3.

[2] Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс] : доклад. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612-tom4.htm (дата обращения: 02.08.2024) ; Итоги ВПН-2020 [Электронный ресурс] : сборник. Том 5. Национальный состав и владение языками // Там же. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 02.08.2024).

[3] Язык и общество. Энциклопедия / гл. ред. В.Ю. Михальченко. М., 2016. С. 375.

[4] О языках народов Российской Федерации : Закон РФ от 25.10.1991 № 1807-I // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1991. № 50. Ст. 1740.

[5] О родных языках коренных малочисленных народов Севера на территории Ямало-Ненецкого автономного округа : Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 05.04.2010 № 48-ЗАО (в ред. от 01.07.2011) // Красный Север. 2010. № 19 ; О государственных языках Удмуртской Республики и иных языках народов Удмуртской Республики : Закон УР от 06.12.2001 № 60-РЗ (в ред. от 21.06.2010 № 26-РЗ и от 10.04.2015 № 15-РЗ) // Известия Удмуртской республики. 2001. № 196 ; О языках народов Республики Бурятия : Закон Республики Бурятия от 10.06.1992 № 221-XII (в ред. от 29.09.2003 № 467-III, от 03.07.2006 № 1756-III, от 13.10.2011 № 2261-IV, от 14.11.2013 № 104-V, от 07.03.2014 № 278-V, от 21.12.2015 № 1588-V, с изм., внесенными Решением Верховного Суда Республики Бурятия от 31.07.2003) // Бурятия. 1992. № 119 ; О родных (национальных) языках коренных малочисленных народов, проживающих на территории Красноярского Края : Закон Красноярского Края от 05.11.2015 № 9-3816 // Наш Красноярский край. 2015. № 88 (776).

общения и мыслительной деятельности, способом национальной самоидентификации, средством хранения и передачи информации и являющиеся основой и средством воплощения и развития национальной культуры коренных малочисленных народов»[1]. Применительно к характеристике родных языков коренных малочисленных народов в работе используется понятие «миноритарные языки» в значении «язык, носители которого более малочисленны по сравнению с носителями другого языка, взятого в качестве основания для сравнения» (Паско, 2017: 1091).

Многие авторы, изучающие современное состояние языков коренных малочисленных народов России, указывают на угрозы их существованию в условиях полиэтничного общества и отмечают значимость родных языков как одного из факторов формирования этнической идентичности (Биткеева и др., 2019; Ткачук, 2021; Хакназаров, 2020; Галямов, 2021). Сохранность и уровень витальности родного языка рассматривается как условие стабильности существования этноса. Прогнозирование жизнеспособности языков коренных малочисленных народов, классификация по степени их сохранности является предметом изучения исследователей (Кибрик, 1992; Роббек, 1998). Классификации, основанные на разных критериях, позволяют определить как уровень жизнеспособности языков коренных народов, так и приблизительную траекторию их дальнейшего существования. В рамках данной работы авторы опирались на систему признаков жизнеспособности языков, предложенную Н.Б. Вахтиным, которая включает в себя уровень владения языком в разных возрастных группах; активное или пассивное владение языком; количество людей в разных возрастных группах, владеющих языком; степень владения нетитульным языком (Вахтин, 2001).

Понятие «коренные малочисленные народы» используется авторами в значении, закрепленном в федеральном законодательстве: «Коренные малочисленные народы Российской Федерации – народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйственную деятельность и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями»[2].

Цель данного исследования – выявление потребности представителей коренных малочисленных народов и этнических групп, проживающих на территории Магаданской области, в сохранении и развитии родных языков и традиционной культуры.

В связи с поставленной целью определены *задачи исследования*:

– определить степень заинтересованности целевой группы (представителей коренных малочисленных народов и этнических групп, проживающих на территории Магаданской области) в сохранении родных языков и традиционной культуры);

– выявить факторы, препятствующие сохранению родных языков коренных малочисленных народов Севера (далее – КМНС);

– раскрыть роли институтов гражданского общества (национальных общин, общественных организаций) в деятельности по сохранению родных языков и традиционной культуры;

– определить степень эффективности работы системы образования, направленной на сохранение родных языков, реализации мероприятий целевых программ и закона Магаданской области «О родных языках коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Магаданской области»;

– выявить оценки деятельности СМИ и органов власти в области сохранения национальных традиций, родного языка и культуры, данные представителями целевой группы.

Исследование было проведено в поселке Ола Магаданской области в 2022 г. Общая численность населения поселка составляет 5 985 чел., из них 968 чел. относятся к коренным малочисленным народам (по состоянию на 01.01.2022 г.)[3]. Поселок является центром Ольского муниципального округа, внесенного в перечень мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации[4]. Преподавание родного языка в школе п. Ола в 2022 г. не осуществлялось, основная причина – отсутствие кадров. В Центре дополнительного образования детей п. Ола в 2019/20 учебном году велась модифицированная программа «Наш язык». Кочевых школ в поселке и районе нет. Знакомство с родным

[1] О родных языках коренных малочисленных народов севера, проживающих на территории Магаданской области : Закон Магаданской области от 30.03.2016 № 2013-ОЗ. Доступ из проф. справочной системы «Кодекс».

[2] О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации : Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ (ред. от 13.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 18. Ст. 2208.

[3] Паспорт МО «Ольский ГО» 2022 г. [Электронный ресурс] // Ольский муниципальный округ. URL: https://ola49.ru/city/economica.php (дата обращения: 08.08.2023).

[4] Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов РФ и перечня видов их традиционной хозяйственной деятельности [Электронный ресурс] : Распоряжение Правительства РФ от 08.05.2009 № 631-р // Правительство России. URL: http://government.ru/docs/30064/ (дата обращения: 02.08.2024).

языком происходит в рамках кружка по декоративно-прикладному творчеству в краеведческом музее п. Ола. Занятия рассчитаны на детей и взрослых. В качестве помощников учителей выступают носители языка – старейшины. Изучение родного языка детьми проходит также во время смены в летнем оздоровительном лагере «Нёлтен Хэдекен». В поселке проводят национальные праздники: Хэбденек – эвенский Новый год, Бакылдыдяк («Праздник первой рыбы»), этнофестиваль «Дзялбу». Из национальных видов спорта практикуется северное многоборье – соревнования организуются по мере финансирования, а также во время национальных праздников. В 2022 г. в поселке Ола было зарегистрировано 6 родовых общин, большинство которых занято в сфере традиционного рыболовства. Оленеводство в поселке и районе не практикуется. Нормативная база Ольского муниципального округа формируется на основе государственных программ Магаданской области[1]. В поселке действуют общественные организации: Ольская поселковая и районная общественные организации малочисленных народов и этнических групп Севера.

В опросе приняли участие жители поселка Ола, которые относятся к коренным малочисленным народам и этническим группам Севера. Всего было опрошено 134 представителя КМНС в возрасте от 15 до 70 лет и старше.

Социально-демографические характеристики респондентов:

– по возрастным группам: 15–19 лет – 33,8 %; 20–40 лет – 24,7 %; 41–59 лет – 32,9 %; 60 лет и старше – 8,1 %;

– по полу: мужчины – 37,6 %; женщины – 62,4 %;

– по национальности: эвены – 58,6 %; ительмены – 12,8 %; коряки – 11,3 %; чукчи – 10,5 %; орочи – 2,3 %; эскимосы – 1,5 % (согласно данным Всероссийской переписи населения 2020 г., в Ольском городском (муниципальном) округе Магаданской области проживали 8,11 % эвенов, 3,11 % ительменов, 1,01 % коряков, 0,38 % чукчей, 0,73 % орочей, 0,1 % чукчей[2]);

– по роду занятий: работник в сфере традиционных занятий (рыбак, охотник, оленевод) – 5,4 %; работник образования и науки – 4,7 %; работник здравоохранения – 1,6 %; работник культуры – 9,3 %; служащий – 14,0 %; обучающийся (студент, школьник) – 35,6 %; пенсионеры (неработающие и работающие) – 7,0 %.

Обработка данных опроса произведена с помощью программного обеспечения SPSS Statistics, результаты представлены методами описательной статистики с использованием относительных частот, выраженных в валидных процентах.

Язык выступает средством передачи и сохранения культуры, маркером «свой–чужой», выполняет функцию интеграции народа, отражает представление людей о мире, мироздании, связи с природой и окружающим миром. Функциональность родного языка связана с традиционными видами деятельности. 21,4 % опрошенных ведут традиционный образ жизни, а 47,6 % практикуют его элементы. При этом рыболовство и охота имеют значение для 66,0 % респондентов. «Большое» значение оленеводства для себя отметили 38,0 %, «среднее» – 27,0 %, «никакое» – 33,0 %. Указали, что ведут кочевой образ жизни 10,3 %.

Русский язык считают родным 38,9 % опрошенных (рис. 1).

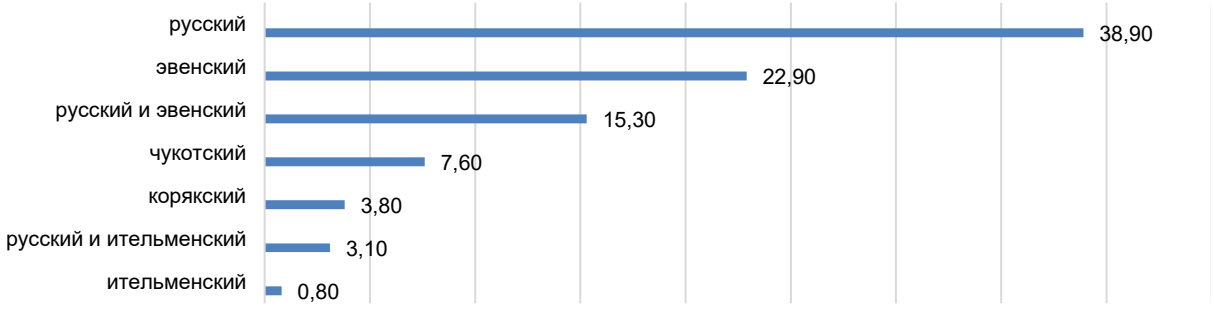


Рисунок 1 *– «Ваш родной язык» (% от всех опрошенных)*

Figure 1 *– "Your Native Language" (% of All Respondents)*

[1] Об утверждении государственной программы Магаданской области «Содействие развитию институтов гражданского общества и реализации государственной национальной политики в Магаданской области» [Электронный ресурс] : Постановление Правительства Магаданской области от 30.12.2021 № 1079-пп // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://clck.ru/3GUWCD (дата обращения: 15.09.2022).

[2] Итоги Всероссийской переписи населения – 2020. Т. 5.1. Национальный состав населения Магаданской области по муниципальным образованиям [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 18.08.2024).

43,1 % респондентов отметили, что совсем не владеют родным языком. Остальные указали на различный уровень владения – от пассивного до свободного (рис. 2). Определение родных языков коренных народов, закрепленное в региональном законодательстве, мало знакомо населению поселка. Социально-политические процессы, сопровождавшие обсуждение, принятие и реализацию областного закона «О родных языках коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Магаданской области», не оставили заметного следа в общественном сознании[1]. В ходе проведенного опроса указали, что знакомы с этим законом, 26,0 % респондентов, треть опрошенных «что-то слышала о нем»; 40,0 % не знают об этом нормативном акте. В рамках опроса понятие «родной язык» не разъяснялось. Респондентам предоставили возможность самостоятельно понять его содержание при ответе на вопросы. Было выявлено, что «родной язык» связан прежде всего с понятием семьи и родителей: «это язык моих родителей» – 40,0 % ответов, и это не зависит от степени владения родным языком респондентами. Таким образом, называя эвенский, корякский, чукотский языки своими родными языками, респонденты манифестируют свое этническое самосознание.

Рисунок 2 *– «Степень владения родными языками» (% от всех опрошенных)*

Figure 2 *– "Native Language Proficiency" (% of All Respondents)*

Более высокий уровень сохранности родного языка зафиксирован у чукчей и коряков (14,2 %). Свободно владеют и предпочитают общаться на родном языке только 11,6 % эвенов. Указали, что не владеют родным языком, 38,9 % эвенов, 21,4 % чукчей, 58,8 % ительменов, 42,8 % коряков. Респонденты-камчадалы отметили свободное владение родным языком, но при полном предпочтении общения на русском языке. Таким образом, количество владеющих родным языком, способных быть его трансляторами, хранителями, незначительно – не достигает даже четверти опрошенных, и в основном представлено старшим поколением. Данные свидетельствуют о негативном тренде развития этноязыковых процессов: явный переход с родного языка на доминирующий русский и сужение сферы функционирования родного языка.

При этом большинство респондентов заявляют о том, что знакомы с национальным фольклором (сказками, песнями, пословицами): уверенно ответили «да» 41,1 %; 31,8 % – «знают немного»; 27,1 % – не знают.

Среди факторов, сближающих со своим народом, родной язык оказался не на лидирующих позициях. Только 31,0 % опрошенных указали его среди прочих идентифицирующих этничность маркеров. В данном случае этот результат коррелирует с данными, полученными коллегами из Якутска, когда среди этнообъединяющих факторов молодые респонденты-северяне родной язык не поставили в первую тройку ответов. А «родная земля и природа» везде занимают первое место в иерархии факторов (Игнатьева и др., 2022).

Среди причин слабого владения родным языком отсутствие языковой среды заняло лидирующие позиции (рис. 3).

[1] Комиссия ОПМО обсудила первые итоги реализации регионального закона о родных языках КМНС [Электронный ресурс] // Общественная Палата Магаданской области. 2017. URL: https://op49.ru/novosti/komissiya-opmo-obsudila-pervye-itogi-realizatsii-regionalnogo-zakona-o-rodnyh-yazykah-kmns (дата обращения 02.09.2024) ; Северная латынь? // Магаданская правда. 2019. 18 окт. № 80.

Рисунок 3 *– «Если Вы не владеете родным языком, то по какой причине?» (% от всех опрошенных)*

Figure 3 *– "If You Don't Speak Your Native Language, for What Reason?" (% of All Respondents)*

Подтверждают отсутствие языковой среды показатели использования родного и русского языков в быту и на работе. 72,0 % опрошенных используют русский язык на работе (рис. 4); 58,5 % – дома и в быту, только на родном языке дома говорят 10,0 %.

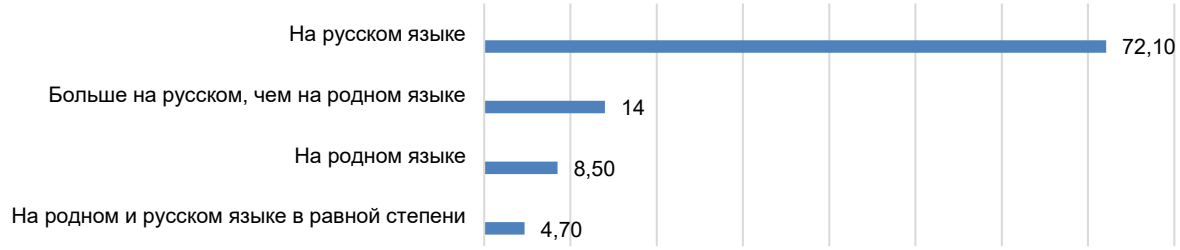


Рисунок 4 *– «На каком языке/языках Вы общаетесь на работе?» (% от всех опрошенных)*

Figure 4 *– "What Language/Languages Do You Communicate in at Work?" (% of All Respondents)*

Фиксируя собственное слабое знание родного языка, респонденты отмечают его недостаточную витальность (только 12,0 % полагают, что родной язык находится в безопасности; 3,9 % считают, что он исчез). Опасаются за состояние родного языка 16,4 %; полагают, что он находится под угрозой исчезновения, 46,0 %; фиксируют ситуацию исчезновения родного языка 3,9 % опрошенных. При этом указали, что встречаются с жизненными ситуациями, требующими знания родного языка («да», «изредка», «при общении со старшим поколением»), более 65,0 %. Респондентами демонстрируется готовность в той или иной мере (очевидно, в зависимости от уровня знания родного языка) принимать участие в деле сохранения родных языков. Ответили, что преподавать родной язык детям могли бы 16,3 %, взрослым – 3,8 %, проводить мероприятия (конкурсы, викторины, диктанты) выразили готовность 33,7 %, вести каналы на родном языке в соцсетях могли бы 18,3 %, иначе участвовать в мероприятиях и оказывать помощь в их проведении готовы 19,6 % респондентов. В подготовке и проведении национальных праздников принимают участие 25,0 % участвовавших в опросе.

Отмечая важность сохранения и развития родных языков и выражая готовность принимать участие в деле их сохранения (56,2 %), респонденты в своей жизнедеятельности и при выстраивании векторов развития своей жизни не рассматривают родной язык как необходимый инструмент и фактор социального лифта. Карьеру учителя родного языка для своих детей считает привлекательной только треть опрошенных. Около 62,0 % респондентов полагают, что выбор более востребованных специальностей обеспечит детям лучшие перспективы. Связывают знание родного языка, возможность карьерного роста и, соответственно, успех в жизни 26,0 %, а 23,8 % уверены, что знание родного языка никак не поможет восходящей социальной мобильности. Представители старшего поколения респондентов (70 и более лет), напротив, убеждены (66,0 %), что

знание родного языка поможет детям сделать карьеру и иметь успех в жизни. Отметим, что в возрастных группах молодежи, среднего и старшего возраста более трети респондентов затруднились ответить на этот вопрос (37,0 % – в возрастной группе 15–19 лет; по 33,0 % – в возрастных группах 35–39 лет, 55–59 лет, 60–64 года).

Готовность изучать родной язык выразили 55,9 % респондентов. Заинтересованность в изучении родного языка заметно возрастает, когда экономическое и социальное благополучие ставится в зависимость от его знания, – в этом случае его готовы изучать 80,5 %. Во всех возрастных группах, кроме старших (60 и более лет), респонденты проявили готовность изучать родной язык, если для этого будут созданы условия. Наибольшую заинтересованность в изучении родного языка высказали респонденты в возрасте от 25 до 29 лет (57,0 %).

Перечень изданий на языках коренных народов Магаданской области достаточно обширный, значительная его часть представлена изданиями советского периода[1]. У 43,0 % респондентов дома имеется литература на родном языке. Знают современных писателей, пишущих книги на родном языке, 44,1 % опрошенных. При этом читают регулярно книги на родном языке только 10,2 %, большинство респондентов (57,0 %) – нет. Не знакомят своих детей с литературой на родном языке 67,4 %. Только 21,0 % рассказывают своим детям сказки и поют песни на родном языке. Соответственно, 78,0 % не знакомят детей с фольклором, поскольку: сами не знают родного языка (56,6 %), дети не знают родного языка (18,2 %), не считают необходимым это делать (7,1 %). Эти показатели соотносятся с уровнем владения родными языками среди опрошенных.

Для 73,4 % респондентов недоступны газеты, журналы или иные средства массовой информации на родном языке. В Магаданской области издаются две газеты: «Торэн» («Разговор»), публикующая материалы на русском и языках коренных народов, и интернет-газета Северо-Эвенского района Магаданской области «Эвенчанка». Доступными для читателя СМИ на родных языках считают 26,6 % опрошенных, большинство из которых указали газету «Торэн». Ее учредителем является Магаданская общественная ассоциация коренных малочисленных народов и этнических групп Севера. Распространяется газета бесплатно. Тираж издания – 500 экземпляров. Сайта у газеты «Торэн» нет. Высокую (66,0 %) доступность СМИ на родном языке (газеты, журналы, иные СМИ) отметили представители старших возрастных групп (55–59 лет и 70+ лет). Недоступными СМИ на родном языке считают представители молодых поколений 15–19 лет – 77,0 %, респонденты в возрасте 20–44 года – более 80,0 %. Очевидно, что традиционная форма издания газеты делает ее более востребованной у старшего поколения. Для поколений, знакомых с электронными СМИ, бумажный формат газеты менее интересен.

Важными институтами сохранения и трансляции традиционной культуры и родных языков должны быть общественные организации коренных малочисленных народов. Респонденты отводят им значительную роль в деле сохранения родных языков и традиционных культур (более 60,0 %). Однако эффективность этой работы институтов гражданского общества, по оценке респондентов, низкая. Как эффективную, ее отметили 19,4 %. Знают о существовании и деятельности Ольской поселковой и районной общественной организации малочисленных народов и этнических групп Севера 75,6 % опрошенных, состоят членами этих организаций 39,0 %.

Выводы. Результаты опроса выявили тенденцию утраты языка коренных народов на фоне манифестации его высокой значимости как духовной ценности. Родной язык для представителей коренных народов п. Ола представляет несомненную ценность, мало связанную с повседневной жизнью. Демонстрируя уверенность в его значимости, респонденты в своей повседневной практике не рассматривают родной язык как очевидную потребность.

Социокультурная и образовательная среда поселка не формируют устойчивого языкового пространства. Несмотря на полиэтничный состав населения п. Ола, русский язык является доминирующим как в быту, так и при социальной коммуникации. Родной язык респондентов в целом не совпадает с национальной принадлежностью, поскольку большинство считающих себя эвенами, коряками, чукчами, указали русский язык как свой родной. В повседневной практике этнические родные языки утратили свое функциональное значение. Полагаем, что полезным будет представление языков коренных народов в социокультурном пространстве поселка. Это могут быть вывески, наименования улиц, наружная реклама с использованием корякского, эвенского, чукотского языков.

Сфера функционирования родных языков сузилась до рамок семьи и минимального бытового общения. Наполнение языковой среды большей частью сведено к использованию некоторых слов и выражений в бытовой сфере, языковые компетенции у респондентов (за исключением старшего поколения) практически не сформированы. Семья, как институт сохранения и трансляции род-

[1] Издания на языках коренных малочисленных народов Севера (ительменском, корякском, чукотском, эвенском, эскимосском, юкагирском) в учреждениях Магаданской области : сводный каталог / авт.-сост. О.А. Толоконцева; отв. ред. А.А. Бурыкин. Магадан, 2008. 222 с.

ных языков, формирования первых языковых компетенций, утратила эти свои функции. Можно предполагать, что с уходом старших поколений бытовая сфера функционирования родных языков будет сужаться. Родной (этнический) язык в семьях ольчан практически не транслируется между поколениями. Большинство респондентов (59,0 %) отметили, что их родители общались на русском языке, сегодня в семьях опрошенных также преобладает русский язык (58,5 %).

Родные языки коренных народов поселка Ола трансформировались из средства общения в фактор этнической памяти и истории, утратили значение маркера этнической идентичности. Сегодня миноритарные языки сохраняются как компонент этнокультуры (народный фольклор). Родной язык не вошел в топ этнических маркеров, уступив таким факторам, как родная земля и природа, национальные праздники и одежда. Оценка роли родного языка в жизненных стратегиях среди разных возрастных групп отражает жизненный опыт поколений, полиэтничную среду, в которой средством коммуникации является русский язык, объективную степень сохранности родных языков.

Опрос выявил интерес и мотивацию к изучению родных языков, а также необходимость создания условий для его изучения. Группы респондентов молодого и среднего возраста, отмечающие собственную недостаточную языковую компетенцию, готовы изучать родной язык, даже при условии, что это не принесет каких-либо преференций и выгод. Степень заинтересованности целевой группы в сохранении родных языков и культуры высока. Полагаем, что эта готовность демонстрирует потенциал родных языков и свидетельствует о реакции коренных народов на угрозу полного исчезновения миноритарных языков. Таким образом, можно говорить о двойственной ситуации. С одной стороны, низкая коммуникативная роль родных языков и фактическая утрата языковой среды, с другой стороны, уверенность в жизнеспособности родных языков и сформулированная готовность их изучения. Для улучшения ситуации с родными языками предлагаем ввести в учебный процесс факультативное преподавание родных языков в школе. К преподаванию, организации и проведению мероприятий следует привлекать активистов, желающих участвовать в работе по сохранению родных языков.

Институциональные акторы, такие как СМИ, институты гражданского общества, выполняя функцию сохранения языков коренных народов, не достигают заметного эффекта в своей деятельности. Выявлена высокая информированность населения о существовании СМИ и общественных организаций коренных малочисленных народов, но участвует в их деятельности меньше половины опрошенных. При этом большинство подчеркивает, что общественные организации КМНС должны заниматься работой по сохранению родных языков и традиционных культур – постоянно и периодически. Формы работы в данном направлении представляются следующими: возрождение радиовещания на языках коренных народов, размещение соответствующего контента в соцсетях и интернет-каналах, издание видео- и аудио воспоминаний носителей языка, старейшин. Для привлечения молодежной аудитории, газете «Торэн» необходим сайт, каналы в соцсетях.

Таким образом, действует комплекс причин, которые имеют объективный характер. Сформированная региональная нормативная база, действующий с 2016 г. областной закон «О родных языках…» не оказали решающего воздействия на процесс сохранения языков коренных народов в рамках конкретного локуса. Экономика региона, социодемографические процессы, система образования, формы традиционной хозяйственной деятельности (в сохранившихся объемах) выводят за скобки востребованность родных языков коренных малочисленных народов и не формируют систему, стимулирующую интенсивность их использования. Вероятно, можно говорить уже о фазе консервации языков, фиксации и сохранении существующих языков, но не об их развитии. Полагаем, что развитие возможно, если заявленная потребность в изучении родных языков будет реализована на практике. Когда языки вернут полный объем функциональности и будет восстановлена (возрождена) языковая среда, тогда можно будет предполагать устойчивость и жизнеспособность языков коренных народов. Однако формирование такой ситуации мы оцениваем как минимально возможное и предполагаем пессимистический сценарий будущего миноритарных языков в локальном масштабе.

Список источников:

Биткеева А.Н., Вингендер М., Михальченко В.Ю. Прогнозирование и языковое многообразие в Российской Федерации: социолингвистический аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2019. Т. 18, № 3. С. 6–23. https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.1.

Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб., 2001. 338 с.

Галямов А.А. Владение родным языком у представителей коренных малочисленных народов Севера: социологический анализ на примере г. Сургута // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ханты-Мансийск, 2021. С. 474–480.

Идентичность, язык и культура молодежи коренных народов Севера: Итоги исследования в Якутии : монография / В.Б. Игнатьева [и др.]. Новосибирск, 2022. 272 с. https://doi.org/10.7868/978-5-02-041506-5.

Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфическое в языке) : монография. М., 1992. 336 с.

Паско А. Миноритарный язык, минорируемый язык, миноризируемый язык или язык в миноритарной ситуации? Опыт дефиниции и использования в ситуации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8, № 4. С. 1084–1102. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-4-1084-1102.

Роббек В.А. Новые альтернативы в теории и практике организации образования в целях сохранения языков малочисленных народов Севера // Образование как фактор развития языков и культур этнических меньшинств : сборник трудов конференции. СПб., 1998. С. 48–57.

Ткачук Н.В. Родной язык как основание этнической идентичности представителей коренных малочисленных народов Севера Югры (социологический анализ) // Просветительство в этнокультурных реалиях Кавказа : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 170-летию ингушского ученого и просветителя Ч.Э. Ахриева. Магас, 2021. С. 187–193.

Хакназаров С.Х. Жизнестойкость и общественная значимость родных языков коренных народов севера в разрезе общественных мнений (на примере с. Угут Сургутского района Югры) // Реальность этноса. Родной язык, фольклор, культура и литература коренных народов России в системе образования: проблемы и перспективы сохранения и развития : сборник статей по материалам XIX Международной научно-практической конференции. СПб., 2020. С. 69–74.

References:

Bitkeeva, A.N., Wingender, M. & Mikhaylchenko, V.Yu. (2019) Language prognosis and language diversity in the Russian Federation: sociolinguistic aspect. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 18 (3), 6–23. Available from: doi:10.15688/jvolsu2.2019.3.1. (In Russian)

Galyamov, A.A. (2021) Vladenie rodnym yazykom u predstaviteley korennykh malochislennykh narodov Severa: sotsiologicheskiy analiz na primere g. Surguta [Proficiency in native languages among representatives of indigenous peoples of the North: a sociological analysis based on the example of Surgut]. In: *Korennye malochislennye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: traditsii i innovatsii* [Indigenous Peoples of the North, Siberia, and the Far East: Traditions and Innovations]. Khanty-Mansiysk, pp. 474–480. (In Russian)

Ignatyeva, V.B., Vasilyeva, O.V., Tomaska, A.G., Maklashova, E.G., Stepanova, Yu.G. & Danilov, I.A. (2022) *Identichnost', yazyk i kul'tura molodezhi korennykh narodov Severa: Itogi issledovaniya v Yakutii* [Identity, language, and culture of the youth of indigenous peoples of the North: results of research in Yakutia]. Novosibirsk. 272 p. Available from: doi:10.7868/978-5-02-041506-5. (In Russian)

Khaknazarov, S.Kh. (2020) Zhiznestoykost' i obshchestvennaya znachimost' rodnykh yazykov korennykh narodov Severa v razreze obshchestvennykh mneniy (na primere S. Ugut Surgutskogo rayona Yugry) [Resilience and social significance of native languages of the indigenous peoples of the North in the context of public opinion (based on the example of Ugut village, Surgut district, Yugra)]. In: *Real'nost' etnosa. Rodnoy yazyk, folklore, kul'tura i literatura korennykh narodov Rossii v sisteme obrazovaniya: problemy i perspektivy sokhraneniya i razvitiya* [Reality of the ethnos. Native language, folklore, culture, and literature of indigenous peoples of Russia in the education system: problems and prospects for preservation and development]. St. Petersburg, pp. 69–74. (In Russian)

Kibrik, A.E. (1992) *Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykovedeniya (universal'noye, tipovoye i spetsificheskiye cherty yazyka)* [Essays on General and Applied Linguistics (universal, typological, and specific features of language)]. Moscow. 336 p. (In Russian)

Pascaud, A. (2017) Minority languages, marginalized languages, minoritized languages or language in a minoritial situation? Attempted definition and performances. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 17 (8), 1084–1102. Available from: doi:10.22363/2313-2299-2017-8-4-1084-1102. (In Russian)

Robbek, V.A. (1998) Novyye al'ternativy v teorii i praktike organizatsii obrazovaniya v tseley sokhraneniya yazykov malochislennykh narodov Severa [New alternatives in the theory and practice of education aimed at preserving the languages of indigenous peoples of the North]. In: *Obrazovaniye kak faktor razvitiya yazykov i kul'tur etnicheskikh menshinstv* [Education as a factor in the development of the languages and cultures of ethnic minorities]. St. Petersburg, pp. 48–57. (In Russian)

Tkachuk, N.V. (2021) Rodnoy yazyk kak osnovanie etnicheskoy identichnosti predstaviteley korennykh malochislennykh narodov Severa Yugry (sotsiologicheskiy analiz) [Native language as a foundation of ethnic identity among representatives of indigenous minorities of the North of Yugra (a sociological analysis)]. In: *Prosvetitel'stvo v etnokul'turnykh realiyakh Kavkaza* [Enlightenment in the Ethnocultural Realities of the Caucasus]. Magas, pp. 187–193. (In Russian)

Vakhtin, N.B. (2001) *Yazyki narodov Severa v XX veke. Ocherki yazykovogo sdviga* [Languages of the peoples of the North in the 20th century. Essays on language shift]. St. Petersburg. 338 p. (In Russian)

Информация об авторах

В.В. Доржеева – доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой юриспруденции Северо-Восточного государственного университета, Магадан, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1021088

О.Ю. Слепцова – кандидат исторических наук, доцент кафедры юриспруденции Северо-Восточного государственного университета, Магадан, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1023539

Ю.Г. Степанова – младший научный сотрудник отдела этносоциологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1152707

Вклад авторов:

В.В. Доржеева – сбор материала; написание статьи; итоговые выводы.

О.Ю. Слепцова – сбор материала; оформление статьи.

Ю.Г. Степанова – обработка материала.

Конфликт интересов:
авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

V.V. Dorzheeva – D.Phil. in History, Associate Professor, Head at the Department of Jurisprudence, North-Eastern State University, Magadan, Russia.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1021088

O.Yu. Sleptsova – PhD in History, Associate Professor at the Department of Jurisprudence, North-Eastern State University, Magadan, Russia.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1023539

Yu.G. Stepanova – Junior Research Fellow at the Department of Ethno-Sociology of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1152707

Contribution of the authors:

V.V. Dorzheeva – collection of material; writing an article; final conclusions.
O.Yu. Sleptsova – collection of material; design of the article.
Yu.G. Stepanova – processing of material.

Conflicts of interests:
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 14.01.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 11.02.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 25.02.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья
УДК 316.334.2
https://doi.org/10.24158/spp.2025.2.2

Социологический анализ публикаций в англоязычных интернет-блогах на тему управления персональными финансами

Михаил Леонидович Теодорович[1], Наталья Николаевна Патокина[2], Юлия Львовна Софронова[3], Алексей Александрович Свинцов[4]
[1,2,3]Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия
[4]Независимый исследователь, Нижний Новгород, Россия
[1]mt231@yandex.ru
[2]natpatok@gmail.com
[3]sofronova@fsn.unn.ru
[4]swalexey@rambler.ru

Аннотация. Вопросы финансовой грамотности и культуры являются актуальными на глобальном и национальном уровнях. В РФ реализуется «Стратегия повышения финансовой грамотности населения до 2030 г.». В статье представлены результаты социологического исследования англоязычных блогов на тему управления персональными финансами. Эмпирическая база его – контент-анализ 151 публикации в семи авторских блогах, пользующихся популярностью у широкой аудитории. Содержание их изучалось с целью определения ключевых идей и смыслов, транслируемых блогерами в соответствии с запросами читателей. Для российской аудитории ознакомление с материалами англоязычных ресурсов полезно с точки зрения формирования компетенций по таким критериям финансовой грамотности, как «знания», «поведение», «установки» (например, это понимание механизма сложного процента или сути других финансовых категорий). Кроме того, изучение специфики управления персональными финансами на глобальном уровне позволяет сравнивать экономические реалии разных обществ и стран, способствует развитию адаптивности к быстро меняющимся конкурентным условиям современного мира с его избыточным социальным неравенством и другими противоречиями рыночной экономики.

Ключевые слова: управление персональными финансами, критерии финансовой грамотности, финансовая культура, англоязычные интернет-блоги, контент-анализ, финансовое поведение, знания и установки в сфере управления финансами

Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Теодорович М.Л., Патокина Н.Н., Софронова Ю.Л., Свинцов А.А. Социологический анализ публикаций в англоязычных интернет-блогах на тему управления персональными финансами // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 2. С. 26–36. https://doi.org/10.24158/spp.2025.2.2.

Original article

Sociological Analysis of Publications in English-Language Online Blogs on Personal Finance Management

Mikhail L. Theodorovich[1], Natalia N. Patokina[2], Yulia L. Sofronova[3], Alexey A. Svintsov[4]
[1,2,3]Nizhny Novgorod Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russia
[4]Independent Researcher, Nizhny Novgorod, Russia
[1]mt231@yandex.ru
[2]natpatok@gmail.com
[3]sofronova@fsn.unn.ru
[4]swalexey@rambler.ru

Abstract. The issues of financial literacy and financial culture are relevant at the global and national levels, in particular, a Strategy for improving financial literacy of the population until 2030 is being implemented in the Russian Federation. The article presents the results of a sociological study of English-language blogs on the topic of personal finance management. The empirical basis of the study is a content analysis of 151 publications in seven author blogs that are popular with a wide audience. The content of the publications was studied in order to identify key ideas and meanings broadcast by bloggers in accordance with readers' requests. For the Russian audience, familiarization with the materials of English-language blogs is useful from the point of view of forming competencies according to such criteria of financial literacy as "Knowledge", "Behavior", "Attitudes" (for example, this is an understanding of the mechanism of compound interest, or the essence of other financial categories). In addition, studying

© Теодорович М.Л., Патокина Н.Н., Софронова Ю.Л., Свинцов А.А., 2025

the specifics of personal finance management at the global level allows us to compare the economic realities of different societies and countries, promotes the development of adaptability to the rapidly changing, competitive conditions of the modern world with its excessive social inequality and other contradictions of the market economy.

Keywords: personal finance management, financial literacy criteria, financial culture, English-language Internet blogs, content analysis, financial behavior, knowledge and attitudes in the field of financial management

Funding: Independent work.

For citation: Theodorovich, M.L., Patokina, N.N., Sofronova, Yu.L. & Svintsov, A.A. (2025) Sociological Analysis of Publications in English-Language Online Blogs on Personal Finance Management. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics.* (2), 26–36. Available from: doi:10.24158/spp.2025.2.2 (In Russian).

Грамотное управление персональными финансами остается актуальной темой для всех, кто живет в современной рыночной реальности с ее экономической и политической сложностью и непредсказуемостью (Вараде, 2023; Лустова, Перцева, 2019; Мерзлякова, Валиуллин, 2014). В нашей стране различные исследовательские центры уже не один год осуществляют мониторинг финансовой грамотности россиян, что позволяет получить системное представление о ситуации в данной сфере. Мониторинг является частью реализации «Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года», утвержденной в соответствии с распоряжением Правительства РФ от 24.10.2023 № 2958-р[1].

В период 2017–2023 гг. все усилия в данном направлении осуществлялись в рамках «Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 25.09.2017 г. № 2039-р[2]. В документе указывалось, что финансовая грамотность населения является основой экономической безопасности домохозяйств, при этом существует множество рисков, связанных с «усложнением предлагаемых на рынке финансовых услуг; несоответствием финансовых знаний населения динамично меняющемуся финансовому рынку»[3].

Проблема признана на международном уровне: одни страны мира при этом делают акцент на финансовом образовании и защите прав потребителей, другие сосредоточены на трансформации психологических установок граждан, касающихся финансового поведения. Самые проблемные вопросы для россиян – дефицит навыков «личного финансового планирования и формирования финансовых резервов на случай непредвиденных обстоятельств»; финансовое обеспечение пенсии; выбор инструментов накоплений; «недостаточный уровень финансовой дисциплины и ответственности за риски, связанные с самостоятельным выбором и пользованием различными финансовыми услугами и финансовыми инструментами»[4].

«Стратегия повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года» в качестве основной цели декларирует «формирование у большинства граждан Российской Федерации ключевых элементов финансовой культуры (ценностей, установок и поведенческих практик), способствующих финансовому благополучию гражданина, семьи и общества, в том числе через формирование компетенций по финансовой грамотности, расширение практических навыков и опыта принятия финансовых решений, обеспечение надежности функционирования финансовой системы»[5]. Финансовая грамотность при этом трактуется следующим образом: «Основные знания, умения и навыки, необходимые для принятия финансовых решений в целях достижения финансового благополучия и управления финансовыми рисками»[6].

Стоит обратить внимание на некоторые результаты исследований уровня финансовой грамотности россиян, реализованных за последние годы. В 2022 г. Институт фонда «Общественное мнение» по заказу ЦБ РФ в очередной раз опросил более четырех тысяч человек, проживающих в 207 городах и селах РФ (взрослые и молодежь в возрасте от 14 до 22 лет). Финансовая грамотность рассматривалась сквозь призму трех ключевых показателей: знания (например, понимание сути простого или ссудного процента, принципа диверсификации); поведение (например, практики сбережения, навыки сравнения условий при выборе финансовых услуг); установки (осознание необходимости заботы о завтрашнем дне, понимание обязательности платежей по кредитам). Авторы исследования пришли к выводу, что за период пандемии и после нее уровень финансовой грамотности россиян повысился, в частности, финансовое поведение людей стало более осознанным в

[1] Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 24.10.2023 № 2958-р [Электронный ресурс] // Минфин России. 2023. 17 ноября. URL: https://clck.ru/3GBPNR (дата обращения: 03.02.2025).

[2] Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 годы : распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.09.2017 № 2039-р [Электронный ресурс] // Там же. 2021. 17 февраля. URL: https://clck.ru/3GBPYs (дата обращения: 03.02.2025).

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры…

[6] Там же.

плане принятия решений, выбора финансовых услуг, кредитных платежей, создания подушки безопасности. Однако экономическая и политическая неопределенность не способствует накоплению сбережений и планированию будущего, поведение россиян в этой сфере является сдержанным[1].

Согласно данным очередной волны исследования, проведенного аналитическим центром НАФИ в феврале 2024 г., значение индекса финансовой грамотности россиян, измеряемого в диапазоне от 1 до 21 балла, в 2024 г. составило 12,77 баллов и выросло на 5,3 % по сравнению с 2018 г.[2] В целом, по оценке исследователей, численность россиян с низким уровнем финансовой грамотности постепенно снижается, со средним и высоким – увеличивается. Таким образом, тенденции, характеризующие качество знаний и навыков граждан в рассматриваемой сфере, можно считать положительными, хотя ситуация очевидно осложняется нестабильностью экономических и политических условий.

Результаты исследований, проводимых на национальном уровне, позволяют некоторым образом сопоставлять происходящее в нашей стране с положением дел в других странах с учетом глобальных взаимосвязей. Как уже отмечалось, потребность развития финансовой грамотности признана на международном уровне, и всякий опыт здесь может быть интересным и познавательным. Для ознакомления с ним стоит обратиться к цифровым источникам, в частности, таким как англоязычные интернет-блоги на тему управления персональными финансами.

Интернет-блоги привлекательны для социологического рассмотрения, поскольку являются современным демократичным инструментом обмена мнениями и опытом между людьми, заинтересованными в решении тех или иных вопросов (Гришаева, 2016; Упоров и др., 2021; Анохин, Меренков, 2021). Это публичное социально-культурное пространство, открытое для общения и дискуссий по актуальным вопросам, место повседневной концентрации людей, сообщество тех, кто хочет расширить свой финансовый кругозор, получить ответ на интересующие вопросы.

В то же время интернет-блог – это инструмент персонализированный, публикации создаются конкретными авторами, которые определенным образом себя позиционируют, рекламируют и высказывают позицию по тем или иным вопросам, коммуницируя с аудиторией (Упоров и др., 2021). Создание блога подразумевает наличие некой «истории успеха», что создает основу для разговора с аудиторией, трансляции личного опыта на широкую аудиторию.

Помимо прочего, интернет-блоги на тему управления персональными финансами можно рассматривать как инструмент утилитарный, способствующий более эффективной адаптации людей к условиям непростого рыночного финансового мира, с его зачастую непрозрачными и непонятными правилами игры. Это средство взаимопомощи, формирования частных связей между людьми, испытывающими те или иные затруднения в материальной сфере. Все эти обстоятельства позволяют считать интернет-блоги частью реального жизненного мира, привлекательного для социологов (Гришаева, 2016).

Объектом нашего исследования стали публикации в интернет-блогах на тему управления персональными финансами (англоязычный сегмент), размещенные в Сети за последние несколько лет. Цель исследования – изучение содержания публикаций (с помощью метода контент-анализа) для определения ключевых идей и смыслов, транслируемых блогерами. Эти идеи (предмет исследования) позволяют понять, какие именно темы и проблемы в сфере персонального финансового менеджмента волнуют людей в англоязычных странах. На этой основе можно определить и то, в какой степени темы, актуальные для нашей страны, пересекаются с вопросами, интересующими людей за рубежом.

По итогам запроса в поисковой сети Google было выбрано 7 авторских блогов, наиболее популярных у подписчиков: Clever Girl Finance[3], Making Sense of Cents[4], Money Crashers[5], My Fab Finance[6], The Budget Mom[7], Best Wallet Hacks[8], Wise Bread[9]. Представим их краткую характеристику.

---

[1] Исследование уровня финансовой грамотности: четвёртый этап [Электронный ресурс] // Банк России. URL: https://cbr.ru/analytics/szpp/fin_literacy/fin_ed_4/ (дата обращения: 03.02.2025).

[2] Индекс финансовой грамотности россиян – 2024 [Электронный ресурс] // НАФИ. Аналитический центр. 2024. URL: https://nafi.ru/analytics/indeks-finansovoy-gramotnosti-rossiyan-2024/ (дата обращения: 03.02.2025).

[3] Take Control of Your Life and Achieve Your Financial Freedom [Электронный ресурс] // Clever Girl Finance. URL: https://www.clevergirlfinance.com/ (дата обращения: 03.02.2025).

[4] Helping you earn more, save more, & live more [Электронный ресурс] // Making Sense of Cents. URL: https://www.makingsenseofcents.com/ (дата обращения: 03.02.2025).

[5] Economy [Электронный ресурс] // Money Crashers. URL: https://www.moneycrashers.com/economy/ (дата обращения: 03.02.2025).

[6] Everyone has a money story [Электронный ресурс] // My Fab Finance. URL: https://myfabfinance.com/ (дата обращения: 03.02.2025).

[7] Get your finances on track with a proven Real-Life budgeting system [Электронный ресурс] // The Budget Mom. URL: https://www.thebudgetmom.com/ (дата обращения: 03.02.2025).

[8] Learn to manage your money in less time so you can enjoy more life [Электронный ресурс] // Best Walle Thacks. URL: https://wallethacks.com/ (дата обращения: 03.02.2025).

[9] Wise Bread [Электронный ресурс]. URL: https://www.wisebread.com/ (дата обращения: 03.02.2025).

Интернет-блог «Clever Girl Finance». Основатель данной платформы, созданной в 2015 г., – Б. Сокунби, сертифицированный инструктор по финансовому образованию, эксперт и автор бестселлеров, посвященных управлению финансами. На сайте можно найти бесплатные курсы и статьи, подкасты, книги, финансовые «дорожные карты», видео и другие ресурсы по соответствующей тематике. В целом, блог ориентирован на женскую аудиторию, людей преимущественно молодого и среднего возраста, независимо от цвета кожи. Ключевые ценности автора блога – «контроль над собственной жизнью» и «финансовая свобода».

1. Интернет-блог «Making Sense of Cents». Ресурс основан в 2011 г., автором его является М. Шредер-Гарднер, генеральный директор и основатель компании «Making Sense of Cents». Как указывается на сайте, авторский блог располагает аудиторией в 20 млн читателей. М. Шредер-Гарднер предлагает гостям ознакомиться со своей персональной историей, где она повествует о том, что ее интерес к управлению финансами начался с необходимости выплатить 38 тыс. долл. в счет кредита, полученного на образование, в течение 7 месяцев. С тех пор Мишель смогла начать свое дело, получить образование, создать семью, основать блог со значительной аудиторией, стать состоятельным человеком. «Раньше я жила в фургоне, а теперь живу на парусной яхте и путешествую»; «я страстно желаю дать людям возможность контролировать свои финансы и жить так, как они хотят»[1].

2. Интернет-блог «Money Crashers» («Денежные монстры»). На сайте посетители могут ознакомиться с публикациями как минимум трех авторов, на основе чего можно сделать вывод, что данный блог – продукт командной работы. Авторы определяют его миссию как наделение людей способностью грамотно распоряжаться деньгами, создавать простой для понимания контент для «ориентирования в финансовом путешествии». «Мы все можем быть “денежными монстрами”! Деньги необязательно должны быть чем-то пугающим. Любой человек на любом этапе жизни может научиться разумно распоряжаться своими деньгами. Мы предоставляем вам информацию и ресурсы, необходимые для того, чтобы вы могли контролировать свои финансы как сейчас, так и в будущем»[2].

3. Интернет-блог «My Fab Finance». Автором его является Т. Рэпли. Миссия проекта, история которого началась в 2013 г., по определению автора, состоит в том, чтобы «помочь миллениалам разорвать порочный круг жизни от зарплаты до зарплаты», обрести финансовую независимость и заниматься любимым делом. Каждый, как утверждает блогер, может стать героем и автором персональной финансовой истории. Тоня – организатор акции #Banish the Balance, «которая помогла более чем 4 000 участникам погасить задолженность на сумму более 200 000 долларов за шестьдесят дней»[3]. Своей целевой аудиторией Т. Рэпли называет в первую очередь женщин всех возрастов, нуждающихся в инструментах для изменения своей жизни.

4. Интернет-блог «The Budget Mom». Сайт встречает посетителей видеозаставкой, где можно видеть улыбающуюся даму с ребенком, занятых составлением бюджета. Гостям задают вопрос: «У вас есть план, как распорядиться своими деньгами? Составление бюджета полностью изменило мою жизнь! Это может изменить и вашу жизнь тоже! Начните действовать с моей рабочей тетрадью Budget Crush»[4]. В целом, контент ориентирован преимущественно на женскую семейную аудиторию, значительное количество статей посвящено тому, как грамотно управлять финансами, воспитывая детей.

5. Интернет-блог «The Best Wallet Hacks». Автор контента (более 25 тыс. подписчиков) – Джим Вонг (родители – эмигранты из Тайваня), человек с впечатляющим академическим и профессиональным резюме, уже 20 лет рассказывающий людям об управлении финансами, эксперт, который «научился создавать богатство методом проб и ошибок». Он говорит: «Я создал WalletHacks.com, чтобы помочь вам быстрее принимать правильные финансовые решения. Научитесь управлять своими деньгами за меньшее время, чтобы получать больше удовольствия от жизни»[5].

6. Интернет-блог «Wise Bread». На сайте можно найти целый ряд публикаций по финансовой тематике, блог поддерживается группой авторов, размещающих статьи по таким направлениям, как «Personal Finance» (Banking, Insurance, Investment, etc.); «Frugal Living» (Budgeting, Food and Drink, Home, Shopping, etc.); «Career» (Education and Training, Extra Income, etc.); «Life Hacks» (Consumer Affairs, Family, General Tips, etc.). Слоган блога – «Жить лучше при небольшом бюджете», из чего следует сделать вывод, что авторы ресурса стремятся помочь людям среднего достатка добиться более высокого качества жизни через грамотное управление финансами.

[1] Helping you earn more, save more, & live more [Электронный ресурс] // Making Sense of Cents. URL: https://www.makingsenseofcents.com/ (дата обращения: 03.02.2025).

[2] Economy …

[3] Everyone Has a Money Story …

[4] Get your finances on track with a proven Real-Life budgeting system …

[5] Learn to manage your money in less time so you can enjoy more life …

Для реализации контент-анализа была отобрана 151 публикация (от 15 до 25 статей в каждом из 7 блогов). В результате обработки текстовый массив был разбит на 7 831 цитируемый фрагмент. В первую очередь, контент-анализ позволил определить концептуальную базу публикаций на тему управления персональными финансами. Концептуальное облако слов представлено на рис. 1. Лидирующими с точки зрения упоминаний являются такие концепты (лексемы), как «деньги» (1 622 цитаты), «время» (856), «способ (управления)» (683), «кредит» (680), «жизнь» (638), «цель» (611), «дом» (610), «долг» (557), «финансы» (553), «доход» (538), «люди» (529), «бюджет» (516), «счет» (503), «кредитная карта» (450), «годовой отрезок» (480), «сбережения» (476), «пенсия» (433) и т.д. Следовательно, понятие «деньги» является базовым для блогеров, а вопросы управления личными финансами связаны преимущественно с такими темами, как кредиты и долги, финансы, доходы, бюджетирование, счета и кредитные карты, сбережения и выход на пенсию. Данные вопросы рассматриваются в контексте способов управления средствами, периодов времени, жизненных интересов и целей.

Рисунок 1 *– Концептуальное облако слов: публикации на тему управления личными финансами в англоязычных блогах (цитаты, n = 7 831)*

Figure 1 *– Conceptual Word Cloud: Publications on the Topic of Personal Financial Management in English-Language Blogs (Citations, n = 7,831)*

Представленные концепты интересны не только с точки зрения их смыслового, лексико-семантического наполнения, но и в контексте их смысловых (тематических) пересечений. В частности, определение коэффициента сопряженности позволяет выделить наиболее связанные между собой концепты. Так, ключевой концепт «деньги» имеет целый ряд тесных взаимосвязей с такими понятиями, как «способ управления», «время», «сбережения», «цели», «счета», «жизнь», «финансы», «бюджет», «долги», «период», «люди», «выход на пенсию» и др.

Помимо обнаружения наиболее значимых лексем (концептов), определяющих содержание блогов об управлении финансами, стоит обратить внимание на спектр мнений (суждений, высказываний) блогеров, выстраивающийся вокруг данных концептов, а также оценить их тональность. Так, например, дискуссия в блогосфере, связанная с понятием «money», наиболее часто связана с такими словосочетаниями, как «extra money» – «дополнительные деньги» (53 цитаты), «more money» – «как получить больше денег» (41), «how much money» (18), – «сумма денег», «free money» (10), – «свободные деньги», «enough money» (8) – «достаточное количество денег» и др.

В рамках изучения разнообразного содержания англоязычных интернет-блогов мы обратились к критериям финансовой грамотности, которые в своих опросах использует Институт фонда «Общественное мнение»[1] (табл. 1). Стоит отметить, что публикации блогеров в англоязычном сегменте действительно могут быть полезными для пополнения или совершенствования знаний и навыков в области управления персональными финансами. Несмотря на то, что финансовые практики в странах мира имеют свою специфику, в то же время они обладают и универсальными характеристиками. Рассмотрим некоторые примеры, описывая содержание англоязычных публикаций сквозь призму критериев финансовой грамотности.

[1] Исследование уровня финансовой грамотности: четвертый этап …

Таблица 1 *– Финансовая грамотность: ключевые показатели (Институт фонда «ОМ», ЦБ РФ, 2022–2024)*

Table 1 *– Financial Literacy: Key Indicators (OM Foundation Institute, Central Bank of Russia, 2022–2024)*

Знания	Расчет простого процента; понимание сути ссудного процента, инфляции, принципа диверсификации, связи доходности и риска; осведомленность об организациях, защищающих права потребителей на финансовом рынке
Поведение	Накопление сбережений за последний год; балансирование доходов и расходов; сравнение условий при выборе финансовых услуг; самостоятельное принятие финансовых решений; создание запаса средств (на месяц и более) в форс-мажорных обстоятельствах
Установки	Осознание необходимости заботы о завтрашнем дне; обязательности платежей по кредитам

В разделе «Знания» в качестве базовых показателей финансовой грамотности отечественными экспертами выделяются «расчет простого процента» и «понимание сути ссудного процента». В первом случае речь идет о методе определения процентов при вложении средств, «при котором начисления производятся на первоначальную сумму инвестиций»[1]. Ссудный процент – это одна из форм прибавочной стоимости, которая определяется как «плата, вносимая заемщиком кредитору за пользование кредитом»[2]. В своих публикациях блогеры англоязычного сегмента в том или ином контексте довольно часто рассуждают о процентных ставках – высоких и низких («high», «low interest rate»), упоминают о сложных процентах[3] («compound interest») – 418 цитат. Так, блогер Х. Миган для вдохновения аудитории собрала воедино 42 высказывания знаменитых людей, посвященных теме финансов и бюджетирования. В частности, А. Эйнштейн однажды заметил: «Сложный процент – это восьмое чудо света. Тот, кто понимает его суть, – зарабатывает, кто не понимает – платит»[4]. В статье «Как на Вас работают сложные проценты?» С. Шаки разъясняет: «Инвестируя совсем немного сегодня, вы можете заработать больше, чем инвестируя много по прошествии времени, благодаря силе сложных процентов. Сложный процент – это процент, который вы получаете дополнительно на ранее одобренный. Он может привести к тому, что первоначальные инвестиции или долг будут расти со временем без дополнительного вмешательства»[5]. Доходность сложных процентов определяют такие факторы, как время и процентная ставка. Автор приводит примеры, позволяющие понять, как механизм сложных процентов способствует росту благосостояния в случае инвестирования или сбережения средств. С. Шаки подчеркивает, что сила сложных процентов может сработать и против любого из нас – из-за эффекта накопления многим трудно погасить долги по кредитным картам и другие долги с высокими процентами, та же сила может способствовать неуклонному росту задолженности[6].

Б. Сокунби рассматривает понимание механизма сложного процента как элемент «мышления состоятельного человека», противопоставляя последнее «мышлению человека бедного». Например, состоятельный человек знает, что в долгосрочной перспективе для него будет лучше отказаться от последней модели смартфона и вместо этого положить деньги на пенсионный счет. Конечно, эти деньги могут быть недоступны до тех пор, пока ему не исполнится 59,5 лет. Но состоятельные люди знают, что даже если сейчас это так, такое положение дел помогает создавать им долгосрочное благосостояние для себя. А благодаря начислению сложных процентов, чем дольше приходится ждать, тем больше средств будет в итоге[7].

К. Ундервуд, говоря о финансовой подготовке к пенсии, замечает, что «время – один из самых мощных инструментов пенсионных накоплений. Вы даете своим инвестициям время для роста за счет сложных процентов и доходности на финансовом рынке»[8]. В блоге «The Budget Mom» утверждается, что как можно раньше стоит начинать накопление средств для финансирования колледжа – речь о том, чтобы использовать силу времени и позволить сложным процентам

[1] Сложный процент: можно ли превратить 200 тысяч в миллион? [Электронный ресурс] // Газпромбанк. Инвестиции. URL: https://gazprombank.investments/blog/strategies/capitalization/ (дата обращения: 03.02.2025).

[2] Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. М., 1999. 479 с.

[3] Сложный процент начисляется на начальную сумму вложений, а также на проценты, накопленные за предыдущие периоды.

[4] Meehan H.G. 42 Budget Quotes to Improve Your Budget [Электронный ресурс] // Clever Girl Finance. URL: https://www.clevergirlfinance.com/budget-quotes-to-budget-better/ (дата обращения: 03.02.2025).

[5] Sharkey S. How Does Compound Interest Work for You? [Электронный ресурс] // Ibid. URL: https://www.clevergirlfinance.com/how-does-compound-interest-work/ (дата обращения: 03.02.2025).

[6] Ibid.

[7] Sokunbi B. Rich Mindset Vs Poor Mindset: How To Develop A Rich Mindset [Электронный ресурс] // Ibid. URL: https://www.clevergirlfinance.com/poor-vs-rich/ (дата обращения: 03.02.2025).

[8] Underwood K. What Is The 70-20-10 Budget? [Электронный ресурс] // Ibid. URL: https://www.clevergirlfinance.com/70-20-10-budget/ (дата обращения: 03.02.2025).

взять на себя всю тяжесть работы[1].

Т. Хасбендс в блоге «Wise Bread» называет пять практик, которые препятствуют достижению финансовой независимости, среди них – невыплата потребительских кредитов. «Сложные проценты работают против вас, если вы ежемесячно снимаете средства с кредитной карты, оплачиваете автомобили или просто выплачиваете минимальные суммы по студенческим кредитам»[2]. В этом случае, как отмечает автор, приоритетом должна стать разработка эффективного плана быстрого погашения долга (с помощью методов «Снежного кома» или «Лавины долгов») – в противном случае ваши деньги будут работать на ваших кредиторов[3].

Э. Биркен поднимает тему финансового положения так называемых «сэндвичей» – людей, которые ухаживают одновременно за старшим и младшим поколениями семьи, поддерживая их финансово. Блогер утверждает, что «сэндвичи» так же, как и все остальные, могут защитить свое пенсионное будущее. Их накопления должны быть приоритетными по отношению к тратам для финансирования образования детей, поскольку последние могут брать кредиты на обучение в колледже, но «не существует доступных кредитов для оплаты вашей пенсии»[4]. Этическая сложность – это приоритет пенсионных накоплений перед оплатой длительного ухода за родителями, но это необходимо, чтобы избежать передачи денежных проблем от одного поколения другому. Отказ от пенсионных накоплений в возрасте от 40 до 50 лет означает, что вы упустите возможность долгосрочного роста и преимущества сложных процентов[5].

Наконец, в публикации «Как принимать лучшие финансовые решения» Б. О'Нейл дает следующую рекомендацию: «Если у вас есть несколько финансовых целей, следует рассмотреть возможность параллельного финансового планирования. Одновременная постановка целей позволит максимально использовать силу сложных процентов»[6].

В блоке «Знания» одним из показателей финансовой грамотности является понимание сути инфляции. В публикациях блогеров англоязычного сегмента также можно встретить информацию и рассуждения относительно категории inflation. Данное понятие рассматривается в нескольких контекстах, например, речь идет о так называемой lifestyle inflation, или «инфляции, связанной с изменением образа жизни» – той, которая характеризуется повышением расходов в связи с ростом персональных доходов. Подобной ситуации необходимо избегать, поскольку она препятствует преумножению богатства – это отмечает автор М. Джаннетт в публикации «Скрытое богатство: 11 способов использовать секреты состоятельных людей». Те, кто знает секреты состоятельной жизни, понимают, что избегание lifestyle inflation – один из ключевых способов преумножить свои активы и обеспечить финансовую безопасность[7]. В целом, как указывает блогер, грамотное управление активами является серьезным вызовом для многих людей, ведь слишком велик соблазн чрезмерных и непредвиденных расходов, увеличения трат в случае получения дополнительного заработка.

Блогер М. Шрёдер-Гарднер также называет lifestyle inflation одной из многих причин постоянного нахождения в «долговой яме»[8].

Среди критериев, характеризующих поведение в сфере управления персональными финансами – накопление сбережений за последний год; балансирование доходов и расходов. Публикации англоязычных блогеров, в которых так или иначе идет речь о способах получения «дополнительных» («лишних»), «свободных» денег, имеют следующие заголовки: «18 челленджей с целью сберечь больше денег!»; «Что представляет собой бюджет 70-20-10?»; «Как составить наиболее экономичный бюджет»; «Как осуществить челлендж длиной в 6 месяцев с целью экономии средств!»; «25 экстремальных способов сэкономить деньги» – «Clever Girl Finance»; «4 причины, по которым вы до сих пор не можете расплатиться с долгами»; «25 лучших вариантов надомной работы, для того чтобы зарабатывать более 1 000 долларов в месяц»; «75 спосо-

[1] Building a College Fund for Kids Invest in Their Future [Электронный ресурс] // The Budget Mom. URL: https://thebudgetmom.com/saving-childs-future/ (дата обращения: 03.02.2025).

[2] Husbands T. 5 Things Keeping You From a Life of Financial Independence [Электронный ресурс] // Wise Bread. URL: https://www.wisebread.com/5-things-keeping-you-from-a-life-of-financial-independence (дата обращения: 03.02.2025).

[3] Ibid.

[4] Birken E.G. How the Sandwich Generation Can Protect Their Retirement [Электронный ресурс] // Ibid. URL: https://www.wisebread.com/how-the-sandwich-generation-can-protect-their-retirement (дата обращения: 03.02.2025).

[5] Ibid.

[6] O'Neil B. How to Make Better Financial Decisions [Электронный ресурс] // Ibid. URL: https://www.wisebread.com/how-to-make-better-financial-decisions (дата обращения: 03.02.2025).

[7] Marissa Geannette. Stealth Wealth: 11 Ways to Leverage the Secrets of the Wealthy [Электронный ресурс] // Clever Girl Finance. URL: https://www.clevergirlfinance.com/stealth-wealth/ (дата обращения: 03.02.2025).

[8] Schroeder-Gardner M. 4 Reasons You're Still in Debt [Электронный ресурс] // Making Sense of Cents. URL: https://www.makingsenseofcents.com/2014/02/reasons-youre-still-in-debt.html (дата обращения: 03.02.2025).

бов заработать лишние деньги в 2024 году»; «Идеи для дополнительного заработка» – «Making Sense of Cents»; «Составление бюджета, когда вы не в состоянии платить по счетам: руководство по выживанию» – «The Budget Mom»; «16 небольших шагов, которые Вы можете предпринять прямо сейчас, чтобы улучшить свое финансовое положение» – «Wise Bread».

Так, например, блогер К. Бранкато, «Clever Girl Finance» ссылается на такие источники, как Forbes Advisor и Payscale, согласно которым 75 % американцев в настоящий момент озабочены финансовой безопасностью семьи вследствие роста стоимости жизни («the cost of living»), показатели которого превышают значение индекса реальной заработной платы («the real wage index»)[1]. Сбережению доходов, получению дополнительных средств в этих условиях могут помочь ежемесячные «челленджи» («monthly savings challenge») в целях сохранения финансов. Ключевой целью здесь может быть формирование резервного фонда («emergency fund»), сбережение денег на отдых или на первоначальный взнос для покупки нового дома и т. п. «Наличие дополнительных средств может снять стресс и помочь вам достичь ваших финансовых целей. Участвуя в их реализации, вы сможете выработать новую успешную привычку и быстро пополнить свой сберегательный счет»[2].

Блогер называет 18 вариантов подобных челленджей. Все они, как отмечается, развивают мотивацию к сбережению, имеют несложный игровой и креативный характер, реализуются в относительно непродолжительный период времени. Среди них: «Шестимесячный марафон по сбережению средств», «30-дневный марафон минимализма»; «Марафон по планированию питания на 30 дней»; челленджи «Найди дополнительные средства», «Сбереги 20 долларов», «Перерыв на кофе» – «Чашка латте в день – деньги, выброшенные на ветер! Скажи Starbucks “До свидания”»! – «A latte a day makes the cash go away! So say goodbye to for this challenge»[3].

Одним из наиболее любопытных марафонов можно назвать «Weather Wednesday saving challenge»: участнику челленджа предлагается сберегать средства каждую среду, в соответствии с наивысшим погодным показателем температуры воздуха на территории проживания. «Каждую среду вы узнаете, каков самый высокий показатель температуры воздуха в вашем штате и экономите эту сумму в долларах. 80 долларов, если на улице 80 градусов (по Фаренгейту), – и вы экономите 80 долларов на этой неделе! Чем жарче на улице, тем больше денег вы добавите к своим еженедельным сбережениям!»[4].

Еще одним способом получения дополнительных средств, о котором рассказывается в блоге «Clever Girl Finance», является формирование персонального бюджета по принципу «70-20-10». «Бюджет 70-20-10 – это процент от вашей зарплаты, который вы тратите на каждую из трех основных категорий: расходы, сбережения и пожертвования»[5].

Блоги, посвященные управлению персональными финансами, являются практикоориентированными, авторы публикаций предоставляют основанные на опыте рекомендации, аргументируя, что тот или иной путь (способ) зарабатывания, сохранения, сбережения средств является выгодным.

Стоит обратить внимание, например, на публикацию блогера Д. Вонга «The Prime Directive of Personal Finance». Автор задумался над тем, как можно применить известный принцип Парето для управления личными финансами. Д. Вонг отмечает, что перед написанием статьи он попробовал систематизировать классические идеи по данной теме, и, в конце концов, осознал, что все они следуют одной ключевой идее. «Я искал принципы Парето в области личных финансов, но вместо этого нашел главную директиву. <...> Не тратьте деньги, отложенные на завтра сегодня, и сохраняйте деньги текущего дня на завтра. Ваши деньги – это показатель вашего времени. Тратя средства, отложенные на завтра, вы ограничиваете свои возможности. Откладывая деньги, предназначенные для текущего момента, вы расширяете свои возможности. Если вы будете следовать этой инструкции и сможете применять ее на практике, то получите более 80 % всех советов по личным финансам, изложенных всего в одном предложении»[6]. Публикация Д. Вонга об «основной директиве» вызвала интерес у аудитории и получила целый ряд одобрительных комментариев, например: «Главная директива – это отличный способ взглянуть на то, как можно максимально эффективно распоряжаться деньгами <…>»[7].

[1] Brancato K. «18 Money Saving Challenges To Save More Money!» [Электронный ресурс] // Clever Girl Finance. URL: https://www.clevergirlfinance.com/money-savings-challenge/ (дата обращения: 03.02.2025).

[2] Ibid.

[3] Ibid.

[4] Ibid.

[5] Underwood K. Op. cit.

[6] Wang J. The Prime Directive of Personal Finance [Электронный ресурс] // Walle Thacks. URL: https://wallethacks.com/prime-directive-of-personal-finance/ (дата обращения: 03.02.2025).

[7] Ibid.

Критерии финансовой грамотности, представленные в разделе «Установки», отражают характер и степень осознания людьми ответственности за собственное благополучие, благосостояние своей семьи в настоящем и будущем. Это представление о том, что будет с семейными активами завтра, или рефлексия по поводу кредитных обязательств. В англоязычных блогах на тему управления персональными финансами мы можем найти множество публикаций, посвященных данным темам в том или ином контексте, что подтверждается наличием таких лексем, как «credit» – «кредит», «debt» – долг, «loan» – займ, «payment» – платеж, «saving» – сбережение и др. Одно из ключевых тематических направлений – это инструменты формирования пенсионных накоплений, пенсионное планирование (лексемы «retirement», «plan»). Сосредоточенность финансовых блогеров на теме благосостояния семьи, дома отражается в использовании ими таких лексем, как «family», «home».

Так, в частности, в общем текстовом массиве 681 цитата связана с темой кредитных обязательств (кредитный рейтинг, кредитные карты, кредитный долг, отчет по кредиту, компании-кредиторы, предложения по кредитам, заморозка кредитов, кредитные союзы, коэффициент использования кредита, кредитная история и др.).

Публикация блогера С. Шарки (блог «Clever Girl Finance») называется «Почему мой кредитный рейтинг понизился? 11 причин»[1]. Содержание статьи определенно может побудить читателя к рефлексии по поводу кредитного поведения. Автор выделяет такие факторы понижения кредитного рейтинга, как слишком большое количество запросов о кредитной истории со стороны кредиторов (если за последнее время гражданином были поданы заявки на несколько новых кредитных линий); просроченные платежи; увеличение коэффициента использование кредитной карты; закрытие старых учетных записей, вследствие чего уменьшается средний возраст кредитных счетов (признак длительного ответственного отношения к кредитным обязательствам); банкротство или недавнее лишение права выкупа заложенного имущества; кража личных данных и их нелегальное использование; ошибка в кредитном отчете ваших кредиторов; снижение кредитного лимита из-за неиспользования кредита; погашение кредита; списанная задолженность (если кредит «заброшен»); урегулирование задолженности (выплата долга в меньшем размере в связи с низкой платежеспособностью клиента).

Грамотное управление кредитами требует от заемщика компетентности в данной сфере, например, актуальным является такое понятие, как коэффициент использования средств кредитной карты. Это соотношение задолженности и общего лимита. Согласно финансовым экспертам, нормативным показателем, к которому стоит стремиться, является соотношение на уровне 30 %[2]. Коэффициент использования кредита отражает грамотность заемщика в сфере управления финансами, показывает, сколько кредитных средств используется в данный момент времени.

Немало публикаций в англоязычных интернет-блогах на тему управления персональными финансами посвящено вопросам семейного благосостояния (293 цитаты в общем текстовом массиве). Так, одна из публикаций в блоге «The Budget Mom» называется «После мошенничества: как защитить финансы семьи и двигаться дальше». Она адресована тем, кто пострадал от действий финансовых аферистов (кража личных данных, мошенничество с кредитными картами, фишинг). Чтобы предупредить подобные случаи, автор предлагает обращать внимание на несанкционированные трансакции, регулярно проверять свои финансовые счета и кредитные отчеты. Еще одна публикация в указанном блоге рассказывает о скрытых преимуществах медицинского страхования, которые позволяют экономить деньги и улучшить финансовое положение семьи. Несмотря на то, что системы страхования имеют национальную специфику, рекомендации блогеров позволяют задуматься над тем, есть ли соответствующие возможности, например, в РФ. Помимо базовых функций, медицинская страховка может включать ряд бесплатных профилактических услуг, которыми пользуются далеко не все (диспансерные осмотры, прививки, скрининги здоровья). Актуальным также можно назвать вопрос планирования семейного медицинского страхования.

Таким образом, контент-анализ 151 публикации из 7 англоязычных блогов об управлении финансами позволил определить общие рамки транслируемых смыслов, тематические направления цифровой социальной коммуникации. Стоит отметить, что вопросы, которые освещают зарубежные блогеры, актуальны и для российских граждан, живущих в условиях глобализованной и сложной рыночной реальности. Многие советы, рекомендации, «лайфхаки» могут принести пользу тем, кто стремится быть компетентным в финансовой сфере. Например, проблема цифрового финансового мошенничества сегодня является крайне острой для граждан разных стран, к сожалению, риск потери средств является высоким для всех, кто пользуется электронными приложениями, кто владеет аккаунтами в виртуальном пространстве. Поэтому инструменты и прак-

[1] Sharkey S. Why Did My Credit Score Drop? 11 Reasons [Электронный ресурс] // Clever Girl Finance. URL: https://www.clevergirlfinance.com/why-did-my-credit-score-drop/ (дата обращения: 03.02.2025).

[2] Ibid.

тики профилактики подобных правонарушений – тема, интересная и необходимая большинству граждан, живущих в современном мире.

В то же время стоит отметить, что остается актуальной проблема значительного разрыва в компетенциях между теми, кто «делает погоду» на финансовых рынках – «финансовыми институционалами», и рядовыми гражданами, желающими сберегать и инвестировать свои средства. Блогеры, которые дают рекомендации по управлению личными активами, позиционируют себя как «людей из народа» и противопоставляют себя «финансовым воротилам», стремясь поделиться собственным опытом преодоления барьеров на пути к личному благосостоянию. Подобные блоги стоит, по всей видимости, рассматривать как социальное волонтерство, добровольный вклад добившихся профессионального и финансового успеха людей в преодоление избыточного неравенства, которым отличается современный мир. Однако проблема разрыва между социальными группами сохраняет свое значение и может решаться через популяризацию различных образовательных, просветительских программ. Интернет остается важнейшим инструментом, с помощью которого люди могут повышать свою компетентность в финансовой сфере, в том числе осознанно и критически обращаясь к рекомендациям блогеров, освещающих вопросы управления персональными финансами.

Список источников:

Анохин Д.С., Меренков Д.А. Использование сети Интернет в социологических исследованиях // Тенденции развития современной науки. Липецк, 2021. С. 92–94.

Вараде А.М. Практики управления персональными финансами в Российской Федерации // Весенние дни науки. Екатеринбург, 2023. С. 1126–1128.

Гришаева Е.И. Социология в блогосфере: методы сбора и репрезентативность полученных данных, исследовательская этика // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2016. № 1 (5). С. 48–54.

Лустова А.А., Перцева С.С. Актуальность управления личными финансами в современной России // Современная наука: инновации, гипотезы, открытия. Княгинино, 2019. С. 73–80.

Мерзлякова С.Л., Валиуллин Х.Х. Управление персональными финансами в РФ // Управленческие науки в современной России. 2014. Т. 1, № 1. С. 367–371.

Упоров И.В., Попов М.Ю., Бандурин А.П. Мнения блогеров в социальных сетях как источник общественно значимой информации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 10. С. 86–91. https://doi.org/10.23672/b9627-5625-7312-m.

References:

Anokhin, D. S. & Merenkov, D. A. (2021) Application of the Internet in Sociological Reaserch. In: *Tendentsii razvitiya sovremennoi nauki*. Lipetsk, pp. 92–94. (In Russian)

Grishaeva, E. I. (2016) Sociology in Blog Sphere: Methods of Received Data Collection and Representativeness, Research Ethics. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye nauki*. (1 (5)), 48–54. (In Russian).

Lustova, A. A. & Pertseva, S. S. (2019) Aktual'nost' upravleniya lichnymi finansami v sovremennoi Rossii [The relevance of personal finance management in modern Russia]. In: *Sovremennaya nauka: innovatsii, gipotezy, otkrytiya*. Knyaginino, pp. 73–80. (In Russian)

Merzlyakova, S. L. & Valiullin, Kh. Kh. (2014) Upravlenie personal'nymi finansami v RF [Personal finance management in the Russian Federation]. *Upravlencheskie nauki v sovremennoi Rossii*. 1 (1), 367–371. (In Russian)

Uporov, I. V., Popov, M. Yu. & Bandurin, A. P. (2021) Bloggers 'Opinions on Social Media as a Source of Public Information. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki.* (10), 86–91. Available from: doi:10.23672/b9627-5625-7312-m. (In Russian)

Varade, A. M. (2023) Practices of Personal Financial Management in Russian Federation. In: *Vesennie dni nauki*. Ekaterinburg, pp. 1126–1128. (In Russian)

Информация об авторах

М.Л. Теодорович – доктор социологических наук, кандидат технических наук, заведующий кафедрой социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=498595

Н.Н. Патокина – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1039136

Ю.Л. Софронова – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=441569

А.А. Свинцов – независимый исследователь, магистр социологии, квалифицированный трейдер, Нижний Новгород, Россия.

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов:
авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

M.L. Teodorovich – D.Phil. in Sociology, PhD in Technical Sciences, Head of Sociology of Project Activities and Pro-Competitive Regulation Department, Nizhny Novgorod Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=498595

N.N. Patokina – PhD in Sociology, Associate Professor of Sociology of Project Activities and Pro-Competitive Regulation Department, Nizhny Novgorod Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1039136

Yu.L. Sofronova – PhD in Sociology, Associate Professor of Associate Professor of Sociology of Project Activities and Pro-Competitive Regulation Department, Nizhny Novgorod Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=441569

A.A. Svintsov – Independent Researcher, Master's Degree in Sociology, Qualified Trader, Nizhny Novgorod, Russia.

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article.

Conflicts of interests:
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 06.01.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 03.02.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 25.02.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья
УДК 316.42
https://doi.org/10.24158/spp.2025.2.3

Роль EdTech-компаний в цифровизации образования: зарубежный взгляд

Алена Андреевна Смелова
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
a.a.smelova@spbu.ru, https://orcid.org/0000-0003-2948-1912

Аннотация. В данной статье на основе аналитического обзора большого числа научных исследований европейских экономсоциологов, посвященных цифровизации образования, показано, какую роль в западном мире сегодня играют EdTech-компании. Отмечается, что они выступают экспертами в определении необходимых знаний и навыков работников в условиях быстро меняющихся требований рынка труда. EdTech-компании, действуя совместно с аналитическими агентствами, способны создавать нарративы о будущем, вектор которых задают инвесторы, действуя в своих частных интересах, однако последние далеко не всегда отвечают потребностям общества в целом. На основе таких подходов создаются прибыльные образовательные продукты с обеспеченным спросом. Заключается, что способность видеть будущее развитие рынка труда и необходимые компетенции зависит не от качества прогнозной аналитики и структурных изменений в экономике, а от понимания выбора направления приложения инвестиций EdTech-компаний на цифровом образовательном рынке, призванных обеспечить долгосрочную высокую доходность их обладателям, что требует проведения научной экспертизы формируемого ими контента и общественного контроля над деятельностью таких компаний.

Ключевые слова: экономическая социология, цифровые образовательные платформы, EdTech, технонаучный капитализм, ассетизация, инвестиции в образование

Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Смелова А.А. Роль EdTech-компаний в цифровизации образования: зарубежный взгляд // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 2. С. 37–49. https://doi.org/10.24158/spp.2025.2.3.

Original article

The Role of EdTech-Companies in the Digitalization of Education: A Foreign Perspective

Alena A. Smelova
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia,
a.a.smelova@spbu.ru, https://orcid.org/0000-0003-2948-1912

Abstract. Based on an analytical review of a large number of scientific studies by European economic sociologists on the digitalization of education, this article shows the role of Edtech companies in the Western world today. According to Western sources, Edtech companies act as experts in determining the necessary knowledge and skills of employees in the face of rapidly changing labor market requirements. Edtech companies, acting in tandem with analytical agencies, are able to create narratives about the future, the vector of which is set by investors of Edtech companies, acting in their own private interests, which do not always meet the interests of society as a whole. These approaches are used to create profitable educational products with high demand. The author comes to the conclusion that the ability to see the future development of the labor market and the necessary competencies depends not on the quality of predictive analytics and structural changes in the economy, but on understanding the choice of the direction of investments of Edtech-companies in the digital educational market, designed to provide long-term high returns to their owners, which requires scientific expertise of the content they generate and public control over their activities such companies.

Keywords: economic sociology, digital educational platforms, EdTech, technoscientific capitalism, assetization, investment in education

Funding: Independent work.

For citation: Smelova, A.A. (2025) The Role of EdTech-Companies in the Digitalization of Education: A Foreign Perspective. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics.* (2), 37–49. Available from: doi:10.24158/spp.2025.2.3 (In Russian).

В 2023 г. Министерство науки и высшего образования разработало проект «Стратегическое направление цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования» на период до 2030 гг. Среди поставленных задач – «создание программы сканирования/скрапинга интернет-ресурсов рынка труда для определения и прогнозирования спроса на компетенции выпускников

© Смелова А.А., 2025

через 5–6 лет»[1]. Предполагается, что инновационным решением поставленной задачи станет система онлайн-скрапинга и предиктивной аналитики вакансий и компетенций рынка труда с глубоким обучением и поддержкой принятия решений «Скраб». Ожидается, что она позволит анализировать изменения спроса на знания и навыки соискателей с учетом требований работодателей, строить прогнозы по развитию рынка труда на пятилетнюю перспективу и проектировать адаптивные образовательные программы. Однако профессиональные аналитики HR утверждают, что долгосрочные прогнозы о рынке труда делать невозможно[2]. Действительно ли это так? Существуют ли социальные субъекты, имеющие возможность разглядеть будущие тенденции на рынке труда? В данной статье высказывается предположение о способности EdTech-компаний успешно справляться с ролью предсказателей знаний и навыков, востребованных на рынке труда в будущем, и создателей адаптивных образовательных продуктов.

За последнее десятилетие появилось множество научных публикаций о деятельности EdTech-компаний на рынке цифрового образования различных стран. Аналитический обзор более 700 научных статей, посвященных этой теме в базе данных E-Library за период 2020–2024 гг., позволил выделить основные направления российских и иностранных исследований.

Так, отечественные социальные ученые фокусируют свое внимание на проблеме продвижения EdTech в образовательных системах национальных государств. Например, в рамках экосистемного подхода А.П. Глухов, А.А. Андреева, М.Ю. Гурин и Д.О. Королева описывают процесс интервенции EdTech-компаний в российскую образовательную систему, предполагающий такие важные этапы, как построение образовательной экосистемы, конвергенцию с традиционными образовательными учреждениями, использование господдержки, коллаборацию внутри EdTech-рынка и др. (Глухов и др., 2023).

Появление новых технологий в сфере образования вызывает изменения не только организационно-технического характера, но и содержательного. Как утверждают В.В. Хубулова, Р.А. Малясов и А.А. Ласковый, в контексте цифровой трансформации традиционная парадигма образования также модифицируется. Новая ее версия основывается на производстве цепочки образовательных продуктов, позволяющих достигать принципа непрерывности процесса обучения (Хубулова и др., 2023).

Наконец, актуальной для российских исследователей является проблема инвестиционной привлекательности иностранных EdTech-рынков, которой посвятили свое исследование А.В. Волохов и М.Г. Бич, анализируя факторы ее проявления в развитых и развивающихся странах и выявляя особенности североамериканского и азиатского регионов в этом контексте (Волохов, Бич, 2023).

Проблема инвестиций является также одной из самых актуальных для зарубежных исследователей – на нее обращают внимание представители научного сообщества при обсуждении интернационализации EdTech-компаний, наряду с проблемой ценообразования образовательных продуктов (Bilaney, 2021) и монетизации цифровых данных в цифровом образовании (Komljenovic et al., 2024).

В фокусе исследователей оказываются в том числе темы объемов инвестиций и направлений их приложения на EdTech-рынке (Williamson, Komijenovic, 2023). С чем это связано? По всей видимости, – с активным развитием глобального EdTech-рынка и поиском новых рыночных сегментов для социального инвестирования финансового капитала стран Глобального Севера. Напомним, что данная тема актуализировалась в науке после мирового финансового кризиса 2007–2008 гг. и ознаменовала собой новый виток в развитии капитализма. Как известно, за последние 150 лет он прошел несколько стадий в своем развитии: от аграрного к индустриальному, от индустриального к финансовому (Введение в цифровую экономику …, 2017). Именно последний и интересует нас в заявленном контексте.

Финансовый капитал, благодаря своей ликвидности и мобильности, легко проникает в экономики разных стран, выбирая сферу своего приложения. После кризиса 2007–2008 гг. новой сферой его приложения стала социальная, поскольку потребности людей превратились в источник финансовой прибыли и залог сохранения стабильности капиталистической системы (Смелова, 2017).

Известный социолог Н. Срничек, описывая эволюцию развития капиталистической экономики, утверждает, что в основе ее модели лежит антагонистическое противостояние капиталиста и работника, выступающее драйвером развития системы. Каждая из сторон стремится к увеличению своей доли в распределении прибавочной стоимости, однако делают это они разными

[1] Стратегическое направление цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования [Электронный ресурс] // Портал федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/Projects/Project_strategy_ziffre_transformation.pdf (дата обращения: 14.02.2025).

[2] Краткий обзор рынка труда. Январь 2025 [Электронный ресурс] // HH.ru. https://hhcdn.ru/icms/10326985.pdf (дата обращения: 17.02.2025).

способами: капиталист – внедряя новые технологии производства и бизнес-модели, работник – повышая свою квалификацию и увеличивая производительность своего труда. Н. Срничек считает, что за внедрением новых технологий в производство неизменно следует снижение оплаты труда среднего работника (Срничек, 2020). И если в социальном государстве XX в.[1] он мог получить и/или повысить свою квалификацию в образовательных учреждениях, финансируемых из бюджетов национальных государств, то начиная с XXI в. ситуация изменилась. За последние 15 лет многие национальные государства взяли курс на медленное снижение расходов на образование[2]. Это касается как изменений в структуре общих государственных расходов, так и доли трат на образование в составе внутреннего валового продукта (ВВП) (табл. 1).

Таблица 1 *– Доля государственных расходов разных стран на образование в структуре общих расходов и ВВП, 2010–2023 гг., %*[3]

Table 1 *– Share of Public Expenditure on Education in the Structure of Total Expenditure and GDP, 2010–2023, %*

Страна	Доля государственных расходов на образование													
	2010		2012		2015		2017		2019		2021		2023	
	в общ.	в ВВП	в общ.	в ВВП	в общ.	в ВВП	в общ.	в ВВП	в общ.	в ВВП	в общ.	в ВВП	в общ.	в ВВП
США	15,6	6,7	15,6	6,3	16,1	4,9	15,9	5,1	15,5	5,0	12,7	5,6	12,7	5,4
Бразилия	13,4	5,6	14,0	5,9	12,7	6,2	13,1	6,3	12,7	6,0	11,6	5,8	11,6	5,8
Великобритания	13,2	5,7	12,3	5,6	12,3	5,6	12,3	5,4	12,0	5,2	11,2	5,4	11,2	5,4
Канада	12,6	5,4	12,9	4,7	12,7	4,7	12,9	5,0	12,7	4,8	11,1	4,6	11,1	4,1
Китай	13,6	3,8	14,4	3,9	12,3	3,8	12,2	3,6	11,2	3,5	10,9	3,3	10,5	3,3
Германия	9,1	5,1	9,5	4,9	9,6	4,9	9,5	4,9	9,7	5,1	9,1	4,5	9,2	4,5
Россия	9,8	3,8	9,5	3,8	2,2	3,8	9,5	4,7	9,3	3,5	8,9	3,7	8,9	3,7
Франция	9,9	5,6	9,6	5,5	9,6	5,5	9,5	5,5	9,5	5,4	8,9	5,2	8,9	5,2
Япония	8,8	3,6	8,5	3,4	8,4	3,3	8,2	3,1	8,1	3,2	7,4	3,5	7,4	3,5

Вместе с тем появились капиталисты, которые увидели в сфере образования новый устойчивый рынок, способный обеспечить им стабильную прибыль в долгосрочной перспективе и поддержать их социальную власть, благодаря потребности в повышении квалификации у трудящихся, связанной с внедрением новых технологий и необходимостью постоянного обновления знаний. Теперь эту потребность необходимо было превратить в платежеспособный спрос и реализовать на практике идею овладения экономически востребованными знаниями и навыками на рынке труда за счет обучающегося. EdTech-инвесторы, будучи опытными технонаучными капиталистами[4], сумели трансформировать часть образования, которая ранее рассматривалась как общественное благо, в услугу и превратить ее в актив. Заметим, что понятие это происходит от англо-французского слова «assetz» и первоначально обозначало единственное достаточное имущество для оплаты долгов и наследства. В наши дни оно трактуется без привязки к долгу – как собственность, которая обеспечивает финансовый поток в долгосрочной перспективе. Под активом понимается объект, который позволяет своему собственнику сохранять ценность и извлекать долгосрочную экономическую ренту за счет владения и контроля, а не за счет прибыли от рыночного обмена (Adkings et al., 2020). Специфика рассматриваемого актива заключается в том, что этот объект не является простым товаром и не используется в качестве платежного средства. Превращение объекта в актив представляет собой научно-технический процесс «трансформации нарратива», он

[1] Как утверждает американский экономсоциолог М. Мизручи, именно американская корпоративная элита с ее консервативными взглядами в 1950–1970-е гг. инициировала появление программ социального обеспечения, финансируемых из бюджета, первой осознав их экономическую целесообразность и эффективность в решении таких проблем, как бедность, безработица, неравный доступ к образованию и др. (Mizruchi, 2010). Она привлекла к этой деятельности правительство США, выступив с лозунгом о необходимости партнерства между государством и корпоративным бизнесом, заложила институциональные основы модели социального государства, которая в дальнейшем распространилась в странах Европы и СССР (с учетом их культурно-исторических особенностей).

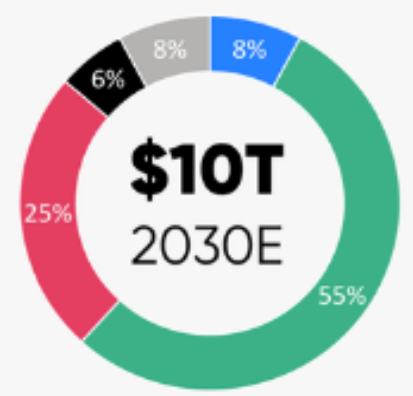
[2] Education Spending. How is Education Financed? How Much Do We Spend on It? What are the Returns? [Электронный ресурс] // Our World in Data. https://ourworldindata.org/financing-education (дата обращения 08.02.25).

[3] Global Education Monitoring Report [Электронный ресурс] // UNESCO. URL: https://www.unesco.org/gemreport/ru/2023efw (дата обращения: 14.02.25).

[4] Технонаучный капитализм – термин, который используется для описания капиталистической системы, где за инновациями скрывается погоня за «экономической рентой». В отличие от позиции технологических предпринимателей, которые предполагают создание новых продуктов, услуг и рынков сбыта с целью генерирования прибавочной стоимости, инновация как рента определяется извлечением и закреплением ценности с помощью различных форм собственности и установлением социального влияния через контроль над активами (Assetization: Turning Things into Assets in Technoscientific Capitalism (Inside Technology) …, 2020).

включает в себя создание последовательных символических цепочек оценок объекта с учетом его границ и характеристик, создающих его финансовую ценность. При этом сами социальные субъекты «пересматриваются, изменяются и реконцептуализируются» (Assetization: Turning Things into Assets in Technoscientific Capitalism (Inside Technology) …, 2020). С развитием цифровой формы организации образования эта сфера стала объектом притяжения капиталистов.

Безусловно, процесс коммерциализации образовательной сферы сильно ускорился с развитием цифровых технологий, обеспечивающих доступ к знанию из любой точки мира, где есть стабильное интернет-соединение. Этот процесс сопровождается, во-первых, созданием рынков образовательных технологий, когда новые информационно-коммуникативные технологии (ИКТ) обеспечивают «демократизированный» доступ к образованию (при решении государством проблемы цифрового неравенства, то есть создания условий свободы подключения к Интернету для всех социальных слоев населения); во-вторых, появлением EdTech-компаний, которые начинают позиционировать себя как эксперты в области образования, предсказывающие будущие тенденции рынка труда и компетенции работника; в-третьих, инвесторы EdTech-компаний превращаются в «политических» субъектов, в том смысле что они создают свои нарративные конструкты «будущего». Эти футурологические прогнозы о доходности рынков образовательных технологий разных стран базируются на работе алгоритмов искусственного интеллекта (ИИ) и представляют собой некое воображаемое инвесторами EdTech-компаний «будущее», в котором вырисовываются наилучшие перспективы для получения долгосрочных финансовых потоков. Однако такое «будущее», по сути, перформативно, оно призвано стимулировать участников образовательного рынка реально создавать это воображаемое «будущее», потому что образ его работает на обеспечение рентабельности инвестиций в образование[1]. Так, по данным HolonIQ (Quacquarelli Symonds, Великобритания)[2], платформы, занимающейся анализом рынка в сфере образовательных технологий, к 2030 г. объем глобального рынка образовательных технологий достигнет по меньшей мере 10 трлн долл. США (рис. 1). Причиной подобных ожиданий выступает рост населения в развивающихся странах Азии и Африки и технологии, которые стимулируют переподготовку и повышение квалификации в развитых странах. В следующем десятилетии будет подготовлено на 350 млн специалистов с высшим образованием и почти на 800 млн выпускников школ больше, чем сегодня. Глобальной экономике необходимо в среднем подготавливать по 1,5 млн учителей в год, чтобы соответствовать изменениям в сфере образования. В целом, для этого рынка должно быть подготовлено 100 млн педагогов.



Дошкольное образование – 8 %.
Начальное и среднее общее образование – 55 %.
Высшее и среднее профессиональное образование – 25 %.
Корпоративное образование – 6%.
Обучение на протяжении всей жизни – 8 %.

Рисунок 1 *– Расходы на глобальное образование и профессиональную подготовку к 2030 г.*[3]

Figure 1 *– Spending on Global Education and Training by 2030*

С 2010 г. всего в мире в сферу EdTech было инвестировано 84,5 млрд долл. венчурного капитала: доля Китая составила 29,7 млрд долл., США – 27,6, Индии – 11,4, европейских стран – 8,8, других стран – 7,0 млрд долл.[4]. Китай наращивал свою долю до 2020 г., когда в общей структуре

[1] Анализ рынка образовательных технологий (EdTech) в России в 2020–2024 гг., прогноз на 2025–2029 гг. М., 2024. 60 с. ; Прогнозы на 2025 год от участников российского edtech-рынка [Электронный ресурс] // ED tech. URL: https://edtechs.ru/analitika-i-intervyu/prognozy-na-2025-god-ot-uchastnikov-edtech-rynka/ (дата обращения: 14.02.2025).

[2] Education in 2030. The $10 Trillion Dollar Question. Five Scenarios for the Future of Learning and Talent [Электронный ресурс] // HolonIQ. URL: https://www.holoniq.com/2030 (дата обращения: 14.02.2025).

[3] Ibid.

[4] Ibid.

венчурного капитала она составила около 60 %. Однако начиная с 2021 г. Пекин резко начал сокращать инвестиции в сферу EdTech-образования, доведя их до минимальных значений. Доля США, напротив, стабильна. Исключение составляет 2021 г., когда последняя резко выросла, компенсировав резкий отток китайского капитала. По данным на 2024 г., 1,8 млрд долл. США венчурного капитала – это самый низкий уровень инвестиций с 2014 г. (2 % от вложений 2014 г.)[1]. На рис. 2 показаны реальные суммы финансовых вливаний в сферу образования за период 2010–2024 гг., которые демонстрируют снижение объемов поступления венчурного капитала в образование с 2021 г.[2]

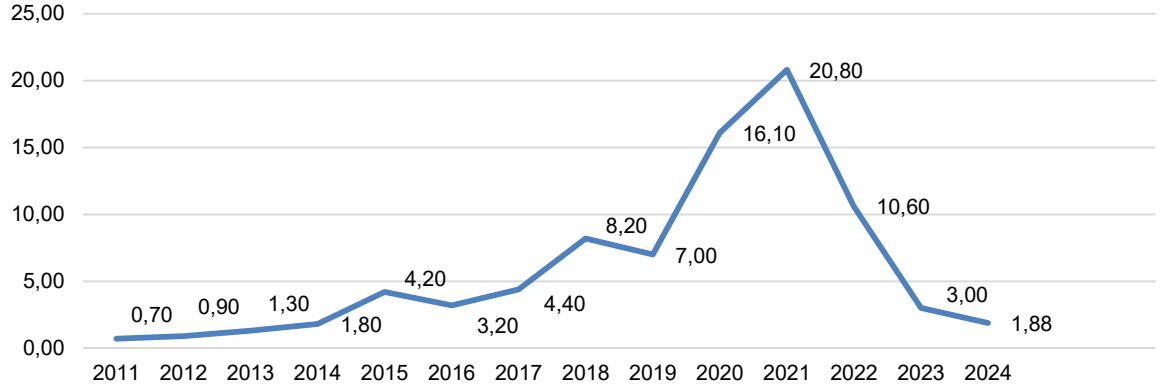


Рисунок 2 *– Глобальное финансирование венчурного капитала в сфере образования, 2010–2024 гг., в млрд долл. США*[3]

Figure 2 *– Global Venture Capital Financing in Education, 2010–2024, In US$ Billion*

Американский социолог Р. Мертон называл такие перформативные конструкты «самоисполняющимися пророчествами» (Merton, 1968), а немецкий экономсоциолог Й. Беккерт, говоря о воображаемом будущем, которое оправдывает экономические действия в настоящем и определяет социальную цель инвестиций, – «вымышленными ожиданиями» (Beckert, 2016).

Проблема самым непосредственным образом связана с возвратом по инвестициям. И здесь последние надо понимать не только как целенаправленную экономическую деятельность по предоставлению капитала с целью извлечения прибыли. Социологи трактуют понятие «инвестиции» более широко. Так, французский ученый Л. Тевено считает, что его следует понимать как вложения в социальные формы, с помощью которых мир становится познаваемым и открытым для действий (Thévenot, 2013). Инвестиции EdTech-компаний в цифровые образовательные формы определяют практики обучения, а вместе с тем и нормы, ценности разнообразия, равенства, инклюзивности[4], идеологии, модели обучения, вписанные в архитектуру «технонаучного капитализма». Так, инвесторы EdTech-компаний на основе расчетов искусственного интеллекта ожидаемой рентабельности инвестиций в те или иные новые образовательные продукты или образовательные технологии принимают решения о том, какие продукты и услуги будут существовать на образовательном рынке, какие будут масштабироваться, а какие будут устранены (Komljenovic et al., 2023). Через инвестиции EdTech-компании контролируют образовательный контент, выбирая те дисциплины, которые поддерживают и развивают капиталистическую систему на этапе цифровизации: программирование и IT, дизайн и креатив, маркетинг и продажи, финансы, бизнес и управление, образование и педагогика, личностное развитие и социальная коммуникация, – оставляя фундаментальные дисциплины в стороне.

Говоря о тенденциях 2024 г. на российском EdTech-рынке И. Курмышев, генеральный директор компании «Яндекс Практикум», утверждает следующее: «Последние несколько лет мы активно инвестируем в создание курсов по маркетингу, дизайну и менеджменту и видим, что аудитория воспринимает нас как экспертов не только в IT-профессиях, но и в digital. Значимым запуском февраля стал бесплатный курс “YandexGPT для начинающих”. …. За полтора месяца обучение на курсе начали более 25 тысяч человек»[5].

[1] Education in 2030. The $10 Trillion Dollar Question...
[2] Ibid.
[3] Ibid.
[4] Investing in UnderRepresented Founders and Emerging Managers Who Drive the Future of Learning and Work [Электронный ресурс] // Bonsal Capital. URL: https://bonsalcapital.com/ (дата обращения: 08.02.2025).
[5] EdTech-рынок в начале 2024 года вырос на 22,5%, до 33 млрд рублей [Электронный ресурс] // ED tech. URL: https://edtechs.ru/analitika-i-intervyu/edtech-rynok-v-nachale-2024-goda-vyros-na-225-do-33-mlrd-rub/ (дата обращения: 30.01.2025).

Схожую оценку российского EdTech-рынка дает и Е. Сорокин, управляющий директор Skillfactory: «На рынке сохраняется спрос на обучение в IT – аудитория интересуется направлениями аналитики данных, Data Science, разработки, программированием, машинным обучением. Помимо этого, мы можем говорить об активном использовании инструментов ИИ в самом процессе обучения»[1].

Д. Крутов, основатель и генеральный директор Skillbox Holding подтверждает тенденцию: «Среди наших программ самыми популярными остаются профессии “Python-разработчик”, “графический дизайнер” и “менеджер маркетплейсов” (специализация Wildberries) с долями в выручке 10 %, 8 % и 7 % соответственно. При этом курс по работе с Wildberries показывает шестикратный рост спроса. Повышенный интерес пользователей мы также фиксируем на нецифровые профессии, в частности, “дизайнер интерьеров” (+49 %), и на специальности в сфере аналитики и финансов – профессии “бизнес-аналитик” (+51 %) и “бухгалтер” (+20 %)»[2].

Что касается глобальных тенденций в образовании, инициированных деловой активностью EdTech-компаний, то помимо традиционных направлений инвестирования в среднее и высшее образование, в 2024 г. заинтересованные акторы обратили внимание на новые сферы. Например, Brighteye инвестировала в компании, работающие на стыке образования и финансовой сферы, технологий в области здравоохранения, HR, климата и мобильности. Другие тенденции в инвестировании EdTech представлены в табл. 2.

Таблица 2 *– Основные направления инвестирования в EdTech на глобальном рынке в 2024 г.*[3]

Table 2 *– Key Areas of Investment in EdTech in the Global Market in 2024*

Направление	**Описание**	**Пример компании**	**Объем инвестиций в проект в целом**
1	2	3	4
1.	***Решения в области искусственного интеллекта и машинного обучения***		
Адаптивные платформы обучения	Платформы адаптивного обучения используют искусственный интеллект для персонализации процесса обучения, адаптируя контент и темп освоения программы к индивидуальным возможностям учащихся. Наиболее популярным решением в этой области являются системы поддержки на основе ИИ для преподавателей, руководителей и отдельных учащихся, которые предоставляют персонализированную обратную связь и планы обучения на основе взаимодействия субъектов с платформой. Машинное обучение используется для выявления слабых и сильных сторон учащихся, оно предоставляет целевые рекомендации и ресурсы, которые корректируются в зависимости от способностей учащихся и их результатов в предыдущих учебных заданиях	MERLYN MIND	79 млн долл. США
Вторые пилоты	В решениях для ко-пилотирования используется искусственный интеллект для повышения производительности и обеспечения постоянной гибкой поддержки учащихся и специалистов во многих отраслях. В средних школах ко-пилоты помогают учителям планировать уроки и осуществлять персонализированную обратную связь с учениками. В промышленности такие специалисты оптимизируют производственные процессы и профилактическое обслуживание, сокращая время простоя и эксплуатационные расходы. В сфере профессиональных услуг ИИ используется для автоматизации рутинных задач, повышая эффективность и точность в таких областях, как бухгалтерский учет и юридический консалтинг. В сфере здравоохранения ИИ используется в диагностике и планировании лечения пациентов	GENIE AI	10 млн долл. США
Инструменты для проведения исследований	Инструменты для проведения исследований предоставляют расширенную информацию о рынке и аналитику данных, позволяя пользователям понимать и обобщать информацию для принятия эффективных решений. В академических исследованиях эти инструменты упрощают обзор литературы, сбор и анализ данных. В промышленности они помогают анализировать тенденции, поведение потребителей и конкурентную среду, принимать стратегические бизнес-решения. Эти инструменты также используются в таких областях, как здравоохранение, финансы и государственная политика, обеспечивая принятие решений на основе достоверных данных	Alpha Sense	650 млн долл. США

[1] EdTech-рынок в начале 2024 года вырос на 22,5%, до 33 млрд рублей...

[2] Там же.

[3] H1 2024 – What Got Funded in Edtech? [Электронный ресурс] // Brighteye Ventures. URL: https://www.brighteyevc.com/post/h1-2024-what-got-funded-in-edtech (дата обращения: 08.02.2025).

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4
2. Образовательные и медицинские технологии			
Системы мониторинга работоспособности	Платформы для мониторинга состояния здоровья пациентов на основе персонализированных маршрутов для медицинских работников, а также для пациентов с целью обучения управлению заболеваниями. Системы мониторинга могут быть дополнены элементами геймификации	OVERJET	45 млн долл. США
Инструменты для обучения пациентов управления своим здоровьем	Приложения и платформы, которые информируют пациентов об их заболеваниях, методах лечения и оздоровительных практиках	VitalTech	9 млн долл. США
3. SaaS/облачные решения для администрирования и совместной работы			
Системы управления образованием	Облачные платформы упрощают выполнение административных задач руководителям образовательных организаций и персонализируют обучение учеников за счет интеграции, автоматизации и аналитики	Sdui (portfolio company Brighteye)	21 млн евро
Инструменты для совместной работы	Инструменты для совместной работы улучшают коммуникацию в реальном времени, обеспечивают совместную работу учащихся и преподавателей/наставников в виртуальных классах, учебных аудиториях, дискуссионных площадках и др.	CampusAI	9 млн долл. США
4. Развитие навыков и обучение персонала в разнообразных отраслях			
Обучение техническим навыкам и профессиональная подготовка	Платформы предлагают курсы в различных областях, таких как кибербезопасность, телекоммуникационная инженерия, разработка программного обеспечения, наука о данных и облачные вычисления. Платформы предлагают обучение, которое часто включает интерактивные учебные среды и подготовку на основе проектов. Растет спрос на обучение на основе симуляций в таких областях, как сетевая безопасность, виртуальные лаборатории для тестирования программного обеспечения, управление облачной инфраструктурой и телекоммуникационные системы	LabLabee	3,4 млн долл. США
Кратковременное обучение и модульное проектирование курсов	Увеличивается популярность решений, предлагающих модули микрообучения, которые можно быстро и легко освоить. Такой подход позволяет субъектам выбирать модули для построения индивидуального учебного плана, особенно в контексте профессионального развития и обучения на протяжении всей жизни	Ziplines Education	6,5 млн долл. США

Отметим, что основной тенденцией 2025 г. является продолжение развития технологий EdTech 2.0 (решений для обучения «точно в срок»), которые помогают одновременно учиться, работать и увеличивать производительность труда. В 2024 г. общая прибыль компаний, функционирующих на основе модели «Обучение – трудоустройство – производительность» («Train – Place – Enhance»), составила 15,4 млрд долл. США. По количеству сделок и привлеченному финансированию на глобальном рынке лидируют США, Китай, Индия, Япония и Великобритания[1].

Итак, можно утверждать, что инвесторы Edtech-компаний создали рынок цифровых образовательных услуг. Речь идет, прежде всего, об образовательных платформах, в основе которых лежит программируемая цифровая архитектура, организующая взаимодействия между инвесторами, государственными структурами, производителями контента (методистами, преподавателями и др.), пользователями – физическими и юридическими лицами. Заметим, что создатели контента, включаясь в производство образовательных продуктов и осуществляя их онлайн-трансляцию, стали частью глобальной экономики совместного пользования педагогических ресурсов[2].

Как отмечают М. Декюйпер, Э. Гримальди, П. Лэндри, к особенностям образовательных платформ следует отнести ориентацию на систематический сбор, алгоритмическую обработку, распространение и монетизацию пользовательских данных (Decuypere et al., 2021). EdTech-компании продвигают концепции рационального использования времени для овладения знаниями и навыками, управления вниманием обучающихся (используя аудиальные, визуальные, кинестетические и др. методы); алгоритмического управления образовательным процессом через системы классификаций производителей необходимых для него продуктов и их педагогических методик, создавая образы «хорошего» и «плохого» обучающегося через системы оценки их знаний и навыков; а также поиска курсов на основе рекомендательных алгоритмов для повторения или, наоборот, расширения и углубления полученных знаний и навыков. Образовательные платформы внедрили новые механизмы создания стоимости – они получают ренту не только за свои

[1] H1 2024 – What Got Funded in Edtech?...

[2] Педагогический офшоринг: как EdTech-компании борются с дефицитом кадров [Электронный ресурс] // РБК. Тренды. URL: https://trends.rbc.ru/trends/education/61f9a12c9a7947ac1ee173b2?from=copy (дата обращения: 30.01.2025).

услуги, но и за данные, так как капитализируют пользовательские трансакционные данные по цифровым следам (Williamson, 2022).

EdTech-компании, бесспорно, привнесли изменения в сферу образования: появился новый институт арендной платы, социальные акторы – образовательные рантье (обладатели прав интеллектуальной собственности на образовательные технологии и продукты, получающие доход от аренды их активов); было внедрено алгоритмическое управление в сектор образования; произошла реорганизация социальных отношений в модели «монополия – конкуренция» на рынке образования, обеспечившая EdTech-компаниям возможность стать «политическими» субъектами, создающими нарративы «будущего» развития рынка труда наряду с национальным государством[1]; благодаря бизнес-модели кадрового офшоринга производство образовательного контента стало осуществляться транслокально, из любой точки Земного шара и транслироваться по каналам постсоциальных связей разных стран через ИКТ. Это сильно усложнило работу контролирующих органов, призванных предотвратить попадание деструктивного контента в образовательную среду.

Еще одно изменение рассматриваемой проблематики связано с превращением Edtech-компаний в экспертов, участвующих в определении ценности знаний и навыков работника на рынке труда. Помимо воспроизводства нарратива о человеческом капитале, который необходимо постоянно наращивать, обращаясь к услугам EdTech-компаний, участие последних в процессе трансформации национальных систем образования в различных странах заключалось в проведении ими регулярного разведывательного ИИ-анализа знаний и навыков, востребованных на рынке труда. Как правило, изучение спроса и предложения осуществляется ими по цифровым следам работников, ищущих вакансии, и работодателей, размещающих данные об открытых ставках в Интернете.

Отправной точкой является анализ задач (характеристик работы), составляющих спрос, знаний и навыков работника в его резюме, а также предложений на рынке труда на предмет их соответствия. Отметим, что появление новых технологий в экономике не является «нейтральным» по отношению к навыкам. Они оказывают самое непосредственное влияние на тип экономики, ее структуру и ценообразование на рабочую силу. И хотя технологии могут полностью и не вытеснять с рынка труда целые профессии, они автоматизируют некоторые задачи, что приводит к изменению спроса на определенные навыки. Несоответствие его предложению порождает ситуацию одновременной безработицы и дефицита рабочей силы. В решении этих проблем можно было бы после тщательной экспертизы использовать опыт EdTech-компаний, которые регулярно проводят мониторинг рынка труда, осуществляют академические исследования в области образования, мониторят направления образовательной политики разных государств и др., чтобы определить, какие навыки, востребованные в будущем, необходимо дополнительно освоить работникам (в условиях неопределенности рынка труда и постоянно меняющихся требований к персоналу) и, соответственно, какие образовательные программы должны быть открыты. Отметим, что, как правило, речь здесь идет о получении дополнительной квалификации работником. Для многих профессий, освоенных индивидом в рамках государственной системы образования, выявляются новые навыки, которые дополняют уже имеющиеся с тем, чтобы обеспечить работнику так называемое устойчивое положение на рынке труда за счет приобретения взаимодополняемых навыков. Постоянное воспроизводство нарратива об инвестициях в человеческий капитал (или его вариации о конкуренции человека с искусственным интеллектом) побуждает работника приобретать все новые и новые знания и навыки в образовательных организациях, обладающих экспертным знанием о будущем развитии рынка труда и востребованных компетенциях.

Изучению ценности взаимодополняемых навыков посвящено эмпирическое исследование британских экономсоциологов Ф. Стефани и О. Тейтлоффа (2024). В основу его были положены две гипотезы:

1) о высокой ценности навыка при высоком спросе и недостаточном предложении;

2) о высокой ценности навыка при условии его сочетания с разнообразным набором других навыков высокой ценности.

Другими словами, по мнению исследователей, эта взаимодополняемость должна проявляться в трех аспектах: количестве дополнительных (смежных) навыков, их разнообразии и высокой ценности. Согласно результатам проведенного исследования, наиболее тесная связь между навыками была обнаружена в кластерах «Финансы и юриспруденция», «Программное обеспечение и технологии», «Маркетинг», «Дизайн», «Аудио и видео», «Письмо» и «Администри-

[1] Здесь будет уместно вспомнить о культурно-политическом подходе Н. Флигстина, в рамках которого доминирующие игроки глобального рынка, обладающие большим объемом капитала (финансового, социального, символического и др.) используют свои институциональные навыки, чтобы распространить частные институты на рынках иностранных государств. По этой причине проявление институционального изоморфизма на российском EdTech-рынке является закономерным явлением. Несмотря на уход из страны зарубежных компаний с 2022 г., их институты сохранились в структуре российского EdTech-рынка и успешно воспроизводятся.

рование». В частности, отмечается, что существует особо сильная связь между навыками из таких областей, как «Программное обеспечение и технологии» и «Финансы и юриспруденция»; они обладают значительным количеством, разнообразием и ценностью. Взаимосвязь между ценностью навыка и ценностью взаимодополняющих навыков отличается в разных кластерах. Для тех из них, которые связаны с финансами, юриспруденцией и маркетингом, наблюдается более высокая степень взаимодополняемости, что сильнее влияет на повышение их ценности, чем в других кластерах профессий. Такие навыки, как владение языком программирования *Python* или *бизнес-коучинга*, можно комбинировать со многими другими ценными навыками. В этом случае их собственная ценность будет выше. В то же время один и тот же навык не будет иметь одинаковую значимость для всех работников. Причина кроется еще и в дополняемости их работы навыками, которыми обладают другие сотрудники конкретно взятой компании. Также заметим, что стоимость навыков со временем меняется, поскольку на нее влияют изменения на рынке труда. Авторы исследования подводят свою аудиторию к идее, что в идеале новые навыки должны дополнять технологии ИИ, позволяя работникам «работать вместе с машинами». Если рассматривать ценность навыков в области ИИ по отдельности, то в области машинного обучения они добавляют 40 % к стандартной оплате труда, Tensor Flow (+38 %), глубокого обучения (+27 %), NLP (+19 %). Они более ценны и по сравнению с навыками в области анализа данных (+14 %), за которыми следуют наиболее популярные языки программирования, используемые для создания ИИ, такие как Python (+8 %), C++ (+7 %) и Java (+5 %) (Stephany, Teutloff, 2024).

Вместе с тем навыки работы с искусственным интеллектом не единственные будущие востребованные атрибуты в глобальной экономике на сегодняшний день. В 2024 г. HolonIQ опубликовал карту навыков для рабочих мест в сфере зеленой экономики, поделив их на 11 блоков:

1. Навыки развития модели зеленой экономики (разработка экологического законодательства, зеленого налогообложения, внедрение экологического образования и научных исследований, экотуризма и агротуризма, экологического управления цепочкой поставок, соблюдение стандартов безопасности, зеленый маркетинг, совместное потребление).

2. Навыки управления природным капиталом, под которым принято понимать «совокупность природных активов, представляющих человеку природные ресурсы (природное сырье) и услуги экосистем» (Титова, 2014) (планирование землепользования, борьба с эрозией, рекультивация загрязненных земель, восстановление леса и облесение, борьба с лесными пожарами, агролесомелиорация, сохранение морской экосистемы, мониторинг ледников и ледяного покрова, управление полярной экосистемой, вечной мерзлотой, адаптация в полярном сообществе, мониторинг качества воздуха, охрана дикой природы).

3. Навыки работы с системой продовольственного обеспечения (устойчивое управление сельским хозяйством, мясной и молочной промышленностью, аквакультурой, городским сельским хозяйством и садоводством, системами беспочвенного возделывания; оптимизация урожайности, практики этического лечения животных; замена животного сырья растительным сырьем и др.).

4. Навыки управления экономикой замкнутого цикла (переработкой отходов; водными ресурсами; организация экологически чистого производства).

5. Навыки работы на углеродном рынке (управление выбросами и запасами углерода, углеродное моделирование, управление ценообразованием на углерод и др.).

6. Навыки экологического и финансового анализа (анализ климатических данных, в том числе спутниковых данных, оценка и управление климатическими рисками, системами предупреждения стихийных бедствий и экстремальных метеоусловий, разработка зеленых инвестиционных продуктов и эффективное управление зеленым инвестированием и др.).

7. Навыки использования зеленых ресурсов (устойчивая добыча полезных ископаемых, производство, эксплуатация и контроль технологий ядерной энергетики, водородного, био- и синтетического топлива).

8. Навыки использования возобновляемых источников энергии (проектирование и эксплуатация инфраструктуры, работающей на солнечной энергии, энергии ветра, гидрокинетической энергии, геотермальной энергии, энергии из биомассы).

9. Навыки работы с зелеными системами (энергетические и коммунальные сети, аккумуляторные хранилища энергии, накопители энергии без использования батареи, системы передачи данных).

10. Навыки создания среды обитания (проектирование и строительство жилой и коммерческой недвижимости, экологически чистые строительные материалы, энергоэффективность зданий, их нагрев и охлаждение).

11.Навыки управления зеленой мобильностью (управление зелеными транспортными системами – зеленая авиация, железнодорожный и водный транспорт; производство экологически чистого топлива, использование гибридных двигателей, экологическое техническое обслуживание транспортных средств и др.)[1].

Анализ цифровых и зеленых взаимодополняемых будущих востребованных навыков позволяет определить потенциальные траектории обучения для работников, находящихся на разных этапах своей трудовой карьеры, а на их основе – возможность для EdTech-компаний создавать образовательные продукты с обеспеченным спросом, адаптированные к постоянно меняющимся требованиям рынка труда.

Внедрение все новых и новых технологий и постоянная необходимость получения актуальных навыков для работы с ними вынуждает персонал современных предприятий включаться в образовательную гонку, защищаться от угрозы девальвации своих знаний и навыков через постоянное обучение, все чаще используя для этой цели свои личные средства. Статистика об изменении распределения общих расходов на образование по источникам финансирования (государственные расходы, расходы Всемирного банка, расходы домохозяйств) за период 2015–2022 гг. представлена на рис. 3.

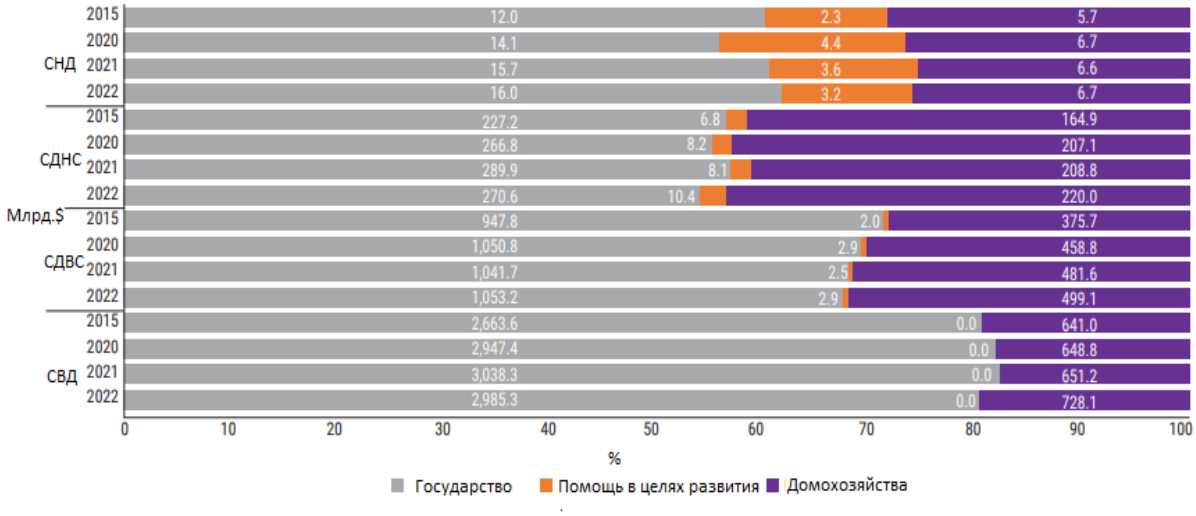


Рисунок 3 *– Распределение общих расходов 128 стран на образование по источникам финансирования за 2015–2022 гг. и по группам:*
страны с низким доходом населения (СНД),
страны с доходом ниже среднего (СНСД),
страны с доходом выше среднего (СВСД),
страны с высоким уровнем дохода (СВД)[2]

Figure 3 *– Distribution of Total Education Expenditure in 128 Countries by Source of Funding for 2015–2022 and by Group:*
Low-Income Countries (LICs),
Lower-Middle-Income Countries (LMICs),
Upper-Middle-Income Countries (UMICs),
High-Income Countries (HICs)

Особенно остро эта проблема ощущается при необходимости постоянно использовать заемные средства для получения образования: в ситуации, когда старый образовательный кредит еще не выплачен во временной перспективе 5–10 лет, а знания и навыки уже устарели или не были востребованы на рынке труда, и требуется брать новый кредит для обучения новым зна-

[1] Green Skills Map. 5,000+ Open-Source Skills to Accelerate Sustainability. A Global Open-Source Initiative [Электронный ресурс] // Green Skills Map. URL: https://www.greenskills.org/?ref=newsletters.holoniq.com (дата обращения: 16.01.2025).

[2] Total Population by Country 2024 [Электронный ресурс] // World Population Review. URL: https://worldpopulationreview.com/countries (дата обращения: 08.02.2025) ; Education Finance Watch 2024 [Электронный ресурс] // The World Bank. URL: https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/b5d1c588-d8b4-4c7b-9256-e745f4765989/content (дата обращения: 08.02.2025).

ниям и навыкам[1]. Немалую роль в этом играет и ключевая ставка Центробанка, повышение которой приводит к удорожанию образовательных кредитов для населения[2]. Накопление долгов со временем приводит к потере ликвидности «человеческого капитала» работника, а значит, и его устойчивости на рынке труда. Этот процесс протекает в западных странах на фоне разрушения старой модели экономики, основанной на эксплуатации труда, и перехода к новой – базирующейся на секьюритизации социально-трудовых рисков посредством различных финансовых инструментов. В конечном счете это приводит к утрате социальной силы работника в экономике, а вместе с этим – и стимула к трудовой (созидательной) деятельности как таковой, концентрации богатства в руках собственников новых активов и поляризации общества. Также заметим, что многие государства также включаются в эту гонку, встраивая в национальные образовательные системы элементы стратегий EdTech-компаний: прикладной направленности естественно-научных и математических предметных циклов, включения финансовой и цифровой грамотности (отдельно сегодня выделяют ИИ-грамотность), использования цифровых образовательных технологий в процессе обучения и др.). Как отмечает Д. Рыжкова (CEO Smart Ranking), «однозначным трендом 2024 года является … встраивание EdTech в систему формального образования, а именно в сегменты высшего и среднего профессионального образования»[3]. Эта гонка может принимать форму борьбы за технологический суверенитет (например, как в Китае, когда, соперничая с США, он построил национальную систему разработки технологий ИИ и, соответственно, подготовки кадров для цифровой экономики) (Ли Кай-Фу, 2019).

Используя все преимущества, связанные с цифровизацией образования в России, не следует забывать, что инициатива по развитию этой отрасли принадлежит инвесторам стран Глобального Севера[4], интересы которых в сфере образования сильно расходятся с национальными приоритетами Российской Федерации. Отметим, что они первыми создают нарративы о будущей доходности новых технологий в отраслях экономики, способных генерировать прибавочную стоимость; первыми приносят образцы технологий на иностранные рынки (стран Глобального Юга), которые в дальнейшем будут копироваться в рамках политики импортозамещения и масштабироваться на рынках сбыта национальных экономик. При этом присутствия иностранных инвесторов в смысле физического производства товаров и услуг на этих рынках не требуется, они позиционируют себя как рантье, контролирующие устойчивые денежные потоки по вложенным инвестициям. Так, инициировав создание рынка, иностранные инвесторы затем переходят к фазе его

[1] Так, например, британское правительство выдает студентам образовательные кредиты с 1950-х гг., и в последние годы они превратились в одну из крупнейших форм задолженности населения Великобритании. Около 40 % университетов страны зависят от платы за обучение, которую они получают от студентов. В 2022 г. непогашенная задолженность последних достигла отметки в 201 млрд фунтов стерлингов. Более 1 млн человек имеют общую задолженность в размере свыше 50 тыс. фунтов стерлингов (77 тыс. долл. США). Студенческие кредиты списываются государством только через 30 лет, если остаток долга не был выплачен. При этом в сумму включаются и изменения инфляции (29 Student Loan Statistics: You Won't Believe in 2025 [Электронный ресурс] // Sovereign Boss. URL: https://sovereignboss.co.uk/student-loan-statistics/ (дата обращения: 08.02.2025)). В Канаде общая сумма студенческих кредитов превышает 22 млн дол., из них 75 % обеспечены государством, а 36 % – банками. Всего 1,7 млн студентов взяли образовательные кредиты, при этом средний должник обязан вернуть около 26 075 долл. Обычно на погашение долгов уходит от 9 до 15 лет (Анализ размера и доли рынка студенческих кредитов в Канаде – тенденции роста и прогнозы (2024–2029 гг.) [Электронный ресурс] // Mordor Intelligence. URL: https://www.mordorintelligence.com/ru/industry-reports/canada-education-student-loans-market (дата обращения: 14.02.2025)). Но наиболее остро проблема со студенческими кредитами стоит в США, где она уже достигла национального уровня. Заемные средства в этой стране являются незаменимым компонентом финансирования высшего образования. В 2023 г. общая задолженность по ним превысила 1,7 трлн долл. США, в основном за счет федеральных студенческих кредитов, которые составляют более 92 % от общей суммы. В среднем студенту, взявшему кредит на обучение, требуется 20 лет, чтобы погасить задолженность, в то время как некоторым выпускникам-специалистам может потребоваться 45 лет или даже больше, чтобы погасить свои долги. Средний размер задолженности по студенческому кредиту за 4-летнее обучение составляет 34 700 долл. США (Студенческие кредиты в США превратились в серьезнейшую социальную проблему [Электронный ресурс] // Профиль. URL: https://profile.ru/abroad/studencheskie-kredity-v-ssha-prevratilis-v-sereznejshuju-socialnuju-problemu-1334250/ (дата обращения: 14.02.2025)).

[2] Для российского edtech-рынка это является одной из сложнейших проблем, препятствующей развитию в последние годы. Ключевая ставка Банка России в 2023 г. выросла с 7,5 до 16 %, а в 2024 г. – с 16 до 21 % (Ключевая ставка ЦБ РФ: для чего нужна, почему меняется и на что влияет [Электронный ресурс] // РИА. Новости. URL: https://ria.ru/20250214/klyuchevaya_stavka-1962773695.html (дата обращения: 14.02.2025)).

[3] Индекс российского EdTech-рынка [Электронный ресурс] // ED Tech. URL: https://edtechs.ru/indeks/ (дата обращения: 14.02.2025).

[4] iShares Digital Entertainment and Education UCITS ETF [Электронный ресурс] // Black Rock. URL: https://www.blackrock.com/uk/individual/products/326051/ishares-digital-entertainment-and-education-ucits-etf (дата обращения: 30.01.2025) ; Top 50 EdTech VC (Venture Capital) Funds in February 2025 [Электронный ресурс] // Shizune. URL: https://shizune.co/investors/edtech-vc-funds (дата обращения: 30.01.2025).

расширения за счет привлечения новых участников, используя аналитические прогнозы о будущей высокой доходности EdTech-рынка. Что обеспечивает последнее? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вернуться к анализу сферы спроса и ее главным участникам – национальному государству, которое закупает на бюджетные средства образовательные продукты у EdTech-компаний для интеграции с национальными системами всех уровней образования, и работникам, которые руководствуясь нарративом об «инвестициях в человеческий капитал», покупают программы обучения новым навыкам в надежде обрести устойчивость на рынке труда. И хотя доход от инвестиций национальных участников рынка и капиталовложений государства распределяется внутри страны, значительную часть его «забирают»[1] иностранные инвесторы (отметим, что финансовая отчетность их деятельности является непрозрачной и непубличной).

Учитывая вышесказанное, следует отметить, что способность видеть будущее развитие рынка труда и проектировать адаптивные образовательные программы зависит не от качества прогнозной аналитики цифровых сервисов и структурных изменений в экономике, а от понимания выбора направления приложения инвестиционных сил на образовательном рынке, призванных обеспечить долгосрочную прибыль и социальное влияние. Заметим, что цели инвесторов EdTech-компаний далеко не всегда отвечают общественным интересам. Этот момент должен приниматься во внимание как специалистами, разрабатывающими и корректирующими стратегию цифровой трансформации образования национального государства, так и аналитиками рынка труда и рынка цифрового образования.

Список источников:

Введение в цифровую экономику / под ред. А.В. Кешелава. М., 2017. 44 с.

Волохов А.В., Бич М.Г. Факторы инвестиционной привлекательности мирового рынка онлайн-образования // Инновации и инвестиции. 2023. № 10. С. 94–98.

Глухов А.П., Андреева А.А., Гурин М.Ю., Королева Д.О. Интервенция электронных образовательных платформ в российскую систему образования: экосистемный подход // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология, Политология. 2023. № 74. С. 176–189. https://doi.org/10.17223/1998863X/74/16.

Ли Кай-Фу. Сверхдержавы искусственного интеллекта. Китай, Кремниевая долина и новый мировой порядок. М., 2019. 240 с.

Смелова А.А. Институт социальных финансов как источник развития финансового капитализма // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 1. С. 26–32.

Срничек Н. Капитализм платформ. М., 2020. 128 с.

Титова Г.Д. Понятие «природный капитал», развитие методологии и методов его экономической оценки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 7. Геология. География. 2014. № 1. С. 114–124.

Хубулова В.В., Малясов Р.А., Ласковый А.А. Новая парадигма образования в цифровой экономике: модель обучения // Московский экономический журнал. 2023. Т. 8, № 9. С. 578–590. https://doi.org/10.55186/2413046X_2023_8_9_465.

Adkings L., Cooper M., Konings M. The Asset Economy: Property Ownership and the New Logic of Inequality. Cambridge, 2020. 176 p.

Assetization: Turning Things into Assets in Technoscientific Capitalism (Inside Technology) / eds.: K. Birch, F. Muniesa. Cambridge, 2020. 338 p. https://doi.org/10.7551/mitpress/12075.001.0001.

Beckert J. Imagined Futures: Fictional Expectations and Capitalist Dynamics. Cambridge, 2016. 384 p. https://doi.org/10.4159/9780674545878.

Bilaney S.K. Transfer Pricing in the Edtech Industry // International Transfer Pricing Journal. 2021. Vol. 28, iss. 3. https://doi.org/10.59403/26npm1y.

Decuypere M., Grimaldi E., Landri P. Introduction: Critical Studies of Digital Educational Platforms // Critical Studies in Education. 2021. Vol. 62, iss. 1. P. 1–16. https://doi.org/10.1080/17508487.2020.1866050.

Komljenovic J., Birch K., Sellar S. Monetising Digital Data in Higher Education: Analysing the Strategies and Struggles of EdTech Startups // Postdigital Science and Education. 2024. № 6. P. 1196–1215. https://doi.org/10.1007/s42438-024-00505-0.

Komljenovic J., Williamson B., Eynon R., Davies H.C. When Public Policy "Fails" and Venture Capital "Saves" Education: Edtech Investors as Economic and Political Actors // Globalisation, Societies and Education. L., 2023. P. 1–16. https://doi.org/10.1080/14767724.2023.2272134.

Merton R. Social Theory and Social Structure. N. Y., 1968. 698 p.

Mizruchi M.S. The American Corporate Elite and the Historical Roots of the Financial Crisis 2008 // Markets on Trail: The Economic Sociology of the U.S. Financial Crisis: Part B. L., 2010. P. 103–139. https://doi.org/10.1108/s0733-558x(2010)000030b008.

Stephany F., Teutloff O. What is the Price of a Skill? The Value of Complementary // Research Policy. 2024. Vol. 53, iss. 1. P. 104898. https://doi.org/10.1016/j.respol.2023.104898.

Thévenot L. The Human Being Invested in Social Forms. Four Extensions of the Notion of Engagement // Engaging with the World. Agency, Institutions, Historical Formations. L., 2013. P. 162–180. https://doi.org/10.4324/9780203066928-15.

Williamson B. Big EdTech // Learning, Media and Technology. 2022. Vol. 47, iss. 2. P. 157–162. https://doi.org/10.1080/17439884.2022.2063888.

Williamson B., Komljenovic J. Investing in Imagined Digital Futures: the Techno-Financial «Futuring» of Edtech Investors in Higher Education // Critical Studies in Education. 2023. Vol. 64, iss. 3. P. 234–249. https://doi.org/10.1080/17508487.2022.2081587.

[1] В данном случае речь не идет просто о выводе финансовых доходов иностранными инвесторами из страны. Экстрагирование доходов может принимать разные сложные финансовые формы, например, обмен активами или их взаимозачет.

References:

Adkings, L., Cooper, M. & Konings, M. (2020) *The Asset Economy: Property Ownership and the New Logic of Inequality*. Cambridge. 176 p.

Beckert, J. (2016) *Imagined Futures: Fictional Expectations and Capitalist Dynamics*. Cambridge. 384 p. Available from: doi:10.4159/9780674545878.

Bilaney, S. K. (2021) Transfer Pricing in the Edtech Industry. *International Transfer Pricing Journal*. 28 (3). Available from: doi:10.59403/26npm1y.

Birch, K. & Muniesa, F. (eds.) (2020) *Assetization: Turning Things into Assets in Technoscientific Capitalism* (*Inside Technology*). Cambridge. 338 p. Available from: doi:10.7551/mitpress/12075.001.0001.

Decuypere, M., Grimaldi, E. & Landri, P. (2021) Introduction: Critical Studies of Digital Educational Platforms. *Critical Studies in Education*. 62 (1), 1–16. Available from: doi:10.1080/17508487.2020.1866050.

Glukhov, A. P., Andreeva, A. A., Gurin, M. Yu. & Koroleva, D. O. (2023) Intervention of Electronic Educational Platforms into the Russian Education System: an Ecosystem Approach. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* (74), 176–189. Available from: doi:10.17223/1998863X/74/16. (In Russian).

Keshelava, A. V. (ed.) (2017) *Vvedenie v tsifrovuyu ekonomiku* [*Introduction to the digital economy*]. Moscow. 44 p. (In Russian).

Khubulova, V. V., Malasov, R. A. & Laskovyi, A. A. (2023) New Paradigm of Education in the Digital Economy: Training Model. *Moscow Economic Journal.* 8 (9), 578–590. Available from: doi:10.55186/2413046X_2023_8_9_465. (In Russian).

Komljenovic, J., Birch, K. & Sellar, S. (2024) Monetising Digital Data in Higher Education: Analysing the Strategies and Struggles of EdTech Startups. *Postdigital Science and Education*. (6), 1196–1215. Available from: doi:10.1007/s42438-024-00505-0.

Komljenovic, J., Williamson, B., Eynon, R. & Davies, H. C. (2023) When Public Policy "Fails" and Venture Capital "Saves" Education: Edtech Investors as Economic and Political Actors. In: *Globalisation, Societies and Education*. London, pp. 1–16. Available from: doi:10.1080/14767724.2023.2272134.

Li Kai-Fu (2019). *Sverkhderzhavy iskusstvennogo intellekta. Kitai, Kremnievaya dolina i novyi mirovoi poryadok* [*AI Superpowers: China, Silicon Valley, and the New World Order*]. Moscow. 240 p. (In Russian).

Merton, R. (1968) *Social Theory and Social Structure*. New York. 698 p.

Mizruchi, M. S. (2010) The American Corporate Elite and the Historical Roots of the Financial Crisis 2008. In: *Markets on Trail: The Economic Sociology of the U.S. Financial Crisis: Part B*. London, pp. 103–139. Available from: doi:10.1108/s0733-558x(2010)000030b008.

Smelova, A. A. (2017) Social Finance Institution as a Source of Financial Capitalism Development. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*. (1), 26–32. (In Russian).

Srnichek, N. (2020) *Kapitalizm platform* [*Platform Capitalism*]. Moscow. 128 p. (In Russian).

Stephany, F., & Teutloff, O. (2024) What is the Price of a Skill? The Value of Complementary. *Research Policy*. 53 (1), 104898. Available from: doi:10.1016/j.respol.2023.104898.

Thévenot, L. (2013) The Human Being Invested in Social Forms. Four Extensions of the Notion of Engagement. In: *Engaging with the World. Agency, Institutions, Historical Formations*. London, pp. 162–180. Available from: doi:10.4324/9780203066928-15.

Titova, G. D. (2014) Concept "The Natural Capital", Development of Methodology and Methods of Its Economic Valuation. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 7. Geologiya. Geografiya.* (1), 114–124. (In Russian).

Volokhov, A. V. & Bich, M. G. (2023) Factors of Investment Attractiveness of the Global Online Education Market. *Innovation & Investment*. (10), 94–98. (In Russian).

Williamson, B. & Komljenovic, J. (2023) Investing in Imagined Digital Futures: the Techno-Financial «Futuring» of Edtech Investors in Higher Education. *Critical Studies in Education*. 64 (3), 234–249. Available from: doi:10.1080/17508487.2022.2081587.

Williamson, B. (2022) Big EdTech. *Learning, Media and Technology*. 47 (2), 157–162. Available from: doi:10.1080/17439884.2022.2063888.

Информация об авторе

А.А. Смелова – кандидат социологических наук, доцент кафедры экономической социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=620075

Конфликт интересов:
автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

A.A. Smelova – PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Economic Sociology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=620075

Conflicts of interests:
The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 17.01.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 14.02.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 25.02.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья
УДК 316.346.32-053.6:32.019.5
https://doi.org/10.24158/spp.2025.2.4

Нормативно-правовое регулирование видов и деятельности субъектов пропаганды в отношении молодежи в Российской Федерации: социологический анализ

Елена Владимировна Дорцева
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, edortseva@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена социологическому анализу нормативно-правового регулирования видов и деятельности различных субъектов пропаганды в Российской Федерации. В условиях становления электронно-цифровой цивилизации, глобального геополитического передела мира, а также активно ведущихся информационных войн и баталий актуальность данной темы с точки зрения обеспечения национальной безопасности Российской Федерации и противодействия деструктивной деятельности различных субъектов пропаганды, прежде всего в отношении российской молодежи, не вызывает сомнений. В работе автор поэтапно переходит от понятия пропаганды к описанию существующих в социологии различных типологий пропаганды, а затем к раскрытию сущности понятий «конструктивная пропаганда» и «деструктивная пропаганда». Затем автор, систематизируя имеющиеся в современной социологии наработки по данной проблематике, выводит собственную классификацию субъектов конструктивной и деструктивной пропаганды, что и составляет новизну обозначенной тематики, особенно в сочетании с анализом того, как регулируется деятельность субъектов пропаганды в российском законодательстве.

Ключевые слова: пропаганда, виды пропаганды, конструктивная пропаганда, деструктивная пропаганда, объекты пропаганды, субъекты пропаганды, классификация субъектов пропаганды

Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Дорцева Е.В. Нормативно-правовое регулирование видов и деятельности субъектов пропаганды в отношении молодежи в Российской Федерации: социологический анализ // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 2. С. 50–59. https://doi.org/10.24158/spp.2025.2.4.

Original article

Normative-Legal Regulation of Types and Activities of Propaganda Subjects in Relation to Youth in the Russian Federation: Sociological Analysis

Elena V. Dortseva
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, edortseva@mail.ru

Abstract. The article delves into the sociological analysis of the normative-legal regulation concerning the types and activities of various subjects of propaganda in the Russian Federation. In the conditions of formation of electronic-digital civilization, global geopolitical redistribution of the world, as well as active information wars and battles, the relevance of this topic, from the point of view of ensuring the national security of the Russian Federation and countering the destructive activities of various subjects of propaganda, primarily in relation to the Russian youth, is beyond doubt. In the article, the author gradually moves from the concept of propaganda, to the description of various typologies of propaganda available in sociology, and then to the disclosure of the essence of the concepts of “constructive propaganda” and “destructive propaganda”. Then the author, systematizing the developments in modern sociology on this issue, derives his own classification of subjects of constructive and destructive propaganda, which is the novelty of this topic, especially in combination with the analysis of how the activities of propaganda subjects are regulated in modern Russian legislation.

Keywords: propaganda, types of propaganda, constructive propaganda, destructive propaganda, objects of propaganda, subjects of propaganda, classification of subjects of propaganda

Funding: Independent work.

For citation: Dortseva, E.V. (2025 Normative-Legal Regulation of Types and Activities of Propaganda Subjects in Relation to Youth in the Russian Federation: Sociological Analysis. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics.* (2), 50–59. Available from: doi:10.24158/spp.2025.2.4 (In Russian).

Введение. В настоящее время в условиях становления электронно-цифровой цивилизации, т. е. перехода человечества к «новой <цифровой> стадии своего развития, затрагивающей все сферы его жизнедеятельности, включая социальный мир и ценностную сферу человека» (Осипов, 2020; 12), особую актуальность приобретает изучение специфики информационно- пропагандистского воздействия на отечественную молодежь, особенно студенчество, со стороны

© Дорцева Е.В., 2025

различных лиц и организаций, называемых ранее «идеологическими диверсантами» (Прозоров, 1986), а ныне – «субъектами общественной жизнедеятельности» (Елишев, 2019). Вне зависимости от наименования их суть заключается в активном использовании факта тотального погружения молодежи в виртуальную реальность, интернет- и гаджетозависимость, а также цифровые технологии для продвижения своих корыстных целей, направленных, естественно, отнюдь не на успешную социализацию, социальное становление и развитие молодого поколения.

Молодежь в представлении этих субъектов служит «объектом и ресурсом» (Елишев, 2019), который они широко используют. Многочисленные исследования показывают, что ей присущи социальная активность, повышенная восприимчивость, чувство нового, в том числе жажда быстрого переустройства мира, но также бескомпромиссность и горячность, нетерпеливость и бездумный критицизм (Дорцева, 2024; Дорцева, Родин, 2023; Осипов, 2020). При этом «неудовлетворенность жизнью проявляется нередко в форме негативного отношения к опыту и практической деятельности старшего поколения, жажде автономии и освобождения от внешнего контроля взрослых» (Прозоров, 1986; 4).

Известно, что любого рода антисоциальное, а более точно – деструктивное, информационно-пропагандистское воздействие, осуществляемое с помощью новейших электронно-цифровых технологий, неизбежно приводит к виртуализации молодежного сознания, оперирующего ложной, псевдонаучной картиной мира, основанной на антисистемных жизненных ориентирах, которые отличает негативистский, протестный и потребительский характер. Так, недавние опросы студенческой молодежи, проведенные при нашем непосредственном участии, показали, что практически все опрошенные (98,25 %) являются активными пользователями социальных сетей и мессенджеров[1]. Ежедневно ими пользуются 92,98 % респондентов, несколько раз в месяц – 5,76 %. При этом 40,0 % молодых людей признались, что тратят на подобное общение в течение одного дня от 3 до 6 часов, 26,0 – от 2 до 3; 17,75 – находятся в постоянном режиме общения, а 10,5 % – от 1 до 2 часов. Результаты исследования также продемонстрировали, что почти три четверти (73,5 %) студентов, отвечая на вопрос «Как Вы считаете, повлияли ли социальные сети на Ваши жизненные ценности и приоритеты?», дали утвердительный ответ (Елишев, Дорцева, 2024).

При этом большинство студентов (86,9 %) отметили важную роль цифровых СМИ в системе современного информационного противоборства, а с утверждением, что «Интернет является эффективным инструментом ведения информационной войны», полностью согласились 52,25 % респондентов. Значительная часть представителей студенческой молодежи (69,44 %) отмечают, что сталкивались с такими явлениями, как пропаганда и контрпропаганда (лишь 16,67 % не сталкивались с этими феноменами). В то же время многие из них даже не подозревают, что так или иначе испытывают серьезное пропагандистское воздействие, и во многом именно поэтому они становятся мишенями деструктивной формы подобного влияния, с достаточной легкостью усваивают пропагандистские стереотипы и мифы. Данное обстоятельство актуализирует научное осмысление деятельности субъектов деструктивной пропаганды, особенно в социально-правовых аспектах.

Результаты. Существуют различные подходы к трактовке феномена пропаганды как в зарубежной, так и в отечественной социологии, при этом значительная часть из них имеет негативную коннотацию. Как отмечают ученые, «слова, часто используемые в качестве синонимов пропаганды, – вранье, искажение, обман, манипулирование, контроль над разумом, психологическая война, идеологическая обработка, болтовня, сфабрикованные материалы» (Джоуэт, О'Донелл, 2021). Часто встречается отождествление феномена пропаганды с простой манипулятивной технологией[2], а в последнее время ее заменяют термином «мягкая сила» (Гребенюк, 2022).

В то же время проведенный нами анализ позволил более емко и достоверно обосновать генезис и сущность данного злободневного явления и одновременно процесса, типологизировать его формы, обозначить фокус и выделить наиболее важные и перспективные направления социологических исследований. На наш взгляд, феномен пропаганды подразумевает под собой целенаправленный коммуникативный процесс передачи конкретной аудитории с помощью специальных средств и методов определенной (часто сконструированной) информации, способной оказать системное управленческое воздействие на ее мнение, установки, в конечном счете – на мировоззрение и последующее поведение.

[1] Исследование «Социальная коммуникация в современном обществе: сущность и особенности» было проведено в апреле-мае 2024 г. среди бакалавров и магистров социологического факультета МГУ по квотной выборке. Всего был опрошен 401 студент, 76,32 % бакалавров и 26,68 % магистров, что соответствует структуре состава студентов социологического факультета. Цель исследования – выявление восприятия обучающимися социологического факультета МГУ сущности и особенностей коммуникационного воздействия на современную молодежь в условиях становления электронно-цифрового общества.

[2] Propaganda [Электронный ресурс] // The Britannica Dictionary. URL: https://www.britannica.com/dictionary/propaganda (дата обращения: 12.07.2024) ; Propaganda [Электронный ресурс] // Oxford English Dictionary. URL: https://www.oed.com/dictionary/propaganda_n (дата обращения: 12.07.2024).

Создать более четкое представление о феномене пропаганды позволяет выделение ее сущностных, типических характеристик. Пропаганда – это и социально-политический феномен, и одновременно специфическая разновидность социального коммуникативного процесса, главную роль в котором получает элемент влияния или последствий коммуникационного воздействия, выраженных не только в изменении внутреннего состояния субъектов данного процесса, но и в их действиях.

Распространение пропаганды, в сущности, является особым информационным процессом, состоящим в передаче соответствующих сведений (сообщений), имеющих заданную интерпретацию, нацеленную на формирование необходимых пропагандисту установок и верований. Конечной целью пропаганда имеет устойчивое изменение поведения социума за счет трансформации его сознания в сфере восприятия определенных явлений. Объектом пропаганды может выступать конкретный индивид или сообщество людей, однако преимущественным ее объектом является массовое сознание с учетом его специфики у отдельных социальных и особенно социально-демографических групп. Неотъемлемым атрибутом процесса пропаганды служит контрпропаганда.

В социологической науке существует несколько неоднозначных и дискуссионных подходов к классификации типов пропаганды, в силу чего ни один из них не стал общепринятым. Более того, в научный оборот включаются новые, крайне слабо концептуализированные даже в политических науках ее виды: «пропаганда созидания, пропаганда стойкости и героизма, пропаганда просвещения, пропаганда разрушения, пропаганда разделения, пропаганда устрашения и пропаганда отчаяния»[1].

Общеизвестным, достаточно распространенным, но весьма устаревшим, ставшим своеобразным «достоянием прошлого», является разделение пропаганды на «белую», «серую» и «черную». В настоящий момент более продуктивной и отвечающей современным реалиям выступает ее классификация по таким критериям, как цели и результаты воздействия, в соответствии с которыми пропаганду подразделяют на конструктивную и деструктивную.

Конструктивная, или позитивная, пропаганда выполняет две основные функции – воспитательную и информативную – и не преследует цели манипулирования сознанием индивидов. Как правило, она направлена на обеспечение стабильности в обществе, укрепление социальной гармонии, утверждение гуманистических убеждений в людях, формирование социально значимых качеств, объединение их вокруг общепризнанных ценностей (Рустамов, Тураева, 2020).

Пропаганда всегда деструктивна, если «связана с разжиганием розни, эскалацией социальных конфликтов, обострением социальных противоречий, формированием антигуманистических убеждений, погружением людей в трясину социального зла, конфронтацией друг с другом и аналогичными бесчеловечными интересами» (Рустамов, Тураева, 2020: 58–59). Деструктивная пропаганда нацелена на «разжигание социальной вражды, обострение социальных конфликтов, содействие усилениям противоречий в обществе и пробуждению низменных инстинктов у людей» (Патрахина, Шламова, 2015: 306).

Следует отметить, что в современном российском законодательстве, как и в науке, отсутствует единое общепринятое четкое определение понятия пропаганды, не говоря уже о различных ее разновидностях. Ни в одном из действующих нормативно-правовых актов не говорится ни о «белой», ни о «серой», ни о «черной» пропаганде, ни о выделяемых, например, М.В. Киселевым видах пропаганды. В то же время, исходя из анализа содержания действующих правовых норм, можно сделать вывод, что законодатель и государственные деятели, уполномоченные принимать соответствующие нормативно-правовые акты, несмотря на отсутствие четких формулировок, скорее на подсознательном уровне или на уровне здравого смысла придерживаются классификации, подразделяющей пропаганду на два вида – конструктивную (позитивную) и деструктивную (негативную).

В частности, пункт 2 ст. 29 Конституции РФ содержит норму, запрещающую «пропаганду или агитацию, возбуждающую социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду»[2], как и пропаганду «социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства»[3]. Иными словами, речь в данном положении Конституции РФ идет именно о деструктивной (негативной) разновидности пропаганды, а не о «черной» или «серой» ее разновидностях. В свою очередь, пункт 4 ст. 29 Конституции РФ содержит норму, дающую возможность каждому «свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом»[4], за исключением государственной тайны. Можно предположить, что в этом положении Конституции РФ речь идет уже о конструктивной (позитивной) пропаганде, хотя она таковой не именуется.

---

[1] Киселев М.В. Психологические аспекты пропаганды [Электронный ресурс] // Пси-фактор : информационный ресурсный центр. URL: https://psyfactor.org/propaganda7.htm (дата обращения: 23.11.2024).

[2] Конституция РФ. Герб. Гимн. Флаг. ФЗ «О государственном языке РФ». М., 2024. С. 9.

[3] Там же.

[4] Там же.

В других действующих нормативно-правовых актах говорится о таких формах и разновидностях проявления деструктивной (негативной) пропаганды, как, например:

– «публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма и пропаганда терроризма» (ст. 205.2 УК РФ)[1], включающие в себя в том числе «распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности» (ст. 3 Федерального закона № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»)[2];

– «пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии» (ст. 3 Федерального закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»)[3];

– пропаганда, изготовление, сбыт в целях пропаганды, приобретение в целях пропаганды, публичное демонстрирование «нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами» (ст. 282.4 УК РФ), а также схожие действия, которые «не содержат признаков уголовно наказуемого деяния» (ст. 20.3 КоАП РФ)[4];

– «пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений либо смены пола, выразившейся в распространении информации и (или) совершении публичных действий, направленных на формирование нетрадиционных сексуальных установок, привлекательности нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений либо смены пола или искаженного представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, либо навязывании информации о нетрадиционных сексуальных отношениях и (или) предпочтениях либо смене пола, вызывающей интерес к таким отношениям и (или) предпочтениям либо смене пола» (ст. 6.21 КоАП РФ);

– «пропаганда педофилии, выразившейся в распространении информации, направленной на обоснование и (или) оправдание педофилии или формирование привлекательности педофилии, либо навязывании информации о педофилии, вызывающей интерес к педофилии» (ст. 6.21.1 КоАП РФ);

– пропаганда «жестокого обращения с животными, а также призывы к жестокому обращению с животными»; «производства, изготовления, показа и распространения пропагандирующих жестокое обращение с животными кино-, видео- и фотоматериалов, печатной продукции, аудиовизуальной продукции, размещение таких материалов и продукции в информационно-телекоммуникационных сетях (в том числе в сети Интернет) и осуществление иных действий, пропагандирующих жестокое обращение с животными» (ст. 12 Федерального закона № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»)[5];

– пропаганда «либо незаконная реклама наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, а также новых потенциально опасных психоактивных веществ», в том числе «с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет» (ст. 6.13 КоАП РФ);

– злоупотребление свободой массовой информации с использованием СМИ в том числе в целях «распространения материалов, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публично оправдывающих терроризм, других экстремистских материалов, материалов, пропагандирующих порнографию, насилие и жестокость, материалов, содержащих нецензурную брань, а также материалов, пропагандирующих нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения, педофилию, смену пола»; а также «сведений о способах, методах разработки, изготовления и использования, местах приобретения наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных

[1] Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [Электронный ресурс] : в ред. от 28 дек. 2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О противодействии терроризму [Электронный ресурс] : Федер. закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ : последняя редакция. Там же.

[3] О противодействии экстремистской деятельности [Электронный ресурс] : Федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ последняя редакция. Там же.

[4] Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ [Электронный ресурс] : в ред. от 26 дек. 2024 г. Там же.

[5] Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ [Электронный ресурс] : Федер. закон от 27 дек. 2018 г. № 498-ФЗ : последняя редакция. Там же.

веществ, о способах и местах культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, пропаганда каких-либо преимуществ использования отдельных наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных веществ, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и распространение иной информации, распространение которой запрещено федеральными законами» (ст. 4 Закона РФ 2124-1 «О средствах массовой информации»); информации, содержащей «пропаганду, обоснование и (или) оправдание осуществления экстремистской деятельности» (ст. 56.2 Закона РФ № 2124-1 «О средствах массовой информации»)[1];

– пропаганда «криминального образа жизни, потребления наркотических средств и психотропных веществ» (п. 52 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента РФ № 809)[2].

Помимо этого, к формам и разновидностям проявления деструктивной (негативной) пропаганды фактически по смысловой нагрузке также относятся:

– «публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, в том числе публичные призывы к воспрепятствованию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в указанных целях, либо на дискредитацию исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории Российской Федерации в указанных целях, а равно на дискредитацию оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации» (ст. 20.3.3 КоАП РФ);

– информация, причиняющая вред здоровью и (или) развитию детей, в том числе такая информация, содержащаяся в информационной продукции (п. 1 ст. 1 Федерального закона № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»)[3];

– «деструктивная идеология», «деструктивное идеологическое воздействие», «деструктивное информационное воздействие» на граждан РФ (Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента РФ № 809), а также «внешняя идейно-ценностная экспансия» и «внешнее деструктивное информационно-психологическое воздействия» со стороны внешних и внутренних деструктивных сил (Стратегия национальной безопасности РФ, утвержденная Указом Президента РФ № 400)[4].

В соответствии с п. 14 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809, под деструктивной идеологией понимается «идеологическое и психологическое воздействие на граждан РФ», ведущее «к насаждению чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей, включая культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, созидательного труда, позитивного вклада России в мировую историю и культуру, разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений»[5].

О различных формах и разновидностях конструктивной (позитивной) пропаганды содержится упоминание, например, в следующих действующих нормативно-правовых актах: 1) Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», в ст. 3 которого упоминается об «информационно-пропагандистских мерах» по противодействию коррупции[6];

---

[1] О средствах массовой информации [Электронный ресурс] : Закон РФ от 27 дек. 1991 г. № 2124-1 : в ред. от 23 нояб. 2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [Электронный ресурс] : Указ Президента РФ от 9 нояб. 2022 г. № 809 // Официальный сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 23.11.2024).

[3] О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию [Электронный ресурс] : Федер. закон от 29 дек. 2010 г. № 436-ФЗ : последняя редакция. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] О Стратегии национальной безопасности РФ [Электронный ресурс] : Указ Президента ФР от 2 июля 2021 г. № 400 // Официальный сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 23.11.2024).

[5] Об утверждении Основ …

[6] О противодействии коррупции [Электронный ресурс] : Федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ : последняя редакция. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2) Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», в ст. 2 которого содержится упоминание об «информационно-пропагандистских мерах» по противодействию терроризму; 3) Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», в ст. 5 которого содержится упоминание о профилактике экстремистской деятельности, посредством в том числе «пропагандистских мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности»; 4) Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», в ст. 18 которого содержится упоминание о «пропаганде здорового образа жизни»[1].

Помимо этого, к формам и разновидностям проявления конструктивной (позитивной) пропаганды фактически по смысловой нагрузке также относятся пропаганда традиционных российских духовно-нравственных ценностей (Стратегия национальной безопасности РФ, утвержденная Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400), «защита исторической правды, сохранение исторической памяти, противодействие фальсификации истории» (ст. 19 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809).

Объектами как конструктивной, так и деструктивной пропаганды могут быть отдельный человек, социальная группа, общество, группа обществ или человечество в целом.

Субъектами пропаганды, т. е. действующими участниками-акторами, осознающими, формулирующими и реализующими при ее осуществлении собственные интересы, являются самые разнообразные личности, группы личностей, организации и институты. Для их полноценной классификации целесообразно взять за основу классификации субъектов политики[2], государственных переворотов, революций (Елишев, 2017: 106–107) и манипулятивного воздействия (Елишев, 2019: 235) С.О. Елишева, систематизировав и применив его наработки для классификации субъектов уже пропагандистской деятельности.

Значимыми субъектами информационно-пропагандистской деятельности, как и субъектами политики, манипулятивного воздействия и государственных переворотов, являются *отдельные личности*, к которым относятся, например, не только личности национального лидера, государственного, религиозного, политического, общественного деятеля, о которых писал С.О. Елишев, но и отдельно взятые личности, в частности родители, учителя, преподаватели, священнослужители, работодатели, журналисты, писатели, музыканты, художники, лидеры общественного мнения, друзья и люди из ближнего круга общения, авторитетные личности, так называемые лидеры общественного мнения, блогеры.

Вторым не менее важным субъектом информационно-пропагандистского воздействия являются уже объединения личностей, к которым относятся, например, различные олигархические группы, группы по интересам (лобби-группы), «мировая закулиса», тайные сообщества с имеющимися у них ресурсами, подконтрольными им средствами массовой информации и пропаганды.

Большую роль в процессе пропагандистского воздействия играют социальная среда, в которой пребывает человек, а также та социальная (как реальная, так и виртуальная) группа, куда включается объект пропагандистского воздействия. К примерам такого рода социальных групп как субъектов пропагандистского воздействия относятся криминальные группы и сообщества, сообщества представителей субкультур, контркультур, антисистем, различные сетевые сообщества. Субъектами пропагандистского воздействия также являются традиционные и новые социальные страты, выделенные по различным основаниям.

Учитывая значимую роль, которую играют *религиозные институты, конфессии и организации* на жизнедеятельность общества, к субъектам пропагандисткой деятельности также относятся традиционные религиозные конфессии и нетрадиционные для того или иного общества типы религиозных организаций, например тоталитарные секты и деструктивные культы.

Знаковым субъектом пропагандистской деятельности, безусловно, является *государство* в лице должностных лиц, государственных органов, структур и подконтрольных ему средств массовой информации и пропаганды. Имеющие место постоянные противостояния различных государств позволяют говорить и о таких субъектах, как *иностранные государства* (в лице своих спецслужб и связанных с ними структур международных организаций, НКО и подконтрольных им средств массовой информации и пропаганды), а также *непризнанные государства* и *сообщество наций, объединенное в ООН*.

Обсуждение результатов. Таким образом, как показали исследования, основными субъектами конструктивного воздействия на молодежь, в том числе студенческую, могут быть отдельные личности, политические партии и движения, а также общественные объединения, традиционные

[1] Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс] : Федер. закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ : последняя редакция. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Елишев С.О. Политика. Базовые понятия : справочник-словарь. М., 2018. С. 7.

религиозные конфессии и различные государственные структуры, осуществляющие целенаправленную молодежную политику. Главными субъектами деструктивного воздействия на молодежь, в том числе студенчество, «являются отдельные личности и олигархические структуры, политические партии и движения, а также общественные объединения и НКО, тоталитарные религиозные секты и деструктивные культы» (Елишев, 2019: 4).

Важнейшим субъектом деструктивной пропаганды на российскую молодежь традиционно выступают идеологи спецслужб иностранных государств и международных организаций, часто в лице так называемых агентов влияния, а в современной терминологии – иностранных агентов. Следует отметить, что в действующем российском законодательстве есть прямые упоминания о субъектах деструктивной пропаганды. При этом данные субъекты условно можно подразделить на внешние и внутренние, хотя деятельность их в значительной степени взаимосвязана, скоординирована и направлена против России и традиционных для нее духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей.

К внешним субъектам деструктивной пропаганды прежде всего относятся *иностранные государства*, к которым вполне обоснованно можно отнести 49 государств и территорий, совершающих в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц недружественные действия, в соответствии с утвержденным Распоряжением Правительства РФ от 5 марта 2022 г. № 430-р Перечнем данных государств и территорий, а также 47 иностранных государств и территорий, реализующих политику, навязывающую деструктивные неолиберальные идеологические установки, противоречащие традиционным российским духовно-нравственным ценностям, в соответствии с утвержденным Распоряжением Правительства РФ от 17 сентября 2024 г. № 2560-р Перечнем данных государств и территорий.

Иностранные государства в лице своих «специальных служб и организаций», а также «пропагандистских структур»[1] активно осуществляют деструктивное информационное воздействие на российских граждан и российское общество, избрав в качестве приоритетных мишеней такого рода воздействия прежде всего системы традиционных для России духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей. Как справедливо отмечено в п. 87 Стратегии национальной безопасности РФ: «Традиционные российские духовно-нравственные и культурно-исторические ценности подвергаются активным нападкам со стороны США и их союзников, а также со стороны транснациональных корпораций, иностранных некоммерческих неправительственных, религиозных, экстремистских и террористических организаций. Они оказывают информационно-психологическое воздействие на индивидуальное, групповое и общественное сознание путем распространения социальных и моральных установок, противоречащих традициям, убеждениям и верованиям народов Российской Федерации»[2].

В п. 44 Стратегии национальной безопасности РФ конкретизированы цели деятельности данных субъектов: «Деструктивные силы за рубежом и внутри страны предпринимают попытки использования объективных социально-экономических трудностей в Российской Федерации в целях стимулирования негативных социальных процессов, обострения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, манипулирования в информационной сфере. Не ослабевает активность разведывательной и иной деятельности специальных служб и организаций иностранных государств, осуществляемой в том числе с использованием подконтрольных им российских общественных объединений и отдельных лиц. Международные террористические и экстремистские организации стремятся усилить пропагандистскую работу и работу по вербовке российских граждан, созданию на территории России своих законспирированных ячеек, вовлечению в противоправную деятельность российской молодежи. Для распространения недостоверной информации, организации незаконных публичных акций широко используются возможности глобальных интернет-компаний»[3].

Таким образом, к внешним субъектам деструктивной пропаганды, помимо иностранных государств, в соответствии с действующим российским законодательством также относятся *транснациональные корпорации, иностранные некоммерческие неправительственные, религиозные организации, а также международные экстремистские и террористические организации*. Законодательством Российской Федерации предусмотрено принятие ряда мер в отношении данных субъектов. Речь в этом случае идет об их возможном включении, например, в Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации, Перечень общественных и религиозных объединений, иных организаций, в отношении которых вступило в законную силу решение суда о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», Единый федеральный список

[1] О Стратегии национальной безопасности РФ… П. 44, 57.
[2] Там же. П. 87.
[3] Там же. П. 44.

организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими, а соответственно, и запрете деятельности на территории Российской Федерации.

В ст. 3.1 Федерального закона № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» содержится положение о том, что «деятельность иностранной или международной неправительственной организации, представляющая угрозу основам конституционного строя Российской Федерации, обороноспособности страны или безопасности государства… может быть признана нежелательной на территории Российской Федерации»[1], а соответственно, подлежит запрету под угрозой привлечения к уголовной и административной ответственности.

По состоянию на начало 2025 г. на территории РФ запрещена деятельность 197 нежелательных иностранных и международных некоммерческих неправительственных организаций. Однако понятно, что еще большое количество такого рода организаций продолжают деструктивную деятельность в стране, активно взаимодействуя с внутренними для России субъектами деструктивной пропаганды, часто имеющими статус иностранных агентов.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием», «под иностранным агентом понимается лицо, получившее поддержку и (или) находящееся под иностранным влиянием в иных формах и осуществляющее деятельность, виды которой установлены статьей 4 настоящего Федерального закона… Иностранным агентом может быть признано российское или иностранное юридическое лицо независимо от его организационно-правовой формы, общественное объединение, действующее без образования юридического лица, иное объединение лиц, иностранная структура без образования юридического лица, а также физическое лицо независимо от его гражданства или при отсутствии такового»[2].

В соответствии с п. 6 ст. 2 Федерального закона № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента, признается «российская некоммерческая организация, которая получает денежные средства и иное имущество от иностранных государств, их государственных органов, международных и иностранных организаций, иностранных граждан, лиц без гражданства либо уполномоченных ими лиц и (или) от российских юридических лиц, получающих денежные средства и иное имущество от указанных источников (за исключением открытых акционерных обществ с государственным участием и их дочерних обществ) (далее – иностранные источники), и которая участвует, в том числе в интересах иностранных источников, в политической деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации»[3]. В ст. 4 данного закона к видам деятельности иностранного агента, в частности, относятся политическая деятельность, целенаправленный сбор сведений в области военной, военно-технической деятельности Российской Федерации, *распространение предназначенных для неограниченного круга лиц сообщений и материалов и (или) участие в создании таких сообщений и материалов*, а также иные виды деятельности, установленные в указанной статье.

Среди форм политической деятельности, обозначенных в п. 5 ст. 1 Федерального закона № 255-ФЗ, непосредственно связаны с деструктивной пропагандой следующие:

– участие в организации и проведении публичных мероприятий в форме собраний, митингов, демонстраций, шествий или пикетирований либо в различных сочетаниях этих форм, организации и проведении публичных дебатов, дискуссий, выступлений;

– распространение, в том числе с использованием современных информационных технологий, мнений о принимаемых органами публичной власти решениях и проводимой ими политике;

– формирование общественно-политических взглядов и убеждений, в том числе путем проведения опросов общественного мнения и обнародования их результатов или проведения иных социологических исследований[4].

К видам деятельности, указанным в ч. 1 ст. 1 Федерального закона № 255-ФЗ, относятся в том числе распространение предназначенных для неограниченного круга лиц печатных, аудио-, аудиовизуальных и иных сообщений и материалов (в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет) и (или) участие в создании указанных сообщений и материалов[5].

---

[1] О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан РФ [Электронный ресурс] : Федер. закон от 28 дек. 2012 г. № 272-ФЗ : последняя редакция. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием [Электронный ресурс] : Федер. закон от 14 июля 2022 г. № 255-ФЗ // Российская газета. 2022. 19 июля. URL: https://rg.ru/documents/2022/07/19/document-inoagent.html (дата обращения: 23.11.2024).

[3] О некоммерческих организациях [Электронный ресурс] : Федер. закон от 12 янв. 1996 г. № 7-ФЗ. [Электронный ресурс] : последняя редакция. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] О контроле за деятельностью лиц …

[5] Там же.

Выводы. Анализ показал, что внутренними субъектами деструктивной пропаганды в Российской Федерации являются подконтрольные спецслужбам иностранных государств и иным внешним субъектам деструктивной пропаганды отдельные личности, группы личностей (т. е. фактически представители пятой колонны и «агенты влияния» со стороны внешних акторов), российские общественные объединения и организации различных организационно-правовых форм и направлений деятельности, к сожалению не всегда имеющие статус иностранных агентов, а также криминальные группы и сообщества, экстремистские и террористические организации.

Данная классификация, безусловно, не носит универсального характера и не претендует на завершенность, однако в то же время она однозначно указывает на пробелы в российском законодательстве в сфере регулирования деятельности различных субъектов пропаганды, а также необходимость систематизации российского законодательства в данной области. В частности, речь идет о необходимости четкого нормативно-правового закрепления понятий «пропаганда», «конструктивная пропаганда», «деструктивная пропаганда» в современном российском праве для совершенствования механизмов борьбы с деструктивной пропагандой, субъектами, ее осуществляющими, и для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Список источников:

Гребенюк А.А. Социальная технология «мягкая сила»: концепт, практика измерения и оценка эффективности. М.; СПб., 2022. 188 с.

Джоуэт Г., О'Донелл В. Пропаганда и убеждение : пер. с англ. Харьков, 2021. 496 с.

Дорцева Е.В. Феномены пропаганды и контрпропаганды в системе социологического знания // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2024. Т. 30, № 1. С. 165–192. https://doi.org/10.24290/1029-3736-2024-30-1-165-192.

Дорцева Е.В., Родин Н.В. Особенности деструктивного воздействия на молодежь новых субъектов Российской Федерации // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2023. Т. 29, № 4. С. 65–88. https://doi.org/10.24290/1029-3736-2023-29-4-65-88.

Елишев С.О. О сущности «современных революций» и государственных переворотов : монография. М., 2017. 336 с.

Елишев С.О. Социальное манипулирование молодежью. М., 2019. 336 с.

Елишев С.О., Дорцева Е.В. Социальная коммуникация в современном обществе: опыт эмпирического исследования // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2024. Т. 30, № 4. С. 235–264. https://doi.org/10.24290/1029-3736-2024-30-4-234-263.

Осипов Г.В. Социальные науки и образование в условиях становления электронно-цифровой цивилизации // Социальные науки и образование в условиях становления электронно-цифровой цивилизации : науч.-практ. конф. / науч. ред. В.А. Садовничий. М.: СПб., 2020. С. 12–17.

Патрахина Т.Н., Шламова Д.А. Пропаганда: сущность научной дефиниции, подходы к классификации // Молодой ученый. 2015. № 4 (84). С. 305–307.

Прозоров Б.Л. Идеологическая диверсия против советской молодежи: расчеты и просчеты буржуазных советологов. Л., 1986. 219 с.

Рустамов Р.Р., Тураева С.Х. Виды пропаганды, ее цели и задачи // Вестник науки. 2020. Т. 5, № 11 (32). С. 58–62.

References:

Dortseva, E.V. (2024) The phenomena of propaganda and counter-propaganda in the system of sociological knowledge. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 30 (1), 165–192. Available from: doi:10.24290/1029-3736-2024-30-1-165-192. (In Russian)

Dortseva, E.V. & Rodin, N.V. (2023) Features of the destructive impact on the youth of the new subjects of the Russian Federation. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 29 (4), 65–88. Available from: doi:10.24290/1029-3736-2023-29-4-65-88. (In Russian)

Elishev, S.O. (2019) Social manipulation of youth. Moscow, Kanon+; ROOI "Reabilitatsiya". (In Russian)

Elishev, S.O. & Dortseva, E.V. (2024) Social communication in modern society: experience of empirical research. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 30 (4), 235–264. Available from: doi:10.24290/1029-3736-2024-30-4-234-263. (In Russian)

Grebenyuk, A.A. (2022) Social technology "soft power": Concept, measurement practice and effectiveness assessment. Moscow; Saint Petersburg, Nestor-Istoriya. (In Russian)

Jowett, G. & O'Donnell, V. (2021) Propaganda and persuasion. Kharkov, Gumanitarnyi Tsentr. (In Russian)

Osipov, G.V. (2020) Social sciences and education in the context of the formation of an electronic-digital civilization. In: Sadovnichy, V.A. (ed.) *Social sciences and education in the context of the formation of an electronic-digital civilization: Scientific and practical conference*. Moscow; Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 12–17. (In Russian)

Patrakhina, T.N. & Shlamova, D.A. (2015) Propaganda: Essence of scientific definition, approaches to classification. *Young Scientist*. (4), 305–307. (In Russian)

Prozorov, B.L. (1986) Ideological sabotage against Soviet youth: Calculations and miscalculations of bourgeois Sovietologists. Leningrad, Lenizdat. (In Russian)

Rustamov, R.R. & Turaeva, S.Kh. (2020) Types of propaganda, its goals and objectives. *Science Bulletin*. 5 (11), 58–62. (In Russian)

Yelishev, S.O. (2017) On the essence of "modern revolutions" and coups d'état. Moscow, Kanon+; ROOI "Reabilitatsiya". (In Russian)

Информация об авторе

Е.В. Дорцева – старший преподаватель социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Конфликт интересов:
автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

E.V. Dortseva – Senior Lecturer at the Department of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Conflicts of interests:
The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 07.01.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 04.02.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 25.02.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья
УДК 316.354
https://doi.org/10.24158/spp.2025.2.5

История взаимодействия музеев и государства

Арина Сурамовна Бигвава[1,2]
[1]Научно-исследовательский зоологический музей Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, Arinaxz@yandex.ru
[2]Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Аннотация. В статье исследуются истоки и эволюция музеев как социальных институтов, их функции в обществе и взаимодействие с государством начиная с древности и заканчивая современностью. Автор подчеркивает, что потребность в сохранении важной информации возникла у человечества задолго до появления языков и письменности, а первые артефакты, представляющие собой осмысленные знаки общения, датируются IX тыс. до н. э. В работе акцентируется внимание на том, что в разные исторические периоды государства действовали в основном как хранители артефактов истории, не проявляя активного интереса к их осмыслению и распространению информации о них. Однако с течением времени и развитием науки как рода деятельности задача музеев начала трансформироваться – из простого накопления информации в организацию базы знаний. С переходом к постиндустриальному обществу музеям отводилась функция не только хранения и демонстрации, но и активного производства знания. Подчеркивается, что современный музей должен действовать как база знаний. Это, в свою очередь, требует активного взаимодействия с государством и обществом для полноценного выполнения обозначенной функции.

Ключевые слова: музей, социология, социальный институт, общество, услуга, музейное дело, функции музея, государство, Российская Федерация, музейная деятельность, государственная поддержка
Финансирование: инициативная работа.
Для цитирования: Бигвава А.С. История взаимодействия музеев и государства // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 2. С. 60–69. https://doi.org/10.24158/spp.2025.2.5.

Original article

History of Interaction between Museums and the State

Arina S. Bigvava[1,2]
[1]Scientific Research Zoological Museum of the Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, Arinaxz@yandex.ru
[2]RUDN University, Moscow, Russia

Abstract. The article explores the origins and evolution of museums as social institutions, their functions in society and interaction with the state, starting from antiquity and ending with modernity. The author emphasizes that the need to preserve important information arose among mankind long before the appearance of languages and writing, and the first artifacts representing meaningful signs of communication date back to the IX millennium B.C. The article focuses on the fact that in different historical periods, states acted mainly as keepers of historical artifacts, without showing active interest in their understanding and dissemination of information about them. However, over time and the development of science as an activity, the function of museums began to transform from a simple accumulation of information into knowledge bases. With the transition to post-industrial societies, museums are increasingly given the role of not only storing and demonstrating, but also actively producing knowledge. The article emphasizes that a modern museum should act as a “knowledge base”, which, in turn, requires active interaction with the state and society in order to fully perform these functions.

Keywords: museum, sociology, social institution, society, service, museum business, museum functions, state, Russian Federation, museum activities, state support
Funding: Independent work.
For citation: Bigvava, A.S. (2025) History of Interaction between Museums and the State. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics.* (2), 60–69. Available from: doi:10.24158/spp.2025.2.5 (In Russian).

Желание сохранить важную информацию, по мнению многих исследователей истории человечества, возникло задолго до освоения прачеловеком языков, письменности и образования государств. Археологические исследования артефактов человеческого развития относят первые информативные осмысленные рукотворные знаки человека к IX тыс. до н. э. К V–III тыс. до н. э. относятся найденные свидетельства первых, сначала неудачных, попыток создания людьми образцов письменности, законченных смысловых текстов, а в конце периода – удачных практик.

© Бигвава А.С., 2025

Примерно к концу этого же исторического этапа, по мнению ученых, процесс усложнения социальной структуры привел к возникновению государственной формы организации общества, появились базовые социальные функции государства. Изучению первичных государственных форм организации общества посвящены работы зарубежных ученых: Э. Сервиса, Х. Классена и П. Скальника, а также отечественных специалистов: Н.Н. Крадина, Т.В. Кашаниной, А.М. Хазанова (Абдуллаев, 2021: 9). Интересно, что одной из значимых функций первых государств (в Египте, Месопотамии, Вавилоне, Индии, Китае) при всех различиях иерархий и структур была функция накопления в форме специальных собраний и коллекций материальных и нематериальных благ (в том числе информации), жизненно важных для сообществ.

В работах разных экспертов подчеркивалось, что за многовековой период развития человечество инициативно и под воздействием государственной политики невмешательства продолжало идти по пути формирования и накопления библиотек текстов и собраний артефактов. При этом государства не ставили своей целью анализ, осмысление и публичное распространение информации, содержащейся в накопленных библиотеках и собраниях материальных ценностей. Однако сама деятельность государств и поощряемых ими энтузиастов (служителей религий, ученых и др.) по накоплению информативных объектов не ослабевала и не прекращалась.

Первые собрания и коллекции не содержали многих признаков социальных институтов, сформулированных наукой гораздо позже (впервые это понятие использовал Г. Спенсер в работе «Принципы социологии» (Spencer, 2003)). Опираясь на развитую понятийную базу современной науки и подразумевая под социальным институтом «устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих различные сферы человеческой деятельности и организующих их в систему ролей и статусов, образующих социальную систему»[1], можно отметить, что именно устойчивый комплекс правил, принципов, норм для этой сферы человеческой деятельности формировался много последующих столетий.

Государства в лице правителей и элит, способствуя или прямо поддерживая такие собрания и коллекции, отражали объективную потребность в сохранении достижений человечества в различных сферах и отраслях, что решающим образом влияло на развитие этой формы деятельности и ее институализацию (Кулиева, 2016; Петрунина, 2020).

Концепции социального института, созданные Г. Спенсером, Э. Дюркгеймом, М. Вебером на рубеже XX в., стали основой теории этого явления. Значимый вклад в современное понимание философских, социальных, психологических, правовых и экономических аспектов феномена «социальный институт» внесли как западные ученые (П. Бергер, Т. Лукман, А. Смелзер, Р. Мертон, П. Бурдье, Т. Парсонс, Э. Хьюз, Э.К. Асп и др.), так и представители российской школы (В.И. Добреньков, А.И. Кравченко, А.А. Радугин, Т.И. Заславская, Н.К. Иконникова, С.С. Фролов, А.М. Яковлев, С.Г. Кирдина-Чэндлер и др.). Становление музея как социального института многоаспектно представлено в работах А.М. Разгона, Д. Равиковича, Л. Шляхтиной, Е.М. Акулича, А.В. Коротковой, Е. Артемова, Е. Ванслова, Э. Шулеповой, Дж. Коттон Даны, С. Пшеничной, Д. Камерона, Д. Портера и др.

Т. Веблен, основоположник теории институционализма (2017), а позднее М.С. Восленский, А.А. Богданов, Н.Д. Кондратьев, П. Блау, Ч.Р. Миллс, Р. Дарендорф, В.В. Колбановский, В.М. Быченков, В.М. Сергеев, Н.И. Бирюков, Т.И. Заславская, Р.И. Капелюшников с иных теоретических позиций представили в науке трансформацию социальных институтов на основе выполнения ими интегрирующей функции и описали в рамках структурно-функционального подхода сущностные составляющие понятия «социальный институт»: «институты-установления» и «социальный институт как организация, учреждение». Эти исследования при анализе института музея представляются крайне важными, поскольку в современности продолжается полемика о его месте в трансформациях постиндустриального общества, в том числе о статусе услуги в музейном деле, коммерционализации его функций, роли и степени вовлеченности государства в развитие института музея.

К наиболее важным функциям института музея практически все исследователи относят накопление информации о прошлом опыте человечества для целей просвещения и образования в настоящем, формирования баз данных, необходимых для дальнейшего развития. При этом государства играли решающую роль.

Государство в лице своих лидеров как наиболее богатый собственник и управляющее звено, нуждающееся в средствах и нематериальных инструментах подтверждения власти (например, текстовая информация о природных явлениях и ритуалах и т. п.) для завоеваний и управления подданными, было главным организатором и владельцем хранилищ ценностей, собраний книг и других артефактов прошлого. Регулятивная функция государства в формировании

[1] Седов Л.А. Институт социальный // Современная западная социология : словарь / сост. Ю.Н. Давыдов и др. М., 1990. С. 117–119.

института музея до конца XVII – начала XVIII в. заключалась в охранении и сбережении баз данных (текстовых и материальных). Например, Британский музей был создан парламентом страны в 1753 г. и только в 1970 г. из него была выделена Британская библиотека (Кручинина, 2001).

Существенный вклад в изучение истории взаимоотношения музеев и государства внесли такие ученые, как С.А. Каспаринская, Н.И. Руденко, Е.Н. Рафиенко, Е.Н. Вакулина, Г.К. Ольшевская, Ю.Н. Жуков, Е.В. Кончин, А.Б. Закс, А.З. Крейн, Г.И. Вздорнов, Е.И. Кириченко, Г.Ю. Стернин, В.Ю. Левинсон-Лессинг, А.А. Формозов, Н.В. Романовская. Большинство исследователей сходятся во мнении, что в историческом развитии музейная деятельность прошла три основополагающих этапа. Вторая половина I тыс. до н. э. – середина XVIII в. – этап институализации, музеи распространялись по всей европейской территории и оформлялись как специфический социально-культурный институт. Конец XVIII – XIX в. – период структурирования, в ходе которого музеи обозначили сферы своей деятельности. Рубеж XIX–XX вв. – конец XX в. – этап интегрирования в экономическую и социальную структуры индустриального и постиндустриального общества, который еще не закончен.

Рассмотрение проблемы периодизации развития феномена «музей» не является целью настоящей статьи. Имея в виду, что в этой сфере сторонниками формационной концепции Г.Л. Малицким, А.М. Разгоном, современными авторами В.П. Грицкевичем, А.А. Сундиевой, Н.А. Томиловым, Н.М. Дмитриенко, С.Е. Григорьевой, Т.Ю. Юреневой, Н. Саймоном обозначены варианты количества этапов и факторов развития музея, предложенное обобщение их позиций представляется достаточным для целей статьи (Девейкис, 2020).

С развитием науки как особого рода деятельности человека и жизненных практик элит содержательный характер библиотек и материальных собраний менял признаки базы данных на специфику базы знаний, утверждался основой важного государственного инструмента – просвещения и образования населения. Базы знаний, возникавшие в ходе естественной деятельности ученых (при систематизации, анализе более ранних информационных баз, коллекций, библиотек), естественным образом по мере накопления и осмысления новых фактов и артефактов становились, в свою очередь, базами данных для новых поколений исследователей, основой для новых баз. Можно предположить, что целенаправленность в собирательской деятельности ради создания именно баз знаний, а не просто коллекций, сформировалась в подходах ряда наиболее развитых государств в XVI–XVII вв., с началом научно-технического прогресса и эпохи модерна.

В России процесс институализации музея, в том числе путем целенаправленного формирования государством, во-первых, публичных музеев, во-вторых, баз знаний, исследователи связывают с государственно-реформаторской деятельностью Петра I, который заложил образовательно-просветительскую и публичную функции в первое государственное хранилище диковинных артефактов и ценностей – Кунсткамеру. Указом Петра I она была открыта для публичного посещения, при этом посетителей привлекали различными бонусами в виде бесплатного угощения – рюмки водки и др.

С этих государственных решений в российской истории (с наделением музеев публичной функцией, функцией удовлетворения общественной потребности в информации и образовании) музейное дело как род деятельности по накоплению и охранению материальных и нематериальных благ прошлого, их демонстрации в узкой элитной среде начало системно приобретать родовые функции социального института. Для целей настоящего анализа важно еще раз отметить, что одними из первых функций, заданных новому социальному институту государством, были функции просвещения и образования, основанные на свойствах музея – не просто собирать и охранять коллекции материального и нематериального наследия, но и систематизировать, изучать и анализировать их как базы нового знания.

Следующий этап в государственном развитии баз знаний в России исследователи обоснованно связывают с правлением Александра I. Впервые в истории Российского государства в 1802 г. император, «следуя великому духу Преобразителя России Петра Первого», реформировал правительство, образовав министерства и департаменты, в том числе выделив особо Министерство народного просвещения, воспитания юношества и науки, подчинив ему, кроме прочего, издательство публичных вестников, библиотеки, «музеи и всякие учреждения, какие впредь для распространения наук заведены быть могут»[1].

Следующим шагом императора Александра I в этом направлении стало государственное установление статусов университетов (в том числе тематических, предметных музеев при них) посредством уставов, утверждаемых царским указом[2]. Практика государственного утверждения

[1] Манифест императора Александра I об учреждении министерств от 8 сент. 1802 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. СПб., 1830. Т. 27. № 20406. С. 243–248.

[2] Высочайше утвержденный устав Императорского Московского университета // Там же. Т. 28. № 21498. С. 570–589.

уставных норм деятельности крупнейших университетов, правил функционирования и регламентов их государственной поддержки сохранилась до наших дней. Уставами и регламентами государство определяло в том числе порядок формирования, функционирования и государственной поддержки библиотек и музеев при университетах, придавая им тем самым важную функцию сохранения и развития базы знаний (Караченцев, 2021).

Во второй половине XVIII в. и на протяжении XIX в. в большинстве передовых европейских государств активно шли процессы индустриализации и связанные с ними научно-технический прогресс, фрагментация науки на отраслевые направления, формирование новых научных дисциплин. Вместе с этим начали складываться отраслевые музейные коллекции как основа базы знаний эпохи индустриализации, промышленной революции и научно-технического прогресса во всех областях жизнедеятельности. Кроме того, «формируясь первоначально как дворцовые коллекции, музеи XIX в. постепенно приобретают статус социального института – экспозиций, открытых для публики» (Козьякова, 2020).

В России до 1917 г. законодательной базы об охране памятников истории и культуры не было, за исключением особо оговоренных случаев, чаще всего связанных с сохранением контроля государства над памятниками архитектуры, археологическими украшениями и ценностями, предметами изобразительного искусства. Отсутствовало и центральное учреждение, которое занималось бы сохранением культурного наследия (Виноградова, Околотин, 2022: 288). В Российской империи в феврале 1917 г. государство в лице Временного правительства одним из первых указов приняло под охрану памятники культуры и музейные коллекции – все, без различия их прежней принадлежности владения. Одними из первых декретов советской власти также были акты о сохранении исторического, культурного и научного наследия.

Многие исследователи музейного дела в России отмечают, что отношение общества и государства к роли и функции музеев периода СССР строго коррелировало с государственным строительством и вместе с ним проходило путь стихийности исканий, непоследовательности и конфликтов смыслов. С одной стороны, впервые была создана государственная система управления музейным делом и охраной памятников в России, которая включала центральный орган в Наркомпросе РСФСР (Музейный отдел Главнауки) и объединенные под его началом организации в губерниях и областях, а также Центральное бюро краеведения с группой музеев местного значения. С другой стороны, продолжали существовать и развиваться независимые от Наркомпроса ведомственные музеи, дополнявшие музейную сеть собраниями отраслевой тематики: сельскохозяйственные, технические, природоведческие и др.[1]

Наряду со значительно возросшей степенью участия государства в организации музейного дела, музеям вменяли и новые функции – идеологическую, воспитательную и пропагандистскую. Так, в 1919 г. была организована Всероссийская музейная конференция, решения которой утверждали миссию музеев как «развитие науки и коммунистического воспитания народа»[2]. Программа, принятая на конференции, ставила своей целью создать единую сеть музеев, подчиненную государству и контролируемую со стороны общественности (Сундиева, 2019). Еще дальше пошел I Всероссийский музейный съезд, созванный в декабре 1930 г. в Москве по инициативе Наркомата просвещения РСФСР, который поставил задачи включения музеев в русло социалистического строительства (Музейное дело…, 2003: 82).

В революционный период начала XX в. государство впервые без разделения принадлежности владения музеями все ценности объявило своими. Таким образом, естественная социальная функция музея (образовательная и просветительская) получила государственную поддержку вне зависимости от формы собственности.

В рамках советского исторического этапа (с 20-х гг. XX в.) музей завершал формирование важнейшего набора родовых признаков социального института, главным из которых для настоящего исследования является установление в государственных законах как статуса музея и соответствующих правил его работы, так и институтов государственной власти, ответственных за его функционирование и развитие, т. е. фактическое завершение встраивания в систему социального и государственного управления обществом.

Патронаж государства перешел на новый уровень. Развитие института музея с этого периода пошло по пути теоретического осмысления его роли в системе социальных институтов и практической адаптации функций, целей и задач, выполняемых музеем, к потребностям общества. Сочетание музейного и образовательного функционала привело к созданию специального музейного пространства, экспозиция которого подчинена решению образовательных и воспитательных задач.

[1] Становление музейного дела 1917–1920-х гг. РСФСР [Электронный ресурс] // MuseumPass: Музейное дело. Музеи России и мира. URL: http://www.museumpass.ru/delo/249849.html (дата обращения: 05.02.2025).
[2] Там же.

Ряд исследователей отмечают, что существенную роль в наделении музеев функцией базы знания сыграли государственный патронаж музеев и кабинетов при университетах, а также Академия наук (в конце XIX в. и до 1917 г. – АН Российской империи, а после – АН СССР), которой власть 1930-е гг. подчинила все академические музеи[1]. Университетские и академические музеи внедрили практику создания каталогов, регулярного комплектования музеев за счет экспедиций различных научных обществ, новых подходов к экспонированию музейных собраний на основе тематических экспозиций – естественно-научных, технических, геологических и т. п. «В археологических музеях деление экспозиционных материалов шло по разделам: каменный, бронзовый и железный век. В этнографических – по географическому принципу. Систематический метод стал использоваться и в художественных музеях – “академический ряд”, основанный на делении художественных произведений по хронологии, школам и авторам. В музеях декоративно-прикладного искусства – по отраслям материальной культуры»[2]. Д.Ю. Игнатьев отмечает, что «между университетом и музеем несомненна онтологическая взаимосвязь. Они основаны на принципах универсальности и энциклопедизма. Конечной целью и университетской, и музейной работы можно считать формирование образа мира» (2011: 162).

Бурное развитие промышленности и технологий в первой половине XX в., в котором активно участвовал и СССР, Вторая мировая война (правильнее – подготовка к ней и ее промышленное и технологическое обслуживание) неизбежно сказались и на институте музея в части формирования именно специальных музеев и коллекций достижений индустриальной экономики.

За индустриальной эпохой, или эпохой модерна (XVIII – первая половина XX в.), наступил период постиндустриального общества – постмодерна. В фундаментальной работе 1973 г. выдающегося американского социолога, основателя концепции постиндустриального общества Д. Белла «Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования» сделан неоспариваемый сегодня вывод о формировании научного знания как самостоятельного элемента производственных сил (1999).

В большинстве развитых стран музейная культура активно развивалась сообразно потребностям и запросам общества на новое знание о технике и технологиях, естественно-научные исследования и лучшие образцы практики. В целях удовлетворения этих запросов музейная деятельность была направлена на повышение эффективности производства и экономики индустриального общества.

Эпоха модерна обусловила вовлеченность различных социальных групп в новые производственные, финансовые, технологические области деятельности, а также сферы нового искусства, развлечений и социального обслуживания. К 40–60-м гг. XX в. кардинально изменилась и социальная структура общества, в первую очередь экономически развитых государств. В музейном деле такие социальные трансформации нашли отражение в глобализации интереса к организации музейной культуры как инструмента постиндустриальных преобразований и новой базы общественного развития. С середины 1960-х гг. в музееведении оформилось научное направление, интерпретирующее музей как социальный институт, выполняющий в обществе определенные функции.

Уже в 1946 г. был создан Международный совет музеев (International Council of Museums (ICOM – ИКОМ)). Почти сразу эта международная неправительственная организация получила статус при ЮНЕСКО (ООН). ИКОМ сегодня насчитывает более 45 000 членов в 141 стране мира[3].

Международный совет музеев в 2022 г. на внеочередной Генеральной ассамблее принял современное определение музея: «Музей – это некоммерческая, постоянно действующая организация на службе обществу, которая исследует, собирает, сохраняет, интерпретирует и демонстрирует материальное и нематериальное наследие. Открытые для публики, доступные и инклюзивные, музеи способствуют разнообразию и устойчивости. Они работают и общаются этично, профессионально и с участием сообществ, предлагая разнообразный опыт для обучения, развлечения, побуждая к размышлениям и обмену знаниями»[4]. Ранее, в 2015 г., ЮНЕСКО приняла «Рекомендацию об охране и популяризации музеев и коллекций, их разнообразия и их роли в

[1] Бурлыкина М.И. История музеев высших учебных заведений дореволюционной России, 1724–1917 гг. : дис. ... д-ра культурологических наук. СПб., 2001. 449 с.

[2] История материальной культуры. Ч. I : учеб. пособ. для студентов / авт.-сост. А.В. Лушникова. Челябинск, 2015. С. 55.

[3] Что такое ИКОМ? [Электронный ресурс] // ИКОМ. URL: https://icom-russia.com/about-icom (дата обращения: 05.02.2025).

[4] Сеймур Т. Определение 50-летней давности было пересмотрено на конференции Международного совета музеев (ИКОМ) в Праге. Оно впервые включает такие термины, как «инклюзивность», «доступность», «устойчивость» и «этика» [Электронный ресурс] // The Art Newspaper Russia. 2022. 26 августа. URL: https://www.theartnewspaper.ru/posts/20220826-jord/ (дата обращения: 05.02.2025).

обществе»[1]. На межгосударственном уровне, например в Евросоюзе, регулирование музейной деятельности, в первую очередь в просвещении и образовании, осуществляется директивами ЕС, которые должны применяться в национальных законодательствах стран-участниц.

В современной России дефиниция понятия «музей» установлена Федеральным законом «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (далее – Закон о музеях): «музей – некоммерческое учреждение культуры, созданное собственником для хранения, изучения и публичного представления музейных предметов и музейных коллекций, включенных в состав Музейного фонда Российской Федерации, а также для достижения иных целей, определенных настоящим Федеральным законом»[2]. Модель взаимодействия государства и музея развивается в соответствии с нормой закона.

В современном мире основополагающими признаются две модели государственного регулирования музейной деятельности – французская и американская. Принципиальные различия содержатся в степени вмешательства государства в функционирование музея (Быстрова, 2016). Во французском варианте государство законами прямого действия вводит реестр объектов культурного наследия, реестр социально значимых музеев, порядок их бюджетного финансирования, правило обязательного согласования сделок с музейными объектами, налоговые льготы для частных владельцев музейных ценностей за передачу их публичным музеям и др. В американской модели государство преимущественно поощряет налоговыми льготами частных и корпоративных спонсоров музеев, переадресовывая регулятивные функции НПО «Американская ассоциация музеев» (ААМ), основанной в 1906 г. Ассоциация на сегодня устанавливает стандарты деятельности 3 100 музеев США, 11 500 их разнопрофильных сотрудников.

В Российской империи, СССР, Российской Федерации преимущество отдавалось и отдается французской модели. Уполномоченным органом, осуществляющим государственный надзор и регулятивные функции в отношении музеев всех организационно-правовых форм, сегодня выступает Министерство культуры РФ. Правовой основой музейной деятельности являются Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.»[3], законы прямого действия[4] и ряд других нормативных правовых актов (например, законов разных субъектов РФ[5]).

Динамичные изменения экономических моделей и социальной структуры общества в последние десятилетия породили дискуссионно-критическое отношение к традиционным моделям института музея. Палитра эпистемологических и методологических подходов к анализу музейных функций, их необходимых трансформаций на современном этапе и попыток типологизации и систематизации музеев представлена в работах П. ван Менша (2018), Д. Сола, А.А. Кильдюшевой, Т.М. Пчелянской и др. Практически все авторы исследований актуальной роли музея опираются на структурно-функциональный анализ этого института и отмечают опасную тенденцию его подмены институтами досугово-развлекательной сферы, в том числе организациями исполнительских искусств, парамузеями (вернисажами, выставками, публично-рекреационными пространствами).

В связи с этим примечательны дискуссии о самой дефиниции понятия «музей», которые наблюдаются в культуро-, музео-, социологическом научных сообществах. Например, представители Международного комитета по музеологии Международного совета музеев опираются на важную функцию музея – производство нового знания (Менш, 2014: 290).

Основываясь на ранее упомянутых теориях развития социальных институтов, музеи следует трактовать как «институт-установление». Как в работах большинства исследователей феномена «социальный институт» вообще и музееведения в частности, так и в профильных законах государ-

[1] Рекомендация об охране и популяризации музеев и коллекций, их разнообразия и их роли в обществе [Электронный ресурс] : принята Генеральной конференцией на ее 38-й сессии 17 нояб. 2015 г. // Цифровая библиотека ЮНЕСКО. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000246331 (дата обращения: 05.02.2025).

[2] О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ : в ред. от 12 дек. 2023 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102041535#l0 (дата обращения: 05.02.2025).

[3] О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 г. [Электронный ресурс] : Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 // Официальный сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027 (дата обращения: 05.02.2025).

[4] О вывозе и ввозе культурных ценностей [Электронный ресурс] : Закон РФ от 15 апр. 1993 г. № 4804-1 : последняя редакция. Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ [Электронный ресурс] : Федер. закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ : последняя редакция. Там же.

[5] О музеях в Московской области [Электронный ресурс] : Закон Московской области от 13 июля 2007 г. № 113/2007-ОЗ : с изм. на 1 нояб. 2024 г. Доступ из электронного фонда правовых и нормативно-технических документов «Кодекс»; О музеях и музейном деле в Республике Татарстан [Электронный ресурс] : Закон Республики Татарстан от 14 окт. 2010 г. № 69-ЗРТ : с изм. на 1 марта 2024 г. // Там же.

ства, практике взаимодействия с музеем институтов образования, науки, культуры, даже семьи заложено то, что музей-учреждение – это лишь элемент в системе «социальный институт музея».

В характеристику внутреннего устройства социального института, регулирующего конкретную область общественной жизни, академик Ф.С. Файзуллин, соглашаясь с академиком Т.И. Заславской[1], включает «четыре основных элемента: формальные законодательные нормы, неформальные социокультурные нормы, формальные организации, контролирующие соблюдение норм, и общественные организации, выполняющие эти же функции» (Файзуллин, Файзуллин, 2012: 30).

Вместе с тем отметим, что теоретические изыскания, проводимые с середины XX в. до настоящего времени в областях институциональной социологии (Т. Парсонс, Р. Мертон, Ф. Тённис, Д. Норт, Т.И. Заславская, С.Г. Кирдина и др.), социологии организаций (А.И. Пригожин, В.В. Щербина), социологии управления (Н.Л. Захаров, Е.М. Бабосов, В.В. Щербина, Ж.Т. Тощенко и др.), теории структурации Э. Гидденса (Т.И. Заславская, М.А. Шабанова, Н.Л. Захаров и др.), не нашли должного отражения в практической музеологии и, соответственно, не учитываются в таких социальных практиках, как административно-правовые и социокультурные нормы деятельности института музея и общественный контроль за их соблюдением.

Многие современные исследователи роли музея идут по пути упрощенного понимания задач этого института для целей развития, пытаясь представить его структуру и содержание лишь как организацию или совокупность формальных организаций, встроенных в институт бизнеса и культурную индустрию. Однако «к социологии такое определение института практически не имеет отношения»[2]. В одном из вариантов концепции развития музейной деятельности в Российской Федерации, разработанной Минкультом, верно замечено: «Музеи являются некоммерческими организациями и могут осуществлять предпринимательскую деятельность лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых они созданы, и соответствующую этим целям»[3]. Из этого следует, что выполнение музеем функций «субъекта рынка услуг» возможно только в той части, которая не противоречит выполнению музеем своих родовых функций.

Еще раз отметим, что главная функция, которая вытекает из родовых функций музея, это база знания, основанная на накоплении, хранении и исследовании артефактов древности или по крайней мере предыдущего этапа развития. Таким образом, упрощенно функция музея состоит в том, чтобы добывать новые знания из анализа ранее достигнутого. Данная функция принципиально некоммерческая, затратная, поскольку часто новые знания должны пройти долгий путь внедрения в умы практических пользователей этих знаний, технологического наполнения. Только после этого они смогут проявить коммерческую полезность.

Современные философы, социологи, культурологи, правоведы и даже экономисты отмечают (Воронцова, 2014; Музычук, Хаунина, 2015; Рубинштейн, 2020; Троцук, 2020), что при оценке обществом и государством деятельности некоторых социальных институтов «для измерения совокупного результата их деятельности следует добавить нерыночную составляющую дохода, обусловленную расходами государства, адекватными денежному выражению социальной полезности… благ» (Рубинштейн, 2020: 440).

Конечно, государство в современную эпоху экономики знания крайне заинтересовано в мощных социальных институтах получения знаний, в том числе в музее. Данное обстоятельство закреплено в правовых актах практически всех развитых государств, в том числе в основном законе Российской Федерации, регулирующем деятельность музейного дела[4]. Например, Закон РФ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» устанавливает, что целями создания музея являются «*осуществление просветительной, научно-исследовательской и образовательной деятельности* <курсив наш. – *А. Б.*>; хранение музейных предметов и музейных коллекций; выявление и собирание музейных предметов и музейных коллекций; изучение музейных предметов и музейных коллекций; публикация музейных предметов и музейных коллекций. <…> Создание музеев в Российской Федерации *для иных целей не допускается*»[5]. В этом же документе императивно установлено, что «музеи в Российской Федерации создаются в форме *учреждений* для осуществления культурных, образовательных и научных функций некоммерческого характера».

---

[1] Заславская Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации : учеб. пособ. М., 2004. С. 113–114.

[2] Там же. С. 112.

[3] Бусыгин А.Е. Концепция развития музейной деятельности в Российской Федерации на период до 2020 г. [Электронный ресурс] : проект // Официальный сайт Управления культуры, спорта и молодежной политики Пластовского муниципального района. URL: https://clck.ru/3GJEnd (дата обращения: 05.02.2025).

[4] О Музейном фонде РФ …

[5] Там же.

В зарубежной практике в состав музеев включаются и коммерческие организации, и ИП, и НКО других организационно-правовых форм. В разных странах к музеям функционально на законодательном уровне причисляют выставки, планетарии, научно-технические центры, центры искусств, галереи и иные институциональные формы визуализации интересных для публики фактов и артефактов. Однако для российской правовой системы такая практика – это коллизия, приводящая к дисфункциям как самого института музея, так и связанных с ним институтов образования, просвещения, науки и культурно-досуговой деятельности.

Информационное пространство переполнено научными и публицистическими работами о новых «социально значимых» и «общественно полезных» функциях института музея в эпоху консьюмеризма. Интернет предлагает советы о том, как создать частный музей в коммерческой форме, используя название «музей» для целей маркетинга[1].

К сожалению, следует признать, что и государство (в данном случае Российская Федерация) в лице уполномоченного органа Правительства – Министерства культуры РФ – недостаточно помогает обществу и государству осмыслить и структурировать ролевые функции института музея и близких ему институтов развлекательно-досуговых форм. Например, не налажен статистический учет количества и видов музеев в РФ. По данным Минкульта РФ, музеев в России около 5 679[2], по информации Правительства РФ на конец 2023 г. их насчитывалось 3 177[3], а ведь документ Правительства, безусловно, готовился с участием правительственного органа – Минкульта. Еще менее организована работа с негосударственными и частными музеями, учет которых, их ресурсное обеспечение, контроль за исполнением музейных функций, определенных нормативной базой, вообще не налажены. По мнению Т.И. Заславской, «каркас каждого социального института составляют формально-правовые нормы, зафиксированные в законах, подзаконных актах и других правовых документах»[4].

Возможно, более логически выстроенной государственная политика в области музейного дела была бы при активном вовлечении в управление музеями общественных организаций. Наиболее крупными партнерами государства в данной сфере выступают Союз музеев России, который представлен как «единственная в Российской Федерации организация, объединяющая музеи страны как общественные институты»[5], но при этом объединяет лишь около 400 музеев (напомним – из 5 000) преимущественно художественно-изобразительной, краеведческой и исторической направленности коллекций. Проявляет общественную активность Ассоциация частных и народных музеев России, объединяющая около 700 организаций, назвавших себя музеями[6], но в большинстве случаев учрежденных с нарушением требований Закона о музеях[7], как минимум в части организационно-правовой формы.

Примечательно, что государство в разработанной нормативной базе установило как критерии признания институционального образования государственным или негосударственным музеем, так и правила признания музея «негосударственным музеем федерального значения»[8]. При этом обязательными условиями получения такого статуса в совокупности с другими должны быть «осуществление научно-исследовательской работы по тематике негосударственного музея (не менее 2 научных публикаций по тематике негосударственного музея); проведение не менее 30 просветительских мероприятий (лекции, мастер-классы, семинары, публичные дискуссии) по тематике негосударственного музея в календарном году». Тем самым государство нормативно закрепляет требования к институту музея о формировании нового знания и его популяризации.

При слабой активности организаторов музеев-учреждений, музейных общественных объединений в части разработки мер финансовой поддержки вопрос финансирования именно музейных функций остается нерешенным. Именно поэтому неизбежны попытки нагрузить институт музея дополнительными коммерчески выгодными функциями. Например, Законом о музеях предусмотрена

[1] Как устроен рынок частных музеев в России [Электронный ресурс] // Дело Модульбанка. 2021. 12 нояб. URL: https://delo.modulbank.ru/all/market-private-Russian-museums (дата обращения: 05.02.2025).

[2] Музеи России [Электронный ресурс] // Культура.РФ. URL: https://www.culture.ru/museums/institutes/location-russia?sort=-views (дата обращения: 05.02.2025).

[3] О Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г. [Электронный ресурс] : Распоряжение Правительства РФ от 11 сент. 2024 г. № 2501-р. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

[4] Заславская Т.И. Указ. соч. С. 116.

[5] Союз музеев России [Электронный ресурс]. URL: https://www.souzmuseum.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=20559&Itemid=276 (дата обращения: 05.02.2025).

[6] Ассоциация частных и народных музеев России [Электронный ресурс]. URL: https://www.частныемузеи.рф/katalog/ (дата обращения: 05.02.2025).

[7] О Музейном фонде РФ …

[8] Об утверждении Правил предоставления негосударственному музею статуса негосударственного музея федерального значения [Электронный ресурс] : Постановление Правительства РФ от 6 апр. 2019 г. № 410. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

государственная поддержка лишь в «государственной части Музейного фонда Российской Федерации и государственных музеев в Российской Федерации»[1]. Многие государственные программы обеспечивают поддержку музеев, но только в аспекте развития их инфраструктуры и участия в развлекательно-досуговой деятельности населения (на городских праздниках и т. п.).

В то же время названные крупнейшие общественные музейные ассоциации разработали важные системные документы, например Стратегию развития деятельности музеев до 2030 г., которая также не содержит мер небюджетной поддержки собственно музейной работы[2].

В связи с изложенным считаем правильным, чтобы в государственных и региональных программах развития была предусмотрена прямая поддержка развития инфраструктуры музейного дела, а общественные организации, курируемые государственными органами, отвечали бы за непосредственную музейную работу, качество создаваемого образовательного продукта, формирование системы привлечения спонсоров для софинансирования деятельности музея, поскольку в современной России доля внебюджетных вложений в музеи страны не превышает 1,5 %[3]. Некоторый опыт в рамках такой схемы может быть подчерпнут из описанной американской модели развития музейного дела.

Список источников:

Абдуллаев М.Н. К проблеме теоретических представлений о феноменах протогосударство, государство и государственность // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2021. Т. 37, № 1. С. 9–13. https://doi.org/10.21779/2224-0241-2021-37-1-9-13.

Кулиева М.М. Музей как особый социально-культурный институт // Концепт. 2016. Т. 2. С. 481–485.

Петрунина Л.Я. От традиционного музея к социальному институту // Вопросы музеологии. 2020. Т. 11, № 1. С. 133–140. https://doi.org/10.21638/11701/spbu27.2020.113

Веблен Т. Теория праздного класса / пер. с англ., вступ. ст. и прим. С.Г. Сорокиной : 5-е изд. М., 2017. 365 с.

Кручинина Н.А. Британская библиотека: история формирования и обзор основных фондов // Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. Вып. 1. Екатеринбург, 2001. С. 85–100.

Девейкис М.В. Периодизация истории музейного дела (на примере петербургских музеев) // Genesis: исторические исследования. 2020. № 8. С. 66–75. https://doi.org/10.25136/2409-868X.2020.8.33602.

Козьякова М.И. Музей в истории культуры: постмодернистский дискурс // Культура культуры. 2020. № 3. С. 6.

Виноградова Ю.А., Околотин В.С. Роль отдела народного образования в создании государственной системы музейных учреждений во Владимирской губернии (1918–1922 гг.) // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI вв. : материалы XXI Междунар. науч. конф. Иваново, 2022. С. 287–292.

Музейное дело России / од ред. М.Е. Каулен, И.М. Коссовой, А.А. Сундиевой. М., 2003. 614 с.

Игнатьев Д.Ю. Университет и музей: эстетические аспекты // Общество. Среда. Развитие. 2011. № 2 (19). С. 161–164.

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999. 783 с.

Быстрова О.А. Административно-правовое регулирование музейной деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 4. С. 62–68. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2016.65.4.062-068.

Менш, П. ван. К методологии музеологии / пер. с англ. В.Г. Ананьева. М., 2018. 447 с.

Менш, П. ван. Музейная дефиниция // Вопросы музеологии. № 1 (9). С. 282–291.

Файзуллин Ф.С., Файзуллин Т.Ф. Институциональный подход как метод исследования региона // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2012. Т. 17, № 2. С. 28–34.

Воронцова Е.А. Музей как базовый элемент информационной инфраструктуры исторической науки // Диалог со временем. 2014. № 49. С. 163–189.

Троцук И.В. Социально-экономическое значение культуры: концептуальные и методические находки несовершенного наблюдения // Крестьяноведение. 2020. Т. 5, № 2. С. 175–194. https://doi.org/10.22394/2500-1809-2020-5-2-175-194.

Рубинштейн А.Я. «Мнимый больной» или каким должно быть финансирование опекаемых благ // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 24, № 3. С. 434–464. https://doi.org/10.17323/1813-8691-2020-24-3-434-464.

Музычук В.Ю., Хаунина Е.А. Механизмы поддержки музеев в условиях экономического кризиса (на примере крупнейших музеев Европы и России) // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 1 (25). С. 132–162.

Караченцев И.С. Университетские уставы как законодательная основа музейного дела в российских университетах // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2021. № 41. С. 234–239. https://doi.org/10.17223/22220836/41/20.

Сундиева А.А. Интерпретация значения Всероссийской музейной конференции 1919 г. в современной литературе // Музей. Памятник. Наследие. 2019. № 1 (5). С. 5–11.

Spencer H. Principles of sociology. Vols 1–3. L., 2003. 2240 p.

References:

Abdullaev, M.N. (2021) On the problem of theoretical ideas about the phenomena of proto-state, state and statehood. *Law Herald of Dagestan State University*. 37 (1), 9–13. Available from: doi:10.21779/2224-0241-2021-37-1-9-13. (In Russian)

Kulieva, M.M. (2016) Museum as a special socio-cultural institution. *Concept*. 2, 481–485. (In Russian)

Petrunina, L.Ya. (2020) Museum: From the traditional form towards the social institution. *The Issues of Museology*. 11 (1), 133–140. Available from: doi:10.21638/11701/spbu27.2020.113. (In Russian)

[1] О Музейном фонде РФ …

[2] Стратегия развития деятельности музеев в Российской Федерации на период до 2030 г. от 14 нояб. 2018 г. [Электронный ресурс] // Союз музеев России. URL: https://clck.ru/3GJF6i (дата обращения: 05.02.2025).

[3] О Стратегии государственной культурной политики …

Veblen, T. (2017) Theory of the leisure class. Moscow, URSS; Lenand. (In Russian)

Kruchinina, N.A. (2001) The British Library: History of formation and review of main collections. In: *Imagines mundi: Almanac of studies of general history of the 16th–20th centuries. Vol. 1*. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo Universiteta, 85–100. (In Russian)

Deveykis, M.V. (2020) Periodization of the history of museology (On the example of Saint Petersburg museums). *Genesis: Historical Research*. 8, 66–75. Available from: doi:10.25136/2409-868X.2020.8.33602. (In Russian)

Kozyakova, M.I. (2020) Museum in the history of culture: Postmodern discourse. *Culture of Culture*. (3), 6. (In Russian)

Vinogradova, Yu.A. & Okolotin, V.S. (2022) The role of the Department of Public Education in the creation of the state system of museum institutions in the Vladimir Province (1918–1922). In: *State, society, church in the history of Russia in the 20th–21st centuries: Proceedings of the XXI International scientific conference*. Ivanovo, Ivanovskii Gosudarstvennyi Universitet, 287–292. (In Russian)

Kaulen, M.E., Kossova, I.M. & Sundieva, A.A. (eds.) (2003) Museum affairs in Russia. Moscow, Izdatel'stvo VK. (In Russian)

Ignatiev, D.Yu. (2011) University and museum: Aesthetic aspects. *Society. Environment. Development*. (2), 161–164. (In Russian)

Bell, D. (1999) The coming post-industrial society: A venture in social forecasting. Moscow, Academia. (In Russian)

Bystrova, O.A. (2016) Administrative law regulation of museum activities. *Actual Problems of Russian Law*. (4), 62–68. Available from: doi:10.17803/1994-1471.2016.65.4.062-068. (In Russian)

Mensch, P. van. (2018) Towards a methodology of museology. Moscow, Perspektiva. (In Russian)

Mensch, P. van. (2014) Museum definition. *The Issues of Museology*. (1), 282–291. (In Russian)

Faizullin, F.S. & Faizullin, T.F. (2012) Institutional approach as a method for studying the region. *Herald of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan*. 17 (2), 28–34. (In Russian)

Vorontsova, E.A. (2014) A museum as a basic element of informational infrastructure of historical discipline. *Dialog so Vremenem*. (49), 163–189. (In Russian)

Trotsuk, I.V. (2020) The social-economic meaning of culture: Conceptual and methodological findings of an imperfect observation. *Russian Peasant Studies*. 5 (2), 175–194. Available from: doi:10.22394/2500-1809-2020-5-2-175-194. (In Russian)

Rubinstein, A.Ya. (2020) "An imaginary patient" or what should be the financing of patronized goods. *HSE Economic Journal*. 24 (3), 434–464. Available from: doi:10.17323/1813-8691-2020-24-3-434-464. (In Russian)

Muzychuk, V.Yu. & Khaunina, E.A. (2015) Support mechanisms for museums in the economic crisis (The example of major museums of Europe and Russia). *Journal of the New Economic Association*. (1), 132–162. (In Russian)

Karachentsev, I.S. (2021) University charters as a legislative basis for museum business in Russian universities (XIX – early XX centuries). *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. (41), 234–239. Available from: doi:10.17223/22220836/41/20. (In Russian)

Sundieva, A.A. (2019) The interpretation of the All-Russian Museum Conference of 1919 in the modern literature. *Museum. Monument. Heritage*. (1), 5–11. (In Russian)

Spencer, H. (2003) Principles of sociology. Vols 1–3. London, Routledge.

Информация об авторе

А.С. Бигвава – экономист Научно-исследовательского зоологического музея Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; аспирант кафедры социологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, Москва, Россия.

Конфликт интересов:
автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

A.S. Bigvava – Economist at the Scientific Research Zoological Museum, Lomonosov Moscow State University; PhD Student at the Department of Sociology, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, Moscow, Russia.

Conflicts of interests:
The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 19.12.2024;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 04.02.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 25.02.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья
УДК 159.95+316.346.32-053.6
https://doi.org/10.24158/spp.2025.2.6

Парциальные характеристики ментальных репрезентаций этнической идентичности молодых людей

Татьяна Валентиновна Эксакусто[1], Шанхи Абдрахмановна Голубева[2]
[1,2]Южный федеральный университет, Таганрог, Россия
[1]exakusto@sfedu.ru, https://orcid.org/0000-0002-6862-2063
[2]shankhigolubeva@gmail.com, https://orcid.org/0009-0007-6405-9828

Аннотация. В статье рассматриваются особенности ментальных репрезентаций этнической идентичности молодых людей с разной ее валентностью. В ходе эмпирического исследования были выявлены три группы респондентов: с позитивной, гипер- и гипоэтнической идентичностью (n = 116, Mag = 21). В результате контент-анализа авторами обнаружено, что концептуальный образ этнической идентичности имеет свою специфику у молодых людей всех трех групп. Выявлено, что респонденты с позитивной этнической идентичностью характеризуются достаточно сформированным образом концепта за счет проявления полной компонентной структуры этнической идентичности в его составе, упорядоченной семантической иерархии и преобладания улучшающих концепт спецификатов. Образ гиперэтнической идентичности также имеет сформированные концептуальные границы и характеризуется упорядоченной семантической иерархией и преобладанием продуктивных маркеров, однако структурный состав концепта ограничен показателями когнитивной и интенциональной направленности при отсутствии признаков эмоциональной. Ментальные репрезентации у молодых людей с гипоэтнической идентичностью включают лишь маркеры интенциональной направленности и отличаются выраженным содержанием ухудшающих концепт спецификатов, что предполагает дальнейшую разработку темы исследования.

Ключевые слова: этническая идентичность, валентность, структура этнической идентичности, ментальные репрезентации, концептуальный образ, молодые люди

Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Эксакусто Т.В., Голубева Ш.А. Парциальные характеристики ментальных репрезентаций этнической идентичности молодых людей // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 2. С. 70–79. https://doi.org/10.24158/spp.2025.2.6.

Original article

Partial Characteristics of Mental Representations of Ethnic Identity among Young People

Tatiana V. Eksakusto[1], Shankhi A. Golubeva[2]
[1,2]Southern Federal University, Taganrog, Russia
[1]exakusto@sfedu.ru, https://orcid.org/0000-0002-6862-2063
[2]shankhigolubeva@gmail.com, https://orcid.org/0009-0007-6405-9828

Abstract. The article examines the characteristics of mental representations of ethnic identity among young individuals with varying valences. In the course of the empirical study, three groups of young people with positive, hyper- and hypoethnic identity were identified (n = 116, Mag = 21). Based on the content analysis, it was found that the conceptual image of ethnic identity has its own specificity among young people of all three groups. It was revealed that young people with a positive ethnic identity are characterized by a sufficiently formed image of the concept due to the manifestation of the full component structure of ethnic identity in its composition, ordered semantic hierarchy and the prevalence of concept-improving specifics. The image of ethnic identity is distinguished by formed conceptual boundaries in young people with hyperethnic identity. It is characterized by an ordered semantic hierarchy and the predominance of productive markers, but the structural composition of the concept is limited to markers of cognitive and intentional orientation in the absence of markers of emotional orientation. Mental representations of young people with hypoethnic identity contain only markers of intentional orientation and are distinguished by a pronounced content of concept-impairing specifics, which suggests further research.

Keywords: ethnic identity, valence, structure of ethnic identity, mental representations, conceptual image, young people

Funding: Independent work.

For citation: Eksakusto, T.V. & Golubeva, Sh.A. (2025) Partial Characteristics of Mental Representations of Ethnic Identity among Young People. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics.* (2), 70–79. Available from: doi:10.24158/spp.2025.2.6 (In Russian).

© Эксакусто Т.В., Голубева Ш.А., 2025

Введение. Современные процессы глобализации сопровождаются транзитивностью, что влечет за собой напряженность людей и вызывает определенные трудности в их социальной адаптации (Livingstone et al., 2024). Появляется острая необходимость в постоянном поиске баланса, «точки опоры», одной из которых является идентичность в целом и этническая ее разновидность в частности. При этом, с одной стороны, в ситуации изменений и неопределенности целостность идентичности связывается с родной культурой и языком, которые дают укорененность и устойчивость (Харитонова, 2023). С другой – идентичность «процессуальна» и характеризуется «незавершенностью», что отражает ее динамичность и осложняет поиск опоры и баланса. В таких условиях она становится «болевой точкой» для человека (Белинская, 2018). Особенной актуальностью эта проблема обладает для молодого поколения. Понимание его представителями своей этнической идентичности, ценности других культур закладывает фундамент для дальнейшего эффективного мультикультурного взаимодействия. При этом в основе понимания и рефлексии этнической идентичности лежат ментальные репрезентации, которые конструируются в сознании человека по-разному, исходя из индивидуального опыта. Один и тот же концепт способен создавать множество уникальных ментальных пространств с различными формами, что влияет на восприятие происходящих событий и представления о них (Прохоров, 2021). Таким образом, мы можем предположить, что индивидуальные ментальные репрезентации отражают особенности этнической идентичности личности. Данное предположение обусловило постановку цели исследования: изучить особенности парциальных характеристик ментальных репрезентаций этнической идентичности молодых людей.

Теоретический анализ проблемы этнической идентичности показал, что данная тема исследуется с разных точек зрения в области гуманитарного знания (социология, психология, этнология и др.). Возрастающая междисциплинарность исследований обусловлена тем, что «на смену структурной и содержательной определенности как в понимании идентичности, так и в определении закономерности ее развития все более преобладают подходы, отражающие процессуальность и вероятность любых ее проявлений» (Белинская, 2018: 6). В одном из своих исследований Т.Д. Марцинковская подчеркивает, что «проблема идентичности всегда актуализировалась в сознании и ученых, и общества в периоды слома, кризиса, неопределенности, когда вставали вопросы о том, какие нормы, ценности, эталоны будут востребованы завтра, как будут трансформироваться нормы и правила поведения» (Марцинковская, 2014: 3).

Этническая идентичность (ЭИ) – это конструкт социальной идентичности, который формируется в результате когнитивных процессов, позволяющих индивиду определить свое место в социальной среде среди множества этнических групп и сохранить социокультурную уникальность в условиях глобализации (Идентичность как динамическая иерархическая система: социальный и культурный контекст формирования ..., 2018).

Структура этнической идентичности включает когнитивный и аффективный компоненты. Содержимое первого представлено знаниями и репрезентациями об этнической принадлежности, истории, особенностях культуры и языка. Аффективный же компонент – это эмоциональная составляющая, которая отвечает за чувственное восприятие этнической идентичности (Берберян, 2023). В отдельных исследованиях отмечается наличие интенционального компонента, включающего намерения, планирование, действия и поведенческие паттерны, направленные на построение системы отношений в различных этноконтактных ситуациях (Williams et al., 2020).

Впоследствии А.Н. Татарко и Н.М. Лебедева предложили характеризовать структуру этнической идентичности таким измерением, как валентность (разная степень определенности/неопределенности этнической идентичности) (Татарко, Лебедева, 2010). Она может быть как позитивной, так и негативной, способна варьироваться в диапазоне от позитивной этнической идентичности до этнофанатизма, включая этническую индифферентность, этнонигилизм, этноэгоизм, этноизоляционизм (Психодиагностика толерантности личности …, 2008). Данные типы этнической идентичности условно можно представить в трех формах, которые позволяют измерить степень определенности данного феномена: позитивная этническая идентичность, гипоидентичность (этническая индифферентность и этнонигилизм) и гиперидентичность (этноэгоизм, этноизоляционизм и этнофанатизм) (Хасханова, 2021).

Несмотря на то, что этническая идентичность – это прежде всего социальный конструкт, в его основе лежат индивидуальные представления, образующие «систему этнодифференцирующих признаков, в качестве которых могут выступать язык, ценности, нормы, историческая память, религия, представления о родной земле, общих предках, национальный характер и многое другое» (Идентичность как динамическая иерархическая система: социальный и культурный контекст формирования …, 2018: 132). Такой подход предполагает рассмотрение ментальных репрезентаций этноидентичности.

Теоретический анализ исследований ментальных репрезентаций показал, что изучение этой проблемы ведется в аспекте внутренних структур, формируемых в процессе всей жизни ин-

дивида за счет накопленных знаний, опыта, социальной коммуникации (Jiang, 2020). С точки зрения А.О. Прохорова, ментальные репрезентации отражают субъективное восприятие окружающей действительности, характеризующейся индивидуальными видением и интерпретацией полученной информации извне (Прохоров, 2021).

Системно-уровневое строение ментальных репрезентаций имеет сложную структуру, представляющую собой определенную иерархию, позволяющую классифицировать полученную информацию (Методики диагностики понятийных способностей …, 2019). Кроме того, ментальные репрезентации имеют категориальную природу, что позволяет связывать понятия с семантическими классами. Поэтому в сознании индивида конструирование ментальных репрезентаций происходит с помощью концептов, которые являются важным компонентом индивидуального опыта, помогая организовывать и интерпретировать информацию, образуя определенное ментальное пространство (Прохоров, 2021). Это объясняет тот факт, что одно и то же явление может вызывать у людей разное восприятие, уникальные образы и интерпретацию.

На основании проведенного теоретического анализа можно сформулировать гипотезу исследования о том, что существуют специфические особенности ментальных репрезентаций у молодых людей с разной валентностью (степенью определенности) этнической идентичности, которые проявляются: в направленности маркеров, отражающих структуру этнической идентичности, в частотности и иерархичности их проявления; в целостности и продуктивности образа этнической идентичности. Данное предположение обусловило проведение исследования, целью которого стало изучение парциальных характеристик ментальных репрезентаций этнической идентичности у молодых людей с разной ее валентностью.

Методика. В эмпирическом исследовании были использованы необходимые принципы (комплексный подход) и требования к его организации (добровольное согласие, конфиденциальность результатов, однородность выборки). В соответствии с выбранными для применения методами (количественный контент-анализ, корреляционный и сравнительный анализ на основе статистических критериев для определения различий между группами) дизайн исследования можно определить как индуктивно-корреляционный.

В опросе приняли участие студенты Южного федерального университета (Россия), Кокшетауского университета имени Ш. Уалиханова (Казахстан), Кокшетауского университета имени А. Мырзахметова (Казахстан) в возрасте от 18 до 24 лет; отмечается примерно равное распределение респондентов по гендерному составу: 55,20 % участников – юноши и 44,80 % – девушки.

В исследовании использовался опросник, направленный на диагностику типов этнической идентичности (авторы – Г.У. Солдатова и С.В. Рыжова), включающий 30 вопросов. В результате участники исследования были разделены на три группы: с выраженной позитивной этнической идентичностью, гипоидентичностью и гиперидентичностью. С целью изучения ментальных репрезентаций этнической идентичности была использована методика «Когнитивный состав концепта» (методика М.А. Холодной), где словом-стимулом выступило словосочетание «моя национальность». Молодым людям предлагалось в течение трех минут написать как можно больше прилагательных, соответствующих данному концепту. Основой для контент-анализа выступили открытые ответы респондентов.

При анализе результатов, проверке значимости статистических различий нами применялись методы математической обработки данных: непараметрический критерий $ф^*$ – угловое преобразование Фишера, коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Результаты и их обсуждение. Всего в эмпирическом исследовании приняли участие 198 человек с превалированием русских и казахов. Однако при выполнении задания, связанного с когнитивным составом концепта, молодые люди в нарушение инструкции вместо выбора конкретных прилагательных выражали субъективные суждения, отражающие отношение к национальности, например, «Моя национальность – это моя нация, которой я горжусь», «Моя национальность такая же хорошая, как и все другие», «Я сторонник космополитизма», «Моя национальность, мой народ, моя земля» и др. Приведенные примеры дают основания предположить, что у части испытуемых наблюдается низкая способность к пониманию признаков концепта ввиду недостаточно развитого индивидуального понятийного опыта. Кроме этого, данный факт отражает аттенционную составляющую когнитивного состава концепта в целом. В своей работе М.А. Холодная отмечает, что «концепт является своеобразным “познавательным фильтром”, обеспечивая регуляцию процесса переработки информации в пространстве понятийной мысли. В случае недостаточной сформированности концептуальных структур наблюдается “эффект сверхвключенного мышления” – неспособности сохранять концептуальные границы, в результате чего далеко отстоящие элементы объединяются в понятия, делающие мышление более неопределенным и абстрактным» (Методики диагностики понятийных способностей …, 2019: 107). Данные ответы требуют специального анализа, поэтому были исключены из результатов настоящего исследования.

Таким образом, выборку исследования составили участники, четко соблюдавшие инструкцию при выполнении заданий (116 человек). Этнический состав опрошенных выглядел следующим образом: 42,40 % – казахи, 35,40 – русские, по 4,0 – немцы и украинцы, по 3,0 – ингуши и татары, 2,0 – чеченцы и метисы (русский/татарин, чеченка/немка), по 1 % – азербайджанцы, армяне, греки, американцы.

Анализ валентности этнической идентичности показал, что в процентном соотношении основную часть – 72,40 % – опрошенных составили участники с ярко выраженной позитивной этнической идентичностью (в эту группу вошли: русские – 50 %; казахи – 28,60; другие национальности – 21,40 %); у 20,70 % молодых людей диагностирована гиперидентичность (русские – 58,30 % и другие национальности – 41,70 %), и наименьший процент опрошенных – 6,90 % – составили участники с гипоидентичностью (казахи, немцы, американцы).

Анализ когнитивного состава концепта «моя национальность» у группы молодых людей с выраженной позитивной этнической идентичностью показал, что он представлен всего 79 признаками. В процессе категоризации среди них были выделены признаки с положительной и нейтральной модальностями, образовавшие концептуальную схему (табл. 1).

Таблица 1 *– Результаты категоризации лексических единиц когнитивного состава концепта у молодых людей с позитивной этнической идентичностью*

Table 1 *– Results of Categorization of Lexical Units of the Cognitive Composition of the Concept in Young People with Positive Ethnic Identity*

Количество признаков (маркеров)	Количество маркеров модальностей	
	позитивных	нейтральных
79	68	11
100 %	86 %	14 %

Частотный анализ встречаемости прилагательных-спецификатов, характеризующих основные признаки когнитивного состава концепта «моя национальность» у молодых людей с выраженной позитивной этнической идентичностью, позволяет отметить, что основную часть (86 %) составили позитивные модальности. То есть в большинстве случаев семантика концепта «моя национальность» связывалась респондентами с проявлением качеств добра, дружбы, гостеприимства и выражением чувств любви, веры, духа, красоты. При этом, несмотря на высокую долю признаков с позитивной модальностью, обнаружены также маркеры (14 %), семантика которых отражает нейтральные модальности концепта «моя национальность» (древняя, историческая, своеобразная, традиционная, советская, осторожная, космополитическая и т. д.). Модальностей с выраженной негативной направленностью выявлено не было.

Анализ частоты встречаемости разных признаков когнитивного состава концепта «моя национальность» продемонстрировал, что с ее повышением снижается разнообразие характеристик. Было выделено три группы маркеров: с максимальной, минимальной и средней частотой встречаемости. В первый интервал (частотность – 20–24) попали три маркера аффективной и интенциональной направленности: «добрая», «доброжелательная», «гостеприимная» (при общем массиве маркеров 79 единиц). Интервал средней частоты встречаемости признаков составил от 10 до 16. В эту позицию попали маркеры как когнитивной, так и аффективной направленности: «культурная», «мирная», «любвеобильная», «прекрасная» и т.п. Уровень с минимальной частотой встречаемости (интервал от 2 до 8) включал преимущественно маркеры с ярко выраженной эмоционально-оценочной спецификой: «яркая», «душевная», «шикарная», «красивая», «горячая», «классная», «чудесная», «солнечная» и т. п.

Содержательный анализ признаков концепта «моя национальность» в этой группе молодых людей позволил выделить три основные группы маркеров: с когнитивно-смысловой направленностью, выражающих такие ценностные ориентиры, как культура, мудрость, свобода, ум и т. д. (39,70 %); с эмоционально-оценочной («красивая», «яркая», «гордая», «любвеобильная», «чудесная» и т. п.) (37,20 %), а также с интенциональной направленностью («гостеприимная», «доброжелательная», «терпеливая», «целеустремленная», «трудолюбивая» и т. д.) (23,10 %).

Кроме этого, процесс категоризации позволил выделить прилагательные-спецификаты, улучшающие концепт (продуктивные маркеры) «моя национальность» («доброжелательная», «гостеприимная», «родная», «мирная», «культурная» и др.) и ухудшающие его («яркая», «шикарная», «советская», «классная», «чудесная», «солнечная», «сложная» и т. д.). В процентном соотношении продуктивные маркеры составили преимущество в 79,70 % против 20,30 % ухудшающих. Семантический анализ спецификатов показал, что если признаки, улучшающие концепт, в целом, прочно связаны с обобщенным образом концепта «моя национальность», то семантика прилагательных, ухудшающих его, сопряжена с понятиями, далеко отстоящими от него по смыслу. Это может указывать на несформированность концептуальных структур и низкую способность сохранять концептуальные границы репрезентаций.

Анализ ответов молодых людей с гиперидентичностью показал, что когнитивный состав концепта «моя национальность» в этой группе участников выражен всего 44 признаками. В процессе категоризации большую часть составили маркеры с позитивной модальностью и незначительную – с нейтральной (табл. 2).

Таблица 2 *– Результаты категоризации лексических единиц когнитивного состава концепта у молодых людей с гиперэтнической идентичностью*

Table 2 *– Results of Categorization of Lexical Units of Analysis of the Cognitive Composition of the Concept "My Nationality" in a Group with Hyperethnic Identity*

Количество признаков (маркеров)	Количество маркеров модальностей	
	позитивных	нейтральных
44	37	7
100 %	84 %	16 %

Такой результат дает основание предположить, что у большинства молодых людей достаточно хорошо сформирована концептуальная структура «моя национальность», что в свою очередь свидетельствует о связи концепта с ментальным опытом испытуемых.

В результате частотного анализа встречаемости прилагательных-спецификатов были выделены группы признаков с максимальной и минимальной частотой встречаемости. В интервал максимальной частоты встречаемости (от 12 до 16) вошли три маркера, отражающие этнический и культурно-религиозный характер: «русская», «сильная», «православная». Нужно отметить, что большинство молодых людей, вошедших в группу с гиперидентичностью, – русские, что, вероятно, повлияло на характер маркеров. Интервал с низкой частотой встречаемости (от 1 до 8 единиц) включал 41 признак, отражающий такие ценностные ориентиры, как трудолюбие, целеустремленность, честь, воля, верность, справедливость и т. д.

В ходе категориального анализа были выявлены преимущественно маркеры интенциональной направленности (65,90 %) («целеустремленная», «мирная», «трудолюбивая», «непобедимая», «дружелюбная», «крепкая», «сильная», «волевая», «несокрушимая» и др.). Меньшую долю (34,10 %) составили маркеры когнитивно-смысловой ориентации, характеризующие национально-культурную специфику концепта («русская», «православная», «культурная», «горная», «кавказская» и др.). Признаки эмоционально-оценочной направленности обнаружены не были.

Анализ спецификатов, улучшающих и ухудшающих концепт «моя национальность», показал, что первые составили большинство – 81,80 %. Небольшую долю – 18,20 % – заняли ухудшающие спецификаты («русифицированная», «сложная», «хорошая», «классная», «необычная», «прикольная»).

Анализ когнитивного состава концепта «моя национальность» у молодых людей с выраженной гипоэтнической идентичностью следует рассматривать как работу с индивидуальными случаями, так как выборка оказалась с самым маленьким количественным составом респондентов (8 человек). Выявлено, что концепт в этой группе был представлен всего 16 признаками. В процессе категоризации мы выделили признаки с положительной и нейтральной модальностями, образовавшими концептуальную схему образа (табл. 3).

Таблица 3 *– Результаты категоризации лексических единиц когнитивного состава концепта у молодых людей с гипоэтнической идентичностью*

Table 3 *– Results of Categorization of Lexical Units of Analysis of the Cognitive Composition of the Concept*

Количество признаков (маркеров)	Количество маркеров модальностей	
	позитивных	нейтральных
16	13	3
100 %	81,20 %	18,80 %

Частотный анализ встречаемости прилагательных-спецификатов в группе людей с гипоидентичностью показал отсутствие интервала частоты встречаемости признаков, так как каждый спецификат при описании концепта был использован молодыми людьми единожды.

Содержательный анализ признаков концепта «моя национальность» в этой группе позволил выделить три основные категории маркеров: с интенциональной («гостеприимная», «сплоченная», «мирная», «общительная» и др.) (87,50 %), когнитивно-смысловой («образованная», «уникальная» и др.) (6,30 %) и эмоционально-оценочной направленностью («удивительная», «правильная», «красивая» и др.) (6,30 %).

Семантический анализ признаков в процессе их категоризации показал, что наибольшее содержание составили маркеры, улучшающие концепт «моя национальность» (68,80 %), а 31,20 % – ухудшающие его («своеобразная», «раздельная» и др.).

Сравнительный анализ признаков с максимальной частотой встречаемости между группами с позитивной и гиперэтнической идентичностью обнаружил незначительную разницу в интенсивности использования спецификатов, но при этом позволил выделить существенное различие в семантических признаках при описании концепта «моя национальность». Другими словами, обобщенный образ концепта достаточно хорошо сформирован в обеих группах, но при этом восприятие концепта разное. Если для молодых людей с позитивной этнической идентичностью концепт «моя национальность» в первую очередь связан с доброжелательным взаимодействием, то для группы с гиперэтнической идентичностью ключевым значением обладает национально-культурное содержание концепта (табл. 4).

Таблица 4 *– Сравнительный анализ маркеров с высокой частотой встречаемости (по первым трем позициям)*

Table 4 *– Comparative Analysis of Markers with High Frequency of Occurrence (For the First Three Positions)*

Позиции распределения (частотность встречаемости)				
Группы	1-я иерархическая позиция	2-я иерархическая позиция	3-я иерархическая позиция	Количество признаков (по трем первым позициям)
Позитивная ЭИ	Добрая, доброжелательная	Гостеприимная	Культурная	4
Гипер-ЭИ	Русская, сильная	Православная	Целеустремленная, трудолюбивая, волевая	35

При этом в группе молодых людей с гипоэтнической идентичностью отсутствует возможность выделения иерархических позиций, поскольку каждый признак при описании концепта встречался только единожды. Таким образом, семантика концепта «моя национальность» в этой группе выглядит достаточно обедненной, что может свидетельствовать о недостаточной сформированности образа своей национальности в понятийном мышлении молодых людей.

В силу неравномерного распределения выборки и количества выявленных признаков для проведения сравнительного анализа по компонентной структуре ментальных репрезентаций с целью выравнивания данных за основу была принята 100-балльная шкала. Максимальные значения по ней соответствовали общему количеству признаков (когнитивно-смысловых, эмоциональных и интенциональных) в каждой группе. Для определения значимости различий использовался критерий Фишера (φ^*).

Сравнительный анализ частотности использования маркеров когнитивно-смысловой направленности показал отсутствие достоверных различий в группах с позитивной и гиперэтнической идентичностью, что может свидетельствовать о равной степени интенсивности использования когнитивно-смысловых маркеров молодыми людьми обеих групп и о достаточно хорошо сформированном образе концепта. Обнаружены достоверно значимые различия в группах респондентов с позитивной и гипоэтнической идентичностью ($\varphi^*_{эмп} = 6{,}05$; $\varphi^*_{кр} = 2{,}31$ при $p \leq 0{,}01$), с гиперэтнической и гипоэтнической идентичностью ($\varphi^*_{эмп} = 5{,}23$; $\varphi^*_{кр} = 2{,}31$ при $p \leq 0{,}01$), что может указывать на слабую сформированность смыслового содержания этнической идентичности и отсутствие концептуальных границ образа у молодых людей с гипоэтнической идентичностью.

При сравнении частотности использования эмоционально-оценочных маркеров было выявлено, что в группах с позитивной и гиперэтнической идентичностью выявлены достоверно значимые различия ($\varphi^*_{эмп} = 7{,}86$; $\varphi^*_{кр} = 2{,}31$ при $p \leq 0{,}01$), что подтверждает большую частотность использования эмоционально-оценочных маркеров молодыми людьми с позитивной этнической идентичностью. Также обнаружены различия в группах с позитивной и гипоэтнической идентичностью ($\varphi^*_{эмп} = 5{,}69$; $\varphi^*_{кр} = 2{,}31$ при $p \leq 0{,}01$) и у молодых людей с гипер- и гипоэтнической идентичностью ($\varphi^*_{эмп} = 2{,}17$; $\varphi^*_{кр} = 1{,}64$ при $p \leq 0{,}05$). Обнаруженные достоверно значимые различия позволяют говорить о большей значимости эмоциональных впечатлений при построении образа у молодых людей с позитивной этнической идентичностью.

В ходе сравнительного анализа частотности использования интенциональных маркеров во всех трех группах были обнаружены достоверно значимые различия: между группами с позитивной (ПЭИ) и гиперэтнической идентичностью ($\varphi^*_{эмп} = 6{,}30$; $\varphi^*_{кр} = 2{,}31$ при $p \leq 0{,}01$); с позитивной и гипоэтнической идентичностью ($\varphi^*_{эмп} = 10{,}01$; $\varphi^*_{кр} = 2{,}31$ при $p \leq 0{,}01$); с гипер- и гипоэтнической идентичностью ($\varphi^*_{эмп} = 3{,}71$; $\varphi^*_{кр} = 2{,}31$ при $p \leq 0{,}01$). Обнаруженные различия позволяют заключить, что для молодых людей с гипер- и гипоэтнической идентичностью концепт «моя национальность» в большей степени связан с действиями, взаимодействием, намерениями и т. п., так как маркеры интенциональной направленности встречаются у них достоверно чаще.

Сравнительный анализ признаков, улучшающих и ухудшающих спецификацию ментальных репрезентаций, показал наличие различий в улучшающих маркерах на уровне тенденций в группах с позитивной и гипоэтнической идентичностью ($\varphi^*_{эмп} = 1{,}78$; $\varphi^*_{кр} = 1{,}64$ при $p \leq 0{,}05$); с

гипер- и гипоэтнической идентичностью ($\varphi^*_{эмп}$ = 2,15; $\varphi^*_{кр}$ = 1,64 при p ≤ 0,05). Анализ по ухудшающим признакам также показал наличие различий на уровне тенденций в группах с позитивной и гипоэтнической идентичностью ($\varphi^*_{эмп}$ = 1,77; $\varphi^*_{кр}$ = 1,64 при p ≤ 0,05); с гипер- и гипоэтнической идентичностью ($\varphi^*_{эмп}$ = 2,15; $\varphi^*_{кр}$ = 1,64 при p ≤ 0,05). Другими словами, в группах с позитивной и гиперэтнической идентичностью зафиксировано более высокое содержание продуктивных маркеров, тогда как в ответах молодых людей с гипоэтнической идентичностью чаще встречаются ухудшающие спецификаты.

На одном из этапов исследования нами были выявлены так называемые «универсальные» маркеры (20), которые встречаются либо во всех группах независимо от их этнической идентичности, либо в двух группах из трех (табл. 5).

Таблица 5 *– Основные признаки когнитивного состава концепта у молодых людей с разной валентностью этнической идентичности*

Table 5 *– The Main Features of the Cognitive Composition of the Concept in Young People with Different Valence of Ethnic Identity*

Универсальные признаки	Частота встречаемости в группе с ПЭИ	Частота встречаемости в группе с гипер-ЭИ	Частота встречаемости в группе с гипо-ЭИ
Умная	4	1	0
Образованная	4	0	1
Культурная	8	4	0
Интересная	6	1	0
Русская	4	8	0
Добрая	9	1	1
Доброжелательная	3	1	1
Гостеприимная	10	1	1
Сильная	5	6	0
Мирная	4	1	1
Толерантная	7	2	0
Дружная	4	2	0
Целеустремленная	1	4	0
Трудолюбивая	2	4	0
Родная	7	1	0
Гордая	6	0	1
Уникальная	6	0	1
Красивая	1	4	1
Свободная	1	0	1
Справедливая	0	1	1

Чтобы определить корреляцию этих признаков, был проведен анализ, который показал отсутствие связи между группами с позитивной и гиперэтнической идентичностью (r_s = –0,06; $r_{кр.}$ = 0,45, при p ≤ 0,05); с позитивной и гиперэтнической идентичностью (r_s = 0,03; $r_{кр.}$ = 0,45, при p ≤ 0,05); с гипер- и гипоэтнической идентичностью (r_s = 0,03; $r_{кр.}$ = 0,45, при p ≤ 0,05).

В целом, можно сделать вывод о том, что, несмотря на схожесть признаков, которые используются молодыми людьми для описания своей национальности, его структура и содержание различны; это подтверждает специфичность ментальных репрезентаций у молодых людей с разной валентностью этнической идентичности.

Заключение. По результатам теоретического анализа можно заключить, что степень определенности/неопределенности этнической идентичности зависит от уровня сформированности у индивида представления о ней. Обобщенный образ этнической идентичности конструируется на основе ментальных репрезентаций, которые в свою очередь являются отражением ментального опыта и содержат концептуальные связи с понятием. Чем прочнее они, тем лучше сформирован образ, и, напротив, чем связь слабее, тем образ выглядит более абстрактным и отдаленным в понятийном аппарате субъекта.

В ходе эмпирического изучения этнической идентичности нами были выявлены молодые люди с разной ее валентностью: позитивной, гипер- и гипо-. Анализ модальности признаков концепта «моя национальность» показал, что большинство респондентов (независимо от валентности этнической идентичности) имеют позитивный образ своей национальной принадлежности, при этом маркеров с негативной направленностью выявлено не было. Обнаружено, что наряду с общепризнанными когнитивным и аффективным компонентами в структуре этнической идентичности в ментальных репрезентациях определяется интенциональный компонент, который обогащает структуру образа.

Выявлены особенности ментальных репрезентаций молодых людей с разной валентностью этнической идентичности. Так, у субъектов с позитивной этнической идентичностью определяется полная структура, включающая маркеры, соответствующие всем трем компонентам этнической

идентичности: ценностно-смысловому, интенциональному и эмоционально-оценочному. У молодых людей с гиперэтнической идентичностью выявлена неполная структура признаков, основу которой составляют интенциональные и когнитивно-смысловые маркеры. У людей с гипоидентичностью преобладают признаки интенциональной направленности, когнитивно-смысловые и эмоционально-оценочные маркеры проявляют себя единичными элементами.

Частотность выявленных признаков позволяет говорить об иерархичности их проявления. У молодых людей с позитивной и с гиперэтнической идентичностью выделяется ядро семантического поля концепта (максимальная частотность встречаемости ограниченного количества признаков); ближняя (средняя частота встречаемости признаков) и дальняя периферия (низкая частота встречаемости при высоком разнообразии маркеров). Такой результат позволяет предположить, что у молодых людей этих групп достаточно хорошо сформирован обобщенный образ концепта. Аксиологическое содержание признаков, несмотря на разные ценностные ориентиры, и обогащенная семантика свидетельствуют о прочной концептуальной связи со словом-стимулом. При этом у молодых людей с гипоэтнической идентичностью такая упорядоченная иерархичность признаков наблюдается в семантической матрице концепта, как ядро; ближняя и дальняя периферии отсутствует. От этого семантика выглядит обедненной, а связь с концептом в ментальном опыте молодых людей прослеживается плохо.

Подтверждением полученных результатов стал анализ признаков, улучшающих и ухудшающих спецификацию ментальных репрезентаций, который показал большое количество продуктивных маркеров у молодых людей с позитивной и гиперэтнической идентичностью, тогда как у молодых людей с гипоэтнической ее вариацией чаще при описании концепта встречаются ухудшающие спецификаты. Несмотря на использование универсальных признаков при описании концепта «моя национальность», по всем трем группам прослеживается существенная разница в его восприятии.

Таким образом, в ходе исследования выявлено наличие специфических особенностей ментальных репрезентаций у молодых людей с разной валентностью этнической идентичности, что в целом подтверждает гипотезу настоящего исследования.

Полученные результаты открывают перспективы для дальнейшего изучения ментальных репрезентаций этнической идентичности молодых людей в аспекте рассмотрения их факторной структуры и спецификаций, связанных с разной валентностью этнической идентичности. При этом результаты, полученные в группе респондентов с гипоэтнической идентичностью, требуют подтверждения на эмпирических данных большей репрезентативной группы.

Список источников:

Белинская Е.П. Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2018. Т. 8, № 1. С. 6–12. https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.101.

Берберян А.С., Тепанян С.А. Взаимосвязь аффективного и когнитивного компонентов этнической идентичности и толерантности молодежи (армянской и биэтничной) // Актуальные проблемы психологического знания. 2023. № 1 (62). С. 61–76. https://doi.org/10.51944/20738544_2023_1_61.

Марцинковская Т.Д. Методология современной психологии: смена парадигм? // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 36. С. 1–11.

Методики диагностики понятийных способностей / М.А. Холодная [и др.] // Экспериментальная психология. 2019. Т. 12, № 3. С. 105–118. https://doi.org/10.17759/exppsy.2019120308.

Прохоров А.О. Ментальные репрезентации психических состояний: теоретические и экспериментальные аспекты // Познание и переживание. 2021. Т. 2, № 2. С. 28–52. https://doi.org/10.51217/cogexp_2021_02_02_02.

Психодиагностика толерантности личности / под ред. Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгерровой. М., 2008. 172 с.

Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Психология межэтнических отношений. М., 2010. 190 с.

Харитонова С.А. Динамика этнической и гражданской идентичности в современном обществе // Стратегии устойчивого развития: социальные, экономические и юридические аспекты. Чебоксары, 2023. С. 230–233.

Хасханова М.Т. Результаты исследования этнической идентичности чеченских студентов // Психология человека в образовании. 2021. Т. 3, № 1. С. 87–94. https://doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-1-87-94.

Идентичность как динамическая иерархическая система: социальный и культурный контекст формирования / М.С. Яницкий [и др.] // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2 (74). С. 131–140. https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-131-140.

Jiang W. Information and Mental Representation // Proceedings. 2020. Vol. 47, iss. 1. P. 51. https://doi.org/10.3390/proceedings2020047051.

Livingstone A.G., Spears R., Manstead A.S.R., Makanju D., Sweetman J. Dilemmas of Resistance: How Concerns for Cultural Aspects of Identity Shape and Constrain Resistance among Minority Groups // European Review of Social Psychology. 2024. Vol. 35, iss. 1. P. 45–87. https://doi.org/10.1080/10463283.2023.2176663.

Williams C., Byrd C., Quintana S., Anicama C., Kiang L., Umaña-Taylor A., Calzada E., Gautier M., Ejesi K., Tuitt N., Martinez-Fuentes S., White L., Marks A., Rogers L., Whitesell N. A Lifespan Model of Ethnic-Racial Identity // Research in Human Development. 2020. Vol. 17, iss. 2–3. P. 99–129. https://doi.org/10.1080/15427609.2020.1831882.

References:

Belinskaya, E. P. (2018) Modern Identity Studies: from Structural Certainty to Procedural Incompleteness. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*. 8 (1), 6–12. Available from: doi:10.21638/11701/spbu16.2018.101. (In Russian)

Berberyan, A. S. & Tepanyan, S. A. (2023) The Relation Between the Affective and Cognitive Components of Ethnic Identity and Tolerance in Youth (Armenian and Biethnic). *Actual Problems of Psychological Knowledge*. (1 (62)), 61–76. Available from: doi:10.51944/20738544_2023_1_61. (In Russian)

Jiang, W. (2020) Information and Mental Representation. *Proceedings*. 47 (1), 51. Available from: doi:10.3390/proceedings2020047051.

Kharitonova, S. A. (2023) Dinamika etnicheskoi i grazhdanskoi identichnosti v sovremennom obshchestve [Dynamics of ethnic and civic identity in modern society]. In*: Strategii ustoichivogo razvitiya: sotsial'nye, ekonomicheskie i yuridicheskie aspekty*. Cheboksary, pp. 230–233. (In Russian)

Khaskhanova, M. T. (2021) Ethnic Identity of Chechen Students: Research Outcomes. *Psychology in Education*. 3 (1), 87–94. Available from: doi:10.33910/2686-9527-2021-3-1-87-94. (In Russian)

Kholodnaya, M. A., Trifonova, A. V., Volkova, N. E., Sipovskaya, Ya. I. (2019) Methods of Diagnosing Conceptual Abilities. *Experimental Psychology* (*Russia*). 12 (3), 105–118. Available from: doi:10.17759/exppsy.2019120308. (In Russian)

Livingstone, A. G., Spears, R., Manstead, A. S. R., Makanju, D. & Sweetman, J. (2024) Dilemmas of Resistance: How Concerns for Cultural Aspects of Identity Shape and Constrain Resistance among Minority Groups. *European Review of Social Psychology*. 35 (1), 45–87. Available from: doi:10.1080/10463283.2023.2176663.

Martsinkovskaya, T. D. (2014) Methodology of Modern Psychology: a Change of Paradigms? *Psikhologicheskie issledovaniya*. 7 (36), 1–11. (In Russian)

Prokhorov, A. O. (2021) Mental Representations of Mental States: Theoretical and Experimental Aspects. *Cognition and Experience*. 2 (2), 28–52. Available from: doi:10.51217/cogexp_2021_02_02_02. (In Russian)

Soldatova, G. U. & Shaigerrova, L. A. (eds.) (2008) *Psikhodiagnostika tolerantnosti lichnosti* [*Psychodiagnostics of personality tolerance*]. Moscow. 172 p. (In Russian)

Tatarko, A. N. & Lebedeva, N. M. (2010) *Psikhologiya mezhetnicheskikh otnoshenii* [*Psychology of interethnic relations*]. Moscow. 190 p. (In Russian)

Williams, C., Byrd, C., Quintana, S., Anicama, C., Kiang, L., Umaña-Taylor, A., Calzada, E., Gautier, M., Ejesi, K., Tuitt, N., Martinez-Fuentes, S., White, L., Marks, A., Rogers, L. & Whitesell, N. (2020) A Lifespan Model of Ethnic-Racial Identity. *Research in Human Development*. 17 (2–3), 99–129. Available from: doi:10.1080/15427609.2020.1831882.

Yanitskiy, M. S., Seryy, A. V., Braun, O. A., Pelekh, Yu. V., Maslova, O. V., Sokolskaya, M. V., Sanzhaeva, R. D., Monsonova, A. R., Dagbaeva, S. B., Neyaskina, Yu. Yu., Kadyrov, R. V. & Kapustina, T. V. (2018) Identity as a Dynamic Hierarchical System: Social and Cultural Context of Formation. (2 (74)), 131–140. Available from: doi:10.21603/2078-8975-2018-2-131-140. (In Russian)

Информация об авторах

Т.В. Эксакусто – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и безопасности жизнедеятельности Института компьютерных технологий и информационной безопасности Южного федерального университета, Таганрог, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=486414

Ш.А. Голубева – аспирант Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного федерального университета, Таганрог, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1274385

Вклад авторов:

Т.В. Эксакусто – научное руководство; концепция исследования; методология исследования; доработка текста; итоговые выводы.

Ш.А. Голубева – написание исходного текста; реализация эмпирического исследования, обработка и анализ эмпирических данных.

Конфликт интересов:
авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

T.V. Eksakusto – PhD in Psychology, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Psychology and Life Safety, Institute of Computer Technologies and Information Security of the Southern Federal University, Taganrog, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=486414

Sh.A. Golubeva – PhD student, Institute of Management in Economic, Environmental and Social Systems of the Southern Federal University, Taganrog, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1274385

Contribution of the authors:

T.V. Eksakusto – scientific supervision; research concept; research methodology; text revision; final conclusions.

Sh.A. Golubeva – writing the original text; implementation of the empirical research, processing and analysis of empirical data.

Conflicts of interests:
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 31.12.2024;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 28.01.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 25.02.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья
УДК 331.101.3
https://doi.org/10.24158/spp.2025.2.7

Трансформация системы мотивации персонала производственных предприятий в условиях экономической турбулентности: новые подходы и инструменты

Максим Михайлович Столбов
Государственный университет просвещения, Москва, Россия, m.stolbov@yandex.ru

Аннотация. Автор исследует процессы трансформации системы мотивации персонала производственных предприятий в условиях экономической турбулентности и санкционного давления. Актуальность исследования обусловлена необходимостью пересмотра традиционных подходов к мотивации сотрудников в связи с утратой эффективности классических инструментов стимулирования в новых экономических реалиях. Выявлено комплексное негативное влияние санкций на материальные и нематериальные аспекты мотивации персонала. Сформулировано авторское определение системы мотивации персонала производственного предприятия. Разработана концепция новой системы мотивации, основанная на принципах адаптивности, устойчивости и комплексного подхода. Предложены инновационные инструменты стимулирования, в частности, концепция «workplace wellness». Полученные результаты позволяют сделать вывод о необходимости перехода от классических систем премирования к комплексным программам мотивации, сочетающим долгосрочные инструменты материального стимулирования с развитой системой психологической поддержки сотрудников. Практическая значимость исследования заключается в разработке конкретных рекомендаций по формированию устойчивых систем мотивации персонала, адаптированных к работе в условиях экономической турбулентности.

Ключевые слова: система мотивации персонала, экономическая турбулентность, санкционное давление, workplace wellness, нематериальная мотивация

Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Столбов М.М. Трансформация системы мотивации персонала производственных предприятий в условиях экономической турбулентности: новые подходы и инструменты // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 2. С. 80–86. https://doi.org/10.24158/spp.2025.2.7.

Original article

Transformation of the Personnel Motivation System of Production Enterprises in the Conditions of Economic Turbulence: New Approaches and Tools

Maksim M. Stolbov
State University of Education, Moscow, Russia, m.stolbov@yandex.ru

Abstract. The author examines the processes of transformation of the motivation system of industrial enterprises in conditions of economic turbulence and sanctions pressure. The relevance of the study is due to the need to revise traditional approaches to employee motivation due to the loss of effectiveness of classical incentive tools in the new economic realities. The complex negative impact of sanctions on the material and non-material aspects of staff motivation has been revealed. The author's definition of the motivation system for the personnel of a manufacturing enterprise is formulated. The concept of a new motivation system based on the principles of adaptability, sustainability and an integrated approach has been developed. Innovative incentive tools are proposed, in particular, the concept of "workplace wellness". The results obtained allow us to conclude that it is necessary to switch from classical bonus systems to comprehensive motivation programs that combine long-term financial incentive tools with a well-developed system of psychological support for employees. The practical significance of the research lies in the development of specific recommendations for the formation of sustainable personnel motivation systems adapted to work in conditions of economic turbulence.

Keywords: personnel motivation system, economic turbulence, sanctions pressure, workplace wellness, non-material motivation

Funding: Independent work.

For citation: Stolbov, M.M. (2025) Transformation of the Personnel Motivation System of Production Enterprises in the Conditions of Economic Turbulence: New Approaches and Tools. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics.* (2), 80–86. Available from: doi:10.24158/spp.2025.2.7 (In Russian).

© Столбов М.М., 2025

Введение. Актуальность исследования трансформации системы мотивации персонала производственных предприятий в условиях экономической турбулентности обусловлена рядом важных факторов и современных вызовов. В условиях нестабильной экономической ситуации, характеризующейся высокой степенью неопределенности, разрывом привычных логистических цепочек, санкционным давлением и необходимостью быстрой адаптации к меняющимся условиям рынка, вопросы эффективной мотивации персонала приобретают особую значимость. В новых экономических реалиях человеческий капитал становится ключевым фактором конкурентоспособности предприятий в условиях технологической трансформации и цифровизации производства. Кроме того, в условиях экономической турбулентности возрастает роль нематериальных форм мотивации, требуется поиск баланса между финансовыми возможностями предприятий и потребностями работников в стабильном доходе и профессиональном развитии.

Материалы и методы исследования. Методами исследования послужили системный анализ научной литературы для изучения различных подходов к определению системы мотивации персонала, сравнительный анализ классических теорий мотивации (теории Герцберга, Врума, Альдерфера, Хэкмана-Олдхэма), комплексный анализ взаимосвязи материальных и нематериальных форм мотивации, изучение влияния внешних факторов на трансформацию системы мотивации.

В качестве материалов для исследования использовались открытые данные крупных российских предприятий, таких как АвтоВАЗ и «Северсталь», в области трансформации систем мотивации в условиях санкционного давления.

Результаты и их обсуждение. Под «подходом» понимается комплексная методологическая основа для формирования системы мотивации персонала, включающая принципы, методы и инструменты управленческого воздействия. В статье «новые подходы» представлены как альтернатива традиционным системам премирования, которые подразумевают комплексные программы мотивации, сочетающие долгосрочные инструменты материального стимулирования с развитой системой психологической поддержки сотрудников на основе принципов: а) адаптивности – способности системы мотивации гибко реагировать на изменения внешней среды без существенной потери эффективности; б) устойчивости – формирования долгосрочной системы стимулов, менее подверженной влиянию краткосрочных экономических колебаний; в) комплексности – сочетания материальных и нематериальных инструментов мотивации; г) перехода от классических систем премирования, что особенно актуально в условиях экономической турбулентности и санкционного давления.

Сущность понятия «система мотивации персонала производственного предприятия». Анализ научной литературы показывает различные подходы к определению системы мотивации персонала производственного предприятия. Согласно концепции Л.В. Пурыжовой, система мотивации персонала производственного предприятия представляет собой комплексный механизм воздействия на сотрудников, включающий материальные и нематериальные стимулы, направленный на повышение эффективности труда и достижение организационных целей через удовлетворение потребностей работников (Пурыжова и др., 2023). Автор подчеркивает необходимость системного подхода и взаимосвязь всех элементов мотивации, особо выделяя роль организационной культуры и социально-психологического климата в коллективе.

В свою очередь, С.А. Фомина рассматривает систему мотивации персонала производственного предприятия как структурированную совокупность управленческих действий, направленных на формирование устойчивых мотивов к высокопроизводительному труду через создание условий для удовлетворения как базовых, так и высших потребностей работников, с акцентом на развитие внутренней мотивации и профессиональный рост (Фомина, Мельникова, 2022).

Третий подход, предложенный Н.А. Владимировым, определяет систему мотивации персонала производственного предприятия как динамичный комплекс взаимосвязанных методов и инструментов стимулирования, основанный на индивидуальном подходе к каждому сотруднику и учете специфики производственной деятельности, с фокусом на достижение баланса между целями организации и личными целями работников (Владимиров, Аквабза, 2020).

Основные различия между подходами заключаются в расстановке приоритетов: Л.В. Пурыжова делает акцент на комплексность и системность, С.А. Фомина концентрируется на развитии внутренней мотивации, а Н.А. Владимиров подчеркивает важность индивидуального подхода и динамичности системы. В рамках исследования трансформации системы мотивации в условиях экономической турбулентности наиболее перспективным представляется подход Н.А. Владимирова, поскольку он учитывает необходимость гибкого реагирования на изменения внешней среды и индивидуальные особенности сотрудников, что особенно важно в современных условиях.

На основе синтеза рассмотренных подходов можно предложить следующее авторское определение: система мотивации персонала производственного предприятия – это адаптивный

комплекс взаимосвязанных материальных и нематериальных стимулов, методов и инструментов управленческого воздействия, основанный на принципах системности, индивидуализации и гибкости, направленный на формирование устойчивой внутренней и внешней мотивации работников к эффективному труду через создание условий для удовлетворения их потребностей и профессионального развития в соответствии с целями предприятия и динамикой внешней среды.

Рассматривая эволюцию теорий мотивации во второй половине XX в., можно проследить интересную динамику развития управленческой мысли. Начиная с двухфакторной теории Герцберга (1959), которая впервые разделила факторы на гигиенические и мотивационные, фокус исследований постепенно смещался к более комплексным подходам (Гаврилова и др., 2022). В 1960-х гг. появилась концепция партисипативного управления, делающая акцент на вовлечении работников в процесс принятия решений и демократизации управления (Панина Э., Панина В., 2023).

Теория ожиданий Врума (1964) привнесла новое понимание процесса мотивации через призму ожиданий, инструментальности и валентности, предложив более гибкий подход к системе вознаграждений (Буцко, 2023). Теория ERG Альдерфера (1972) развила идеи о потребностях, выделив три ключевых уровня (существования, связи и роста) и допустив возможность их одновременного удовлетворения, что существенно отличалось от предыдущих иерархических моделей (Липко, 2023).

Теория характеристик работы Хэкмана-Олдхэма (1975) завершила этот период, сфокусировавшись на конкретных характеристиках рабочих мест как факторах внутренней мотивации. Каждая из этих теорий внесла свой уникальный вклад: от базового разделения факторов у Герцберга до комплексного проектирования рабочих мест у Хэкмана-Олдхэма (Амирова, 2024).

В практическом применении эти теории дополняют друг друга: партисипативное управление обеспечивает делегирование полномочий, теория Врума помогает выстроить эффективную систему вознаграждений, подход Альдерфера предлагает гибкую систему мотивации, а модель Хэкмана-Олдхэма позволяет оптимально проектировать рабочие места. Все эти подходы, несмотря на различия в акцентах и принципах, создают комплексную базу для современного управления мотивацией персонала.

Влияние санкций на систему мотивации персонала. Санкционное давление оказало комплексное негативное влияние на систему мотивации работников производственных предприятий, затронув как материальные, так и нематериальные аспекты стимулирования труда (Седова, 2023). В первую очередь, существенно пострадали механизмы материального стимулирования: разрыв логистических цепочек, уход зарубежных партнеров и необходимость срочного поиска альтернативных поставщиков привели к снижению объемов производства и, как следствие, к сокращению премиального фонда и возможностей для дополнительных выплат работникам (Пошибаев, 2024). Так, например, АвтоВАЗ в 2022 г. столкнулся с серьезными проблемами из-за ухода Renault и нарушения поставок комплектующих[1]. Это привело к временной остановке производства, переходу на неполную рабочую неделю и сокращению премиальных выплат сотрудникам. По данным компании, средняя заработная плата работников снизилась на 20–30 % из-за уменьшения премиальной части.

Система бонусов, привязанная к выполнению производственных планов, во многих случаях перестала эффективно работать из-за нестабильности производственных процессов и неопределенности в планировании. Значительно пострадали программы долгосрочной мотивации, основанные на опционах и участии в прибыли компании, поскольку многие предприятия столкнулись с падением рентабельности и необходимостью оптимизации расходов. Например, «Северсталь» в 2021 г. приостановила действие программы долгосрочного стимулирования менеджмента (Long-Term Incentive Program), которая была основана на показателях прибыльности компании и стоимости акций. Согласно Положению об уменьшении долгосрочных элементов вознаграждения в АО «Северсталь Менеджмент», в целях защиты интересов компании был внедрен механизм контроля, предотвращающий намеренное искажение финансовых показателей и иные злоупотребления со стороны руководства высшего звена[2]. В соответствии с внутренними нормативными актами, при выявлении фактов фальсификации финансовой документации, неэтичного поведения или действий, способных нанести урон репутационному капиталу организации, комитет по вознаграждениям ПАО «Северсталь» был уполномочен принимать решения о сокращении размера как краткосрочных премиальных выплат, так и вознаграждений в рамках программы долгосрочной мотивации для топ-менеджмента. Однако, несмотря на заявления о приостановлении

[1] Глава АвтоВАЗа – РБК: «Lada конкурирует со всеми, кто не Lada» [Электронный ресурс] // РБК. 2024. 19 сент. URL: https://www.rbc.ru/business/19/09/2024/66e9363b9a79477aa7e9c63d (дата обращения: 26.11.2024).

[2] «Северсталь» приняла Положение об уменьшении долгосрочных элементов вознаграждения в АО «Северсталь Менеджмент» [Электронный ресурс] // Северсталь : официальный сайт. 2021. 29 нояб. URL: https://severstal.com/upload/iblock/846/clawbacksmalus-2911.pdf (дата обращения: 26.11.2024).

выплат в связи с утратой доверия, полагаем, что решение было принято после падения финансовых показателей компании и приостановки торгов акциями на международных площадках.

Психологическая составляющая мотивации также пострадала: неуверенность в завтрашнем дне, страх потери работы и снижения доходов привели к тому, что долгосрочные мотивационные программы перестали восприниматься работниками как надежный инструмент профессионального и карьерного развития (Верна, Хойна, 2022). Система признания профессиональных достижений на международном уровне (участие в международных конкурсах, получение отраслевых наград и сертификатов) также утратила свою мотивирующую силу. В результате многие производственные предприятия столкнулись с необходимостью полного пересмотра существующих систем мотивации персонала и поиска новых инструментов стимулирования, адаптированных к работе в условиях санкционных ограничений.

Кроме того, о низком уровне мотивации сотрудников свидетельствуют результаты исследования «Ментальное здоровье на работе», проведенного специалистами фармацевтической компании «Гедеон Рихтер» и платформы онлайн-рекрутинга hh.ru[1]. Согласно исследованию, ключевыми факторами риска для психического здоровья работников являются неэффективный менеджмент (69 %) и высокая нагрузка (65 %). В Санкт-Петербурге дополнительным фактором выступают неудовлетворительные условия труда (55 %). Наибольшее недовольство управлением выражают работники научно-образовательной сферы (76 %) и IT-специалисты (73 %), а чрезмерной нагрузкой – сотрудники HoReCa (77 %) и маркетинга (74 %). Лишь 36 % респондентов позитивно оценивают свое психическое состояние, при этом 27 % отмечают тревожность или подавленность, особенно в сферах науки, образования и маркетинга. 73 % работников не получают психологической поддержки на работе. Исключение составляют крупные компании (более 10 тыс. сотрудников), где такую помощь получают 54 % работников. Лидирует финансовый сектор (57 % имеют доступ к психологической помощи), аутсайдеры – HoReCa и маркетинг (более 80 % без поддержки). Работники считают, что их психическому здоровью помогли бы более продолжительные отпуска (46 %), зоны отдыха (45 %) и консультации психолога (33 %). В Москве 47 % выступают за удаленную работу. 66 % сотрудников воспринимают коллег с психическими расстройствами как угрозу, 65 % сталкивались с неадекватным поведением на работе. При этом 71 % готовы оказывать поддержку коллегам с ментальными проблемами, хотя большинство (70 %) готово обсуждать собственные проблемы только с близкими коллегами.

Новые подходы к формированию систем мотивации персонала производственных предприятий. На основе анализа опыта российских компаний, в частности АвтоВАЗа и «Северстали», можно сделать вывод о необходимости кардинального пересмотра подхода к материальному стимулированию персонала в условиях экономической турбулентности. Практика показала, что классические системы премирования, основанные на краткосрочных показателях и прямых денежных выплатах, становятся чрезвычайно уязвимыми в условиях санкционного давления и экономической нестабильности. Когда компании вынуждены резко сокращать или полностью отменять премиальные выплаты из-за падения производственных показателей или нарушения логистических цепочек, это приводит к значительному снижению мотивации персонала и может спровоцировать отток квалифицированных кадров.

В связи с этим предлагается трансформировать систему материального стимулирования, сделав её более гибкой и устойчивой к внешним шокам. Материальные стимулы должны быть интегрированы в долгосрочные программы развития персонала и привязаны к показателям, которые сотрудники могут контролировать даже в условиях нестабильности внешней среды (Бондаренко, Пржедецкая, 2024). Например, вместо прямых квартальных премий за выполнение плана производства можно внедрить систему накопительных баллов за профессиональное развитие, освоение смежных специальностей, наставничество, рационализаторские предложения. Эти баллы могут конвертироваться в материальные блага с определенной периодичностью или при достижении установленных порогов.

Кроме того, интерес представляют меры, материально стимулирующие персонал не напрямую. В качестве примера снова обратимся к опыту «Северстали», которая с 2024 г. внедряет масштабную программу поддержки персонала, центральным элементом которой становится беспрецедентная жилищная инициатива[2]. В рамках новой программы, стартующей со второго полугодия 2024 г., сотрудники с минимальным стажем два года получат существенную поддержку в решении жилищного вопроса. Предприятие берет на себя обязательства по компенсации от по-

[1] Ментальное здоровье россиян на работе измерили [Электронный ресурс] // Ремедиум. 2024. 02 окт. URL: https://remedium.ru/news/mentalnoe-zdorove-rossiyan-na/ (дата обращения: 26.12.2024).

[2] «Северсталь» расширяет программу финансовой поддержки сотрудников [Электронный ресурс] // Северсталь : официальный сайт. 2024. 05 июн. URL: https://severstal.com/rus/media/archive/severstal-rasshiryaet-programmu-finansovoy-podderzhki-sotrudnikov/ (дата обращения: 26.11.2024).

ловины до 90 % ипотечных процентов на протяжении десятилетнего периода, с максимальным объемом поддержки до 3 млн рублей. Планируется, что в первый год реализации программа охватит около 1 500 работников.

Как подчеркнул руководитель компании Александр Шевелев, предприятие реализует комплексную программу «Для своих: с заботой о каждом», охватывающую различные аспекты жизни сотрудников – от профессионального роста до досуга и здоровья. Особым достижением стало внедрение системы «гибких льгот» в размере 20 тыс. рублей, которой уже воспользовались более 70 % коллектива. «Северсталь» стала пионером среди производственных предприятий России, предложив такой инновационный инструмент поддержки для всех категорий работников.

Перспективным направлением является внедрение системы корпоративных социальных пакетов с возможностью их постепенного расширения в зависимости от стажа работы и профессиональных достижений сотрудника (Вахитова, Прошкина, 2023). Это могут быть дополнительное медицинское страхование, программы корпоративного обучения, компенсация расходов на детский сад или образование детей, корпоративные пенсионные программы. Такие долгосрочные инструменты материального стимулирования создают у работников ощущение стабильности и защищенности, формируют лояльность к компании и мотивируют их к продолжительному сотрудничеству.

Важно также предусмотреть механизмы защиты системы материального стимулирования от резких колебаний финансовых показателей компании. Например, можно создавать резервные фонды для обеспечения стабильности выплат или использовать страховые механизмы (Комарова, Кукушкин, 2022). При этом система должна оставаться гибкой и позволять корректировать размер и формы материального стимулирования в зависимости от экономической ситуации, но без резких изменений, способных демотивировать персонал.

В условиях санкционного давления и экономической турбулентности особую значимость приобретают нематериальные факторы мотивации персонала, способные компенсировать возможные ограничения в материальном стимулировании, например, «workplace wellness» («оздоровление на рабочем месте») (Lazarević, Lukić-Nikolić, 2021). Прежде всего, экономическая ситуация создает повышенный уровень неопределенности и тревожности среди сотрудников, связанный с потенциальными рисками для стабильности их занятости, возможным изменением условий труда, что повышает уровень стресса и может приводить к эмоциональному выгоранию, снижению производительности труда и увеличению количества профессиональных ошибок.

В условиях санкций многие предприятия вынуждены оптимизировать свои процессы, что часто приводит к увеличению нагрузки на оставшихся сотрудников. Это создает дополнительное психологическое давление, требующее профессиональной поддержки для сохранения психологического здоровья работников. Кроме того, возникает необходимость быстрой перестройки бизнес-процессов, освоения новых компетенций и технологий, что также является существенным стресс-фактором для персонала.

Внедрение комплексной системы поддержки психологического благополучия позволяет решить несколько стратегических задач. Во-первых, регулярные сессии с профессиональными психологами помогают сотрудникам лучше справляться с неопределенностью и тревожностью, сохранять эмоциональную устойчивость в сложных ситуациях. Это особенно важно для ключевых специалистов и руководителей среднего звена, от эмоционального состояния которых зависит эффективность работы целых подразделений.

Программы управления стрессом и майндфулнес-практики становятся эффективным инструментом профилактики профессионального выгорания, которое особенно опасно в условиях повышенной нагрузки и неопределенности (Levy, Thorndike, 2019). Они помогают сотрудникам развивать навыки эмоциональной саморегуляции, что критически важно для поддержания высокой работоспособности в стрессовых условиях.

Использование корпоративных приложений для мониторинга эмоционального состояния позволяет своевременно выявлять сотрудников, находящихся в зоне риска, и предоставлять им адресную поддержку. Это особенно актуально в ситуации, когда традиционные системы мотивации могут быть ограничены санкционным давлением, и компании нуждаются в альтернативных способах поддержки персонала.

Важно отметить, что внедрение концепции «workplace wellness» также способствует формированию более устойчивой корпоративной культуры, основанной на принципах взаимной поддержки и заботы о благополучии сотрудников (Marin-Farrona et al., 2023). Это создает дополнительный фактор удержания ценных специалистов в компании, что особенно важно в условиях возможного обострения конкуренции за квалифицированные кадры на фоне санкционных ограничений.

Заключение. Исследование показало, что традиционные инструменты материального стимулирования, основанные на прямых денежных выплатах и краткосрочных показателях эффек-

тивности, продемонстрировали свою уязвимость в новых экономических условиях. Это подтверждается опытом крупнейших российских предприятий, таких как АвтоВАЗ и «Северсталь», которые столкнулись с необходимостью приостановки или существенной модификации действующих систем премирования и долгосрочной мотивации.

Предложенная концепция новой системы мотивации персонала производственного предприятия построена на принципах адаптивности, устойчивости и комплексного подхода к стимулированию сотрудников. Данная концепция включает два ключевых направления:

1. Трансформация материального стимулирования через внедрение косвенных форм мотивации: развитие системы корпоративных социальных пакетов с прогрессивной шкалой льгот, зависящей от стажа работы и профессиональных достижений; внедрение программ дополнительного медицинского страхования с расширенным покрытием, создание корпоративных пенсионных программ, формирование резервных фондов для обеспечения стабильности выплат, поддержка предприятия в решении жилищного вопроса (в качестве примера особый интерес представлял опыт «Северстали»: предприятие берет на себя обязательства по компенсации от половины до 90 % ипотечных процентов на протяжении десятилетнего периода).

2. Развитие нематериальной мотивации через внедрение концепции «workplace wellness»: создание комплексной системы психологической поддержки сотрудников, внедрение регулярных сессий с профессиональными психологами, разработка программ управления стрессом и профилактики профессионального выгорания, внедрение практик медитации и майндфулнес, создание корпоративных приложений для мониторинга эмоционального состояния, развитие системы персонализированных рекомендаций по поддержанию ментального здоровья.

Особенностью предлагаемой концепции является её направленность на формирование долгосрочной устойчивости системы мотивации через создание многоуровневой структуры стимулов, менее подверженной влиянию внешних факторов.

Предложенная концепция позволяет решить основные проблемы, выявленные в ходе исследования: снижение зависимости от краткосрочных финансовых показателей, создание долгосрочных механизмов удержания персонала, поддержание высокой производительности труда в условиях повышенной нагрузки и неопределенности. При этом система сохраняет необходимую гибкость для адаптации к меняющимся условиям внешней среды без резких изменений, способных демотивировать персонал.

Список источников:

Амирова А.Г. Психологические критерии эффективного управления персоналом // Молодой ученый. 2024. № 44 (543). С. 235–236.

Бондаренко В.А., Пржедецкая Н.В. Вопросы разработки системы мотивации сотрудников для компаний энергетического сектора // Глобальная ядерная безопасность. 2024. Т. 14, № 1. С. 101–110. https://doi.org/10.26583/gns-2024-01-13.

Буцко В.В. Актуальность известных теорий мотиваций // Актуальные исследования. 2023. № 15–2 (145). С. 61–64.

Вахитова Д.И., Прошкина О.В. Концептуальная модель управления корпоративной политикой компании на основе корпоративной пенсионной программы // Финансовый менеджмент. 2023. № 5–2. С. 17–26.

Верна В.В., Хойна М.Н. Управление благополучием персонала: создание корпоративной «экосистемы well-being» в организации // Вестник Керченского государственного морского технологического университета. Серия: Экономические науки. 2022. № 3. С. 217–230.

Владимиров Н.А., Аквабза Е.О. Совершенствование системы мотивации персонала в нефтегазовой отрасли // Интернаука. 2020. № 4–1 (133). С. 34–36.

Гаврилова М.М., Хасанова З.Б., Карасев А.П. Роль двухфакторной теории мотивации Герцберга в современном мире // Экономический потенциал студенчества в региональной экономике : материалы международной научно-практической конференции / под науч. ред. Л.Г. Батраковой, Н.Л. Будахиной. Ярославль, 2022. С. 247–252.

Комарова В.С., Кукушкин С.Н. Мотивация персонала: опыт российских компаний // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2022. № 1. С. 84–93. https://doi.org/10.21686/2413-2829-2022-1-84-93.

Липко В.Д. Теория ERG Клейтона Альдерфера и ее суть в управлении персоналом // Кадровик. 2023. № 11. С. 59–63.

Панина Э.К., Панина В.З. Современный тренд в развитии теории самоуправления // Цифровая экономика: проблемы и перспективы развития : сборник научных статей 5-й Всероссийской научно-практической конференции. Курск, 2023. С. 302–304.

Пошибаев А.Р. Проблемы и возможности развития предприятий российского агропромышленного комплекса в условиях санкционного давления // Финансовые рынки и банки. 2024. № 4. С. 395–399.

Пурыжова Л.В., Семенова Л.В., Кашпаров Д.В. Исследование системы мотивации персонала производственного предприятия : монография. М., 2023. 103 с.

Седова В.В. Мотивация труда работников предприятия // Экономика и социум. 2023. № 12–1 (115). С. 1399–1403.

Фомина С.А., Мельникова О.В. Совершенствование системы стимулирования персонала производственного предприятия // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2022. № 7. С. 79–88. https://doi.org/10.24412/2304-120X-2022-13006.

Effectiveness of worksite wellness programs based on physical activity to improve workers' health and productivity: a systematic review / M. Marin-Farrona [et al.] // Systematic Reviews. 2023. Vol. 12, no. 1. Article 87. https://doi.org/10.1186/s13643-023-02258-6.

Lazarević S., Lukić-Nikolić J. Importance of workplace wellness programmes in protection of employee health // Sport – Science and Practice. 2021. Vol. 11, no. 2. P. 91–98. https://doi.org/10.5937/snp2102091L.

Levy D.E., Thorndike A.N. Workplace wellness program and short-term changes in health care expenditures // Preventive Medicine Reports. 2019. Vol. 13. P. 175–178. https://doi.org/10.1016/j.pmedr.2018.12.019.

References:

Amirova, A.G. (2024) Psikhologicheskie kriterii effektivnogo upravleniya personalom [Psychological criteria for effective personnel management]. *Young Scientist*. (44 (543)), 235–236. (In Russian)

Bondarenko, V.A. & Przhedetskaya, N.V. (2024) Issues of developing an employee motivation system for energy sector companies. *Global Nuclear Safety*. 14 (1), 101–110. Available from: doi:10.26583/gns-2024-01-13. (In Russian)

Butsko, V.V. (2023) The relevance of known motivation theories. *Aktual'nye issledovaniya*. (15–2 (145)), 61–64. (In Russian)

Fomina, S.A. & Mel'nikova, O.V. (2022) Improvement of the personnel incentive system at manufacturing company. *Concept*. (7), 79–88. Available from: doi:10.24412/2304-120X-2022-13006. (In Russian)

Gavrilova, M.M., Khasanova, Z.B. & Karasev, A.P. (2022) The role of herzberg's two-factor theory of motivation in the modern world. In: Batrakova, L.G. & Budakhina, N.L. (sci eds.) *Ekonomicheskiy potentsial studenchestva v regional'noy ekonomike* [The economic potential of students in the regional economy]. Yaroslavl, pp. 247–252. (In Russian)

Komarova, V.S. & Kukushkin, S.N. (2022) Personnel Motivation: Experience of Russian Companies. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*. (1), 84–93. Available from: doi:10.21686/2413-2829-2022-1-84-93. (In Russian)

Lazarević, S. & Lukić-Nikolić, J. (2021) Importance of workplace wellness programmes in protection of employee health. *Sport – Science and Practice*. 11 (2), 91–98. Available from: doi:10.5937/snp2102091L.

Levy, D.E. & Thorndike, A.N. (2019) Workplace wellness program and short-term changes in health care expenditures. *Preventive Medicine Reports*. 13, 175–178. Available from: doi:10.1016/j.pmedr.2018.12.019. (In Russian)

Lipko, V.D. (2023) Clayton Alderfer's erg theory and its essence in personnel management. *HR Manager*. (11), 59–63. (In Russian)

Marin-Farrona, M., Wipfli, B. & Thosar, S.S. et al. (2023) Effectiveness of worksite wellness programs based on physical activity to improve workers' health and productivity: a systematic review. *Systematic Review*. 12 (1), 87. Available from: doi:10.1186/s13643-023-02258-6.

Panina, E.K. & Panina, V.Z. (2023) Sovremennyy trend v razvitii teorii samoupravleniya [The current trend in the development of the theory of self-government]. In: *Tsifrovaya ekonomika: problemy i perspektivy razvitiya* [Digital economy: problems and prospects of development]. Kursk, pp. 302–304. (In Russian)

Poshibaev, A.R. (2024) Problems and opportunities for the development of enterprises of the Russian agro-industrial complex in the conditions of sanctions pressure. *Financial Markets and Banks*. (4), 395–399. (In Russian)

Puryzhova, L.V., Semenova, L.V. & Kashparov, D.V. (2023) *Issledovanie sistemy motivatsii personala proizvodstvennogo predpriyatiya* [Research of the motivation system of the personnel of the production enterprise]. Moscow. 103 p. (In Russian)

Sedova, V.V. (2023) Work motivation of enterprise employees. *Economy & Society*. (12–1 (115)), 1399–1403. (In Russian)

Vakhitova, D.I. & Proshkina, O.V. (2023) Conceptual model for managing a company's corporate policy based on a corporate pension program. *Financial Management*. (5–2), 17–26. (In Russian)

Verna, V.V. & Khoyna, M.N. (2022) Managing stuff prosperity: creating a well-being corporate ecosystem in an organization. *Bulletin of the Kerch State Marine Technological University. Series: Marine Technologies*. (3), 217–230. (In Russian)

Vladimirov, N.A. & Akvabza, E.O. (2020) Sovershenstvovanie sistemy motivatsii personala v neftegazovoy otrasli [Improving the personnel motivation system in the oil and gas industry]. *Internauka*. (4–1 (133)), 34–36. (In Russian)

Информация об авторе

М.М. Столбов – аспирант, Государственный университет просвещения, Москва, Россия; генеральный директор, ООО «Лидер», Москва, Россия.

Конфликт интересов:
автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

M.M. Stolbov – PhD Student, State University of Education, Moscow, Russia; General Director, Leader LLC, Moscow, Russia.

Conflicts of interests:
The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 06.12.2024;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.02.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 25.02.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья
УДК 371.3:372.881.161.1
https://doi.org/10.24158/spp.2025.2.8

Актуализация творческого потенциала обучающихся в процессе формирования лингвокультурологической компетенции при обучении русскому языку как иностранному в Республике Узбекистан

Галина Ивановна Колесникова[1]✉, Виктор Андреевич Калинин[2]
[1,2]Филиал Казанского (Приволжского) федерального университета, Джизак, Узбекистан
[1]galina_kolesnik_@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0002-4760-9839

Аннотация. В статье предлагается апробированная методика использования творческого потенциала обучающихся при формировании лингвокультурологической компетенции в процессе обучения русскому языку как иностранному. Методика создана на основе теоретических научных работ экзистенциально-гуманистического направления. Апробация методики была осуществлена на базе Джизагского университета в течении 2022/2023 и 2023/2024 учебных годов. Вклад профессора Г.И. Колесниковой в исследование актуализации творческого потенциала обучающихся при формировании лингвокультурологической компетенции состоит в том, что на основе ее работ о концепте «творчество», структуре творческого процесса, специфике качеств творческой личности и личности, способной к противодействию манипуляционному влиянию, была разработана указанная методика. Вклад В.А. Калинина в исследование заключался в разработке методики и последующем ее внедрении в педагогический процесс.

Ключевые слова: творчество, лингвокультурология, компетенции, обучение, русский как иностранный
Финансирование: инициативная работа.
Для цитирования: Колесникова Г.И., Калинин В.А. Актуализация творческого потенциала обучающихся в процессе формирования лингвокультурологической компетенции при обучении русскому языку как иностранному в Республике Узбекистан // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 2. С. 87–94. https://doi.org/10.24158/spp.2025.2.8.

Original article

Actualization of Students' Creative Potential in the Process of Forming Linguistic and Cultural Competence in Teaching Russian as a Foreign Language in the Republic of Uzbekistan

Galina I. Kolesnikova[1]✉, Viktor A. Kalinin[2]
[1,2]Branch of Kazan (Volga Region) Federal University, Jizzakh, Uzbekistan
[1]galina_kolesnik_@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0002-4760-9839

Abstract. The article offers a proven method of using the creative potential of students in the formation of linguistic and cultural competence in the process of teaching Russian as a foreign language. The methodology was created on the basis of theoretical scientific works of the existential-humanistic direction. The implementation of this methodology was conducted at Dzhizag University during the 2022/2023 and 2023/2024 academic years. The contribution to the study of the actualization of students' creative potential in the process of forming linguistic and cultural competence in teaching Russian as a foreign language by Professor G.I. Kolesnikova is that based on her work on the concept of "creativity", the structure of the creative process, the specifics of the qualities of a creative personality A method was developed jointly with V.A. Kalinin for the development of a personality capable of resisting manipulative influence. V.A. Kalinin's contribution to the research consisted in the development of a methodology and its subsequent implementation in the pedagogical process.

Keywords: creativity, linguoculturology, competencies, learning, Russian as a foreign language
Funding: Independent work.
For citation: Kolesnikova, G.I. & Kalinin, V.A. (2025) Actualization of Students' Creative Potential in the Process of Forming Linguistic and Cultural Competence in Teaching Russian as a Foreign Language in the Republic of Uzbekistan. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics.* (2), 87–94. Available from: doi:10.24158/spp.2025.2.8 (In Russian).

Актуальность. В сложных условиях общества постмодерна одними из важных задач национальной политики России являются государственная поддержка сохранения и развития этнонациональной и региональной культуры, развитие взаимодействия национальных культур, региональных идентичностей и модернизации[1] посредством их включения в контекст русской идеи

[1] Доктрина национального единства – конфликт ценностных течений [Электронный ресурс] // IA-centr.ru. URL: https://clck.ru/3G589y (дата обращения: 15.12.2024).

© Колесникова Г.И., Калинин В.А., 2025

и «собирания земель русских». Это вполне согласуется с концептом идеи Русского мира, которая в XXI столетии приобретает особое значение: «В наше сложное время мы должны искать новые адекватные формы исторической общности людей. Русский мир может и должен объединить все тех, кому дорого русское слово и русская культура, где бы они ни жили, в России или за ее пределами, и к какой бы этнической группе ни принадлежали»[1]. Именно через русский язык приобщение к Русскому миру представляет собой на символическом уровне культурно-историческое единство людей, чувствующих сопричастность русской культуре независимо от национальной или государственной принадлежности.

Следовательно, изучение русского языка как иностранного за пределами Российской Федерации фактически есть не только и не столько знакомство с русской культурой, сколько интеграция в русскую культуру всех тех, кто независимо от национальности считает себя русским или интуитивно чувствует свою причастность к Русскому миру на ценностно-мотивационном уровне. Таким образом, преподавание русского языка как иностранного, особенно за пределами Российской Федерации, приобретает архиважное значение и может трактоваться как фактор, интегрирующий не только в русскую культуру, но и в русскую ментальность. Инициирующим механизмом данного интеграционного процесса может стать творческий потенциал иностранцев, изучающих русских язык, при формировании лингвокультурологической компетенции в процессе обучения русскому языку как иностранному.

Теоретико-методологическую базу исследования составили работы представителей экзистенциально-гуманистического направления: труды А. Маслоу, полагавшего, что главное в жизни личности – самоактуализация, творческий процесс раскрытия и доведения до совершенства своего потенциала (2003); работы Н.А. Бердяева, считавшего индивидуальное творческое начало проявлением высшего по отношению к низшему (2010); концепция потребностей Рубье, в контексте которой высшей потребностью личности является потребность в творческой реализации (Колесникова, 2006); ранние работы М. Хайдеггера, определявшего в тот период творческий экстаз как наиболее адекватную форму существования человека – носителя подлинно человеческих качеств (1988); а также основные положения о структуре творческого процесса и творческой личности, обозначенные в наших работах (Колесникова, 2021), и представления об отношениях между потенциями и тенденциями в структуре индивидуальности В.А. Ганзена и Л.А. Головей (1982).

Цель работы заключается в ознакомлении научно-педагогического сообщества с теоретически и методологически обоснованной методикой использования творческого потенциала обучающихся при формировании лингвокультурологической компетенции в процессе обучения русскому языку как иностранному. Достижение данного результата осуществляется через решение ряда задач: 1) предоставление научно обоснованной теоретико-методологической базы методики использования творческого потенциала обучающихся при формировании лингвокультурологической компетенции в процессе обучения русскому языку как иностранному; 2) структурированное изложение апробированной на базе Джизагского университета в течение 2022/2023 и 2023/2024 учебных годов методики актуализации творческого потенциала.

Основная часть. Основа для разработки методики формирования лингвокультурологической компетенции в процессе обучения русскому языку как иностранному – актуализация творческого потенциала – была выбрана неслучайно, поскольку, исходя из исследований, именно творчество, инициируемое личностной мотивацией, является наиболее продуктивным познавательным стимулом. При этом творчество как социальный феномен имеет четкую структуру, каждый из элементов которой представляет собой самостоятельное явление. К элементам структуры творчества как социального феномена относятся следующие:

1) творческая личность;

2) пиковая эмоционально насыщенная ситуация;

3) творческий процесс, включающий в себя три этапа: а) постановку проблемы / формулирование цели, б) накопление материала / работу над проблемой на сознательном и бессознательном уровнях, в) инсайт;

4) результат творчества, главным критерием которого является создание принципиально нового;

5) анализ результата, который может производить сам автор, его ближнее окружение, современники, потомки.

Оценка результата на всех этих уровнях может не совпадать, а на некоторых – кардинально различаться. Первый и второй этапы могут меняться местами в зависимости от уровня развития творческой личности. Имеется в виду, что на высшем уровне, определяемом «жизнь как вид искусства», творчество становится неотъемлемой естественной частью жизни личности (Колесникова, 2021: 51–52) (рисунок 1).

[1] Мы русский мир построим! // Литературная газета. 2006. 12 дек. № 49.

Рисунок 1 *– Структура творчества как социального феномена*[1]

Figure 1 *– Structure of Creativity as a Social Phenomenon*

Таким образом, собственно творческая личность предстает в качестве инициатора эмоционально насыщенного состояния, предшествующего возникновению творческого процесса, в то время как на более низких уровнях пиковое, как правило негативное, эмоциональное состояние предшествует пробуждению творческой активности личности (Колесникова, 2018). Другими словами, «на высоком уровне развития творчество является осознаваемой потребностью личности, на низком – возникновение творчества инициирует ситуация дисгармонии» (Колесникова, 2021: 41).

Антропологи, как правило отрицательно настроенные против биологических объяснений поведения личности, доминирующих относительно долгое время в психолого-психиатрической и педагогической среде, подчеркивали значение культурной матрицы[2], в которой и происходит развитие личности. Но если бы личность была полностью продуктом культуры, то распределение личностных типов было бы неодинаково, так как насколько разнообразны культуры, настолько же различны и шаблоны поведения, вызывающие одобрение (Ганзен, Головей, 1982).

Рассмотрение структуры личности сквозь призму этих данных приводит к неоднозначному выводу: структура личности одновременно имеет вневременной характер и обладает вариативностью в зависимости от индивидуальных особенностей, поскольку каждая творческая личность имеет определенный способ явления себя миру. Данный способ, по сути, есть результат ее творческой активности. При этом творческая личность обладает отличительными чертами: воображение, воля, смелость и мужество, вера, критическое и рефлексивное мышление, стремление к самосовершенствованию (Колесникова, 2014). В результате сравнения перечисленных качеств творческой личности с качествами, которыми обладает личность, способная противостоять манипуляционному воздействию: оптимизм, адекватная самооценка, «неустойчивое равновесие», критическое и рефлексивное мышление (Колесникова, 2014), были выявлены общие, базовые качества личности – критическое и рефлексивное мышление. Именно эти две составляющие были взяты за точку опоры при создании методики по использованию творческого потенциала обучающихся при формировании лингвокультурологической компетенции в процессе обучения русскому языку как иностранному (таблица 1).

Таблица 1 *– Качества личности*

Table 1 *– Qualities of Personality*

Творческая личность	**Личность, способная противостоять манипуляционному воздействию**
Воображение	Оптимизм
Воля	Адекватная самооценка
Смелость и мужество	«Неустойчивое равновесие»
Вера	Критическое мышление
Критическое мышление	Рефлексивное мышление
Рефлексивное мышление	
Стремление к самосовершенствованию	

[1] Все рисунки и таблицы в статье составлены авторами.

[2] Самыгин С.И., Волков Ю.Г., Епифанцев С.Н., Колесникова Г.И. Творчество // Концепции современного естествознания : учеб. пособ. / под ред. С.И. Самыгина. М., 2018. С. 348–357.

К методам активизации творческого потенциала студентов при изучении и углублении знаний по русскому языку как иностранному относятся театрализованные мероприятия, аудиопостановки произведений русских классиков, поэтические вечера, творческие встречи. Важным способом повышения интереса к русской культуре является метод, названный нами «перевертыш», созданный на основе конвергентного подхода, суть которого заключается в постановке произведений русских классиков на узбекском языке, а узбекских – на русском. Далее применение этих методов показано на примерах.

Обучение абитуриентов и студентов филиала Казанского (Приволжского) федерального университета в г. Джизаке русскому языку как иностранному является важнейшим направлением работы вуза. В связи с тем что в Джизакской области и ее центре находится небольшое количество школ с преподаванием предметов на русском языке, многие студенты испытывают трудности с обучением, подразумевающим владение русским на продвинутом уровне.

Идеологическая миссия филиала КФУ в Республике Узбекистан представляет собой развитие межкультурной коммуникации на стыке узбекского, российского и татарского лингвокультурологического многообразия. Благодаря этому феномену конвергентный процесс обучения студентов различных профилей подготовки неразрывно связан с формированием языковых и межкультурных компетенций (рисунок 2).

Рисунок 2 *– Особенности академической среды филиала КФУ в Джизаке*

Figure 2 *– Features of the Academic Environment of the KFU Branch in Jizzakh*

Одним из эффективных подходов к развитию лингвокультурологических компетенций студентов можно отнести методический подход, актуализирующий творческий потенциал обучающихся. Примером в данном случае является метод театральной педагогики, позволяющий развить не только личностные компетенции, но и такие предметные аспекты, как знание языковых средств и их функций, использование языковых средств с определенным коммуникативным потенциалом, владение фоновыми механизмами речевой деятельности, необходимыми для освоения русского языка как иностранного.

Драматическая и театрализованная деятельность – важнейшее средство развития у обучающихся способности распознавать эмоциональное состояние человека по мимике, жестам, интонации, уметь ставить себя на его место в различных ситуациях, находить адекватные способы содействия. Эти виды деятельности позволяют решать многие проблемные ситуации опосредованно, от лица какого-либо персонажа. Правильный подбор приемов драматической педагогики дает возможность организовать работу над любым языковым и речевым материалом целостно в рамках коммуникативной ситуации (Нельзина и др., 2016).

Одним из приемов театральной педагогики является театральная постановка. В рамках обучения русскому языку это любое театральное представление, например пьеса, мюзикл, драма, комедия, реализованное по книге или сценарию. В создании постановки участвуют обучающиеся, выполняющие функции актеров, художников, музыкантов, декораторов, а также сам педагог в роли режиссера, актера или руководителя процесса. Театральная постановка включает в себя выбор театрального текста, языковую подготовку, фонетическое чтение, работу над произношением, интонированием, грамматическими и лексическими конструкциями, распределение и разучивание ролей, песен, танцев, обсуждение костюмов, декораций и т. д. Таким образом, все аспекты речевого акта применяются во время разного рода театральных практик.

Театральная постановка как вид деятельности развивает у студентов креативность, способность к саморегуляции, умение принимать нестандартные решения и быстро действовать в динамично меняющихся ситуациях (Пантыкина, 2019). Как отмечает в одной из своих статей П. Дэвис, театральная постановка в процессе обучения иностранному языку укрепляет связь между мыслью и ее выражением в языке, обеспечивает практику суперсегментных и паралингвистических процессов и развивает навык аудирования (Davies, 1990).

Если рассматривать театральную педагогику как часть эклектичного подхода к преподаванию языка, она может стать основным подспорьем в приобретении лингвокультурологической и коммуникативной компетенции. Виды драматической и театрализованной деятельности дают возможность студенту решать сложные проблемы, принимая облик персонажа. Грамотно подобранные методы драматической педагогики способствуют комплексной работе с любым языковым и речевым материалом в контексте коммуникативной ситуации. Ориентированность на обучающегося, присущая данному методу, развивает чувство ответственности и усиливает мотивацию, в связи с тем что сам обучаемый, а не язык или даже преподаватель, находится в центре учебного процесса.

В Республике Узбекистан сохраняют популярность театрализованные ритуалы, связанные с культурой и традициями страны. Например, регулярно проводятся публичные мероприятия в честь празднования Навруза, включающие в себя танцы, театральные постановки и музыкальные представления. Празднование узбекской свадьбы также предполагает множество обрядов, связанных с костюмированными представлениями и театральными действиями. Таким образом, в мировосприятии узбекской молодежи драма играет важную роль (Калинин, 2024).

Учитывая этот факт, мы использовали методы театральной педагогики при обучении студентов Джизакского филиала Казанского (Приволжского) федерального университета русскому языку. В целях развития лингвокультурологических компетенций для постановок были выбраны темы, близкие интересам обучающихся: социальная и культурная жизнь молодежи, широко обсуждаемые моменты мировой истории, военные конфликты и их последствия.

В частности, нами была выбрана пьеса В. Коростылева «Варшавский набат», посвященная подвигу и трагической гибели известного польского педагога Януша Корчака и воспитанников из его детского приюта во время Второй мировой войны. В процессе проработки языковых трудностей текста пьесы студенты-актеры изучили лексические, грамматические и стилистические особенности, а также интонирование и фонетические аспекты отдельных слов и выражений. Например, при проработке фразы «Что? Что я опровергну этот слушок?» осуществлен морфологический разбор слов с определением их синтаксической роли в предложении. Для произнесения слов «розовощекий», «бефстроганов», «оберштурмбанфюрер» понадобился фонетический (звукобуквенный) разбор. Для правильного произнесения имен собственных (Матиуш, Треблика) применялся орфоэпический анализ. В процессе данного этапа работы у студентов развиваются такие предметные умения, как грамотность устной речи, языковая интуиция и коммуникативные навыки. Постановка «Варшавский набат» была показана за пределами университета, что сыграло важную роль в популяризации русского языка и русской культуры в Джизаке.

Другим примером использования театральной методики в обучении русскому языку как иностранному является постановка спектакля «Невидимые миру слезы» по рассказам А.П. Чехова на русском и узбекском языках. Подготовка адаптированных текстов рассказов «Невидимые миру слезы» (Dunyoga ko‘rinmas ko‘z yoshlar) и «Неудача» (Muvaffaqiyatsizlik) для постановки на узбекском языке позволила студентам направления «Лингвистика» развить такие навыки перевода художественного текста, как понимание роли фоновых знаний в переводе, использование лексических трансформаций и подбор лексических соответствий. Важной особенностью данной практики является развитие межкультурной интеграции студентов, участвующих в творческом процессе, а также сопричастных процессу зрителей.

Введение иностранного обучающегося в культурную среду, знакомство с национальной культурой страны изучаемого языка является одной из основных задач в преподавании языка как иностранного. Поэтический текст на изучаемом языке является естественным выразителем языковой и культурной среды (Улазаева, Хабдаева, 2021). Таким образом, творческие поэтические

встречи не только развивают языковые навыки студентов, но и формируют их лингвокультурологическую компетенцию.

Примерами использования данного метода являются встречи студентов филиала КФУ в Джизаке, посвященные творчеству поэта Б. Окуджавы, театрально-поэтическая читка поэмы Е. Евтушенко «Казанский университет», а также тематический поэтический вечер, охватывающий творчество русских, узбекских и татарских поэтов. Знакомство с философской, военной и гражданской лирикой поэтов изучаемого языка формирует критическое мышление студентов, развивает их культурную компетенцию, обеспечивающую целостность культурного пространства академической иноязычной среды и его креативного потенциала. Таким образом, применение иностранного языка становится не целью, а средством выражения мысли и эмоции в рамках творческого процесса.

Особой платформой для актуализация творческого потенциала студентов в процессе формирования лингвокультурологической компетенции при обучении русскому языку как иностранному является литературный клуб филиала. Особенность проекта заключается в использовании конвергентного подхода в образовании как основы развития личности студента. Одной из важных задач данного проекта выступает создание электронных ресурсов литературного клуба для развития коммуникативных навыков и социальной активности его участников.

В Джизаке существует не много аналогов, связанных с данным направлением. Одним из ярких примеров является предметный кружок «Дебют» в ДжГПУ под руководством Олега Алексеевича Кима. Однако в отличие от данного кружка литературный клуб филиала КФУ подразумевает более сложную структуру организации, создание онлайн-платформы, а также непосредственную литературную направленность, реализуемую за счет привлечения специалистов Казанского федерального университета.

В современном мире литературные аудиоиздания набирают все большую популярность. Идея создания аудиоверсии художественных произведений в рамках работы литературного клуба филиала преследует несколько целей: 1) создание поликультурной среды (запись узбекских текстов на русском и иностранных языках, запись русских и иностранных текстов на узбекском языке); 2) актуализация творческого потенциала обучающихся в процессе формирования лингвокультурологической компетенции при обучении русскому языку как иностранному. Так, за время существования клуба были записаны роман Пиримкула Кодырова «Звездные ночи» на русском языке, а также некоторые произведения А.П. Чехова на узбекском.

Выводы. Творческий потенциал личности является мощным фактором, инициирующим и одновременно направляющим деятельность личности. Однако инициированная деятельность может быть направлена как в позитивное русло, так и в деструктивное. Знание структуры творческого процесса как социального феномена, этапов творчества и качеств, необходимых личности для адекватного развития в процессе становления самодостаточной, саморазвивающейся и автономной системы, позволяет направлять и активизировать этот процесс.

Примером результативности применения данного знания является формирование лингвокультурологической компетенции при обучении русскому языку как иностранному в Республике Узбекистан. Доказательством эффективности являются следующие факты: а) снижение числа студентов, отчисляемых по причине плохого знания русского языка; б) повышение интереса к русской культуре, инициирующее стремление к изучению русского языка у тех, кто слабо с ним знаком, следствием чего становится увеличение усилий со стороны студентов к изучению русского языка; в) возрастание количества абитуриентов, стремящихся поступить в филиал в Джизаке из школ, в которых не было профильного изучения русского языка.

Список источников:

Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. М., 2010. 316 с.

Ганзен В.А., Головей Л.А. Отношения между потенциями и тенденциями в структуре индивидуальности // Личность и деятельность / отв. ред. А.А. Крылов. Л., 1982. С. 67–78.

Калинин В.А. Методы театральной педагогики в формировании лингвокультурологических компетенций учащихся при обучении русскому языку как иностранному в Республике Узбекистан // Взаимодействия науки, образования и производства в условиях глобализации : междунар. науч.-практ. конф. 2024. (В печати)

Колесникова Г.И. Гармоничный человек: стратегии воспитания и факторы формирования // Интеллектуальная культура Беларуси: методологический капитал философии и контуры трансдисциплинарного синтеза знания : материалы III Междунар. науч. конф. : в 3 т. / отв. ред. А.А. Лазаревич. Минск, 2018. Т. 2. С. 111–114.

Колесникова Г.И. Концепт «творчество», структура творческого процесса, творческая личность – экофилософские основания гармонического единства современного мира // Философия творчества: теоретико-методологические и практические аспекты : коллективная монография / отв. ред. Г.И. Колесникова. М., 2021. С. 8–53.

Колесникова Г.И. Новый взгляд на содержание и структуру личности // Научная мысль Кавказа. 2006. № S1. С. 31–42.

Колесникова Г.И. Социальный механизм манипуляции сознанием личности : монография. М., 2014. 271 с.

Маслоу А. Мотивация и личность / пер. с англ. Т. Гутман, Н. Мухина : 3-е изд. М., 2003. 351 с.

Нельзина Е.Н., Панина Е.Ю., Луговцева Е. Драматическая и театральная педагогика на уроках иностранного языка // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. 1: Психологические и педагогические науки. 2016. № 2-2. С. 125–130.

Пантыкина Н.И. Театр в образовании: опыт применения театральных постановок в обучении иностранному языку // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2019. № 1 (22). С. 117–120.

Улазаева Г.В., Хабдаева А.К. Об изучении поэтических текстов на уроках по русскому языку как иностранному // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. 2021. № 4. С. 92–96. https://doi.org/10.18101/2307-3330-2021-4-92-96.

Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Проблема человека в западной философии / сост. и послесл. П.С. Гуревича ; общ. ред. Ю.Н. Попова. М., 1988. С. 319–325.

Davies P. The use of drama in English language teaching // TESL Canada Journal. 1990. Vol. 8, no. 1. P. 87–99. https://doi.org/10.18806/tesl.v8i1.581.

References:

Berdyaev, N.A. (2010) Slavery and freedom. Moscow, AST. (In Russian)

Davies, P. (1990) The use of drama in English language teaching. *TESL Canada Journal*. 8 (1), 87–99. Available from: doi:10.18806/tesl.v8i1.581.

Ganzen, V.A. & Golovey, L.A. (1982) Relationships between potentials and tendencies in the structure of individuality. In: Krylov, A.A. (ed.) *Personality and activity*. Leningrad, LGU, 67–78. (In Russian)

Heidegger, M. (1988) Letter on humanism. In: Popov, Yu.N. (ed.) *Problem of man in Western philosophy*. Moscow, Nauka, 319–325. (In Russian)

Kalinin, V.A. (2024) Methods of theatrical pedagogy in the formation of linguacultural competencies of students in teaching Russian as a foreign language in the Republic of Uzbekistan. In: *Interaction of science, education and production in the context of globalization: International scientific and practical conference*. (In print)

Kolesnikova, G.I. (2021) The concept of "creativity", the structure of the creative process, the creative personality – eco-philosophical foundations of the harmonious unity of the modern world. In: Kolesnikova, G.I. (ed.) *Philosophy of creativity: Theoretical, methodological and practical aspects*. Moscow, ANO CEMI; Arkhon, 8–53. (In Russian)

Kolesnikova, G.I. (2018) Harmonious person: Education strategies and formation factors. In: Lazarevich, A.A. (ed.) *Intellectual culture of Belarus: Methodological capital of philosophy and contours of transdisciplinary synthesis of knowledge: Materials of the III International scientific conference. Vol. 2*. Minsk, Chetyre Chetverti, 111–114. (In Russian)

Kolesnikova, G.I. (2014) Social mechanism of manipulation of personality consciousness. Moscow, Direct-Media. (In Russian)

Kolesnikova, G.I. (2006) New look at the content and structure of personality. *Scientific Thought of Caucasus*. (S1), 31–42. (In Russian)

Maslow, A. (2003) Motivation and personality. Moscow, Piter. (In Russian)

Nelzina, E.N., Panina, E.U. & Lugovceva, E. (2016) Drama and theater pedagogic at foreign language lessons. *Vestnik Permskogo Gosudarstvennogo Gumanitarno-Pedagogicheskogo Universiteta. Ser. 1: Psikhologicheskie i Pedagogicheskie Nauki*. (2-2), 125–130. (In Russian)

Pantykina, N.I. (2019) The application of theatre performance as art-technology in a foreign language learning. *Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research*. (1), 117–120. (In Russian)

Ulazaeva, G.V. & Khabdaeva, A.K. (2021) On the study of poetic texts in the lessons of Russian as a foreign language. *BSU bulletin. Education. Personality. Society*. (4), 92–96. Available from: doi:10.18101/2307-3330-2021-4-92-96. (In Russian)

Информация об авторах

Г.И. Колесникова – доктор философских наук, профессор ВАК РФ, профессор кафедры общественных наук, филиал Казанского (Приволжского) федерального университета, Джизак, Узбекистан.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=630278

Google Scholar ID Cg9JJEEAAAAJ.

ID Web of Science LVA-1566-2024.

В.А. Калинин – преподаватель кафедры общественных наук, филиал Казанского (Приволжского) федерального университета, Джизак, Узбекистан.

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов:
авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

G.I. Kolesnikova – D.Phil., Professor of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation, Professor at the Department of Social Sciences, Branch of Kazan (Volga Region) Federal University, Jizzakh, Uzbekistan.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=630278

Google Scholar ID Cg9JJEEAAAAJ.

ID Web of Science LVA-1566-2024.

V.A. Kalinin – Lecturer at the Department of Social Sciences, Branch of Kazan (Volga Region) Federal University, Jizzakh, Uzbekistan.

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article.

Conflicts of interests:
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 30.12.2024;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 27.01.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 25.02.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья
УДК 355.233.231.1
https://doi.org/10.24158/spp.2025.2.9

Патриотическое воспитание современной российской молодежи: основные проблемы и перспективные направления

Петр Андреевич Пономарев[1], Виктор Викторович Шалин[2], Сергей Иванович Самыгин[3]
[1]Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия, ponomarev_p@mail.ru, https://orcid.org/0009-0004-2436-0251
[2]Кубанский государственный аграрный университет, Краснодар, Россия, prepod1951@mail.ru
[3]Ростовский государственный экономический университет, Ростов-на-Дону, Россия, samygin52@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы функционирования отечественной системы патриотического воспитания молодежи и перспективы ее дальнейшей реализации в контексте политики современного российского государства. Патриотическое воспитание предусматривает осуществление различными государственными и общественными структурами деятельности, направленной на формирование у представителей молодого поколения россиян патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины. Авторы отмечают, что в сознании значительной части молодых людей сохраняются достаточно размытые, неопределенные представления о патриотизме и его сущности. Несмотря на то, что абсолютное большинство представителей отечественной молодежи декларирует безусловную приверженность идеям патриотизма, немалая их часть при этом не ориентирована на проживание в своей стране и работу на благо общества. Заключается, что патриотическое воспитание молодежи в условиях трансформационных процессов в российском обществе представляет собой сложную многокомпонентную систему, характеризующуюся высоким уровнем динамизма и изменчивости, степень эффективности функционирования которой зависит от скоординированной работы всех субъектов воспитательного процесса.

Ключевые слова: молодежь, патриотизм, воспитание, социализация, патриотическое воспитание, духовно-нравственное воспитание, духовный суверенитет, духовное единство, традиционные ценности, молодежная политика, национальная безопасность

Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Пономарев П.А., Шалин В.В., Самыгин С.И. Патриотическое воспитание современной российской молодежи: основные проблемы и перспективные направления // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 2. С. 95–102. https://doi.org/10.24158/spp.2025.2.9.

Original article

Patriotic Education of Modern Russian Youth: The Main Problems and Promising Directions

Peter A. Ponomarev[1], **Viktor V. Shalin[2], Sergey I. Samygin[3]**
[1]Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia, ponomarev_p@mail.ru, https://orcid.org/0009-0004-2436-0251
[2]Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia, prepod1951@mail.ru
[3]Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia, samygin52@bk.ru

Abstract. The article examines the main problems of the functioning of the national system of patriotic education of youth and the prospects for its further implementation in the context of the policy of the modern Russian state. Patriotic education involves the implementation by various state and public structures of activities aimed at the formation of patriotic consciousness, a sense of loyalty to the Fatherland, readiness to fulfill civic duty and constitutional obligations to protect the interests of the Motherland in the representatives of the young generation of Russians. The authors note that in the minds of a significant part of young people there are still rather vague and uncertain ideas about patriotism and its essence. Despite the fact that the absolute majority of young people declare unconditional commitment to the ideas of patriotism, many of them are not oriented towards living in their country and working for the benefit of society. Conclusion dwells upon the fact that the patriotic education of young people in the conditions of transformation processes in Russian society is a complex multi-component system characterized by a high level of dynamism and variability, the degree of effectiveness of its functioning depends on the coordinated work of all subjects of the educational process.

© Пономарев П.А., Шалин В.В., Самыгин С.И., 2025

Keywords: youth, patriotism, upbringing, socialization, patriotic education, spiritual and moral education, spiritual sovereignty, spiritual unity, traditional values, youth policy, national security

Funding: Independent work.

For citation: Ponomarev, P.A., Shalin, V.V. & Samygin, S.I. (2025) Patriotic Education of Modern Russian Youth: The Main Problems and Promising Directions. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics.* (2), 95–102. Available from: doi:10.24158/spp.2025.2.9 (In Russian).

Введение. Патриотическое воспитание в условиях множественности вызовов внешнего и внутреннего характера становится в российском обществе приоритетным направлением политики, направленной на обеспечение национальной безопасности страны. В этом отношении особенно значимо патриотическое воспитание молодежи, поскольку именно от нее зависит будущее страны, перспективы развития нашего государства. В соответствии с принятым в 2024 г. Указом Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», планируется увеличить до 75 % долю молодых людей, участвующих в проектах и программах, направленных на профессиональное, личностное развитие и патриотическое воспитание. В тексте документа предусматривается создание к 2030 г. условий для воспитания гармонично развитой, патриотичной и социально ответственной личности на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей[1].

Молодежь, в состав которой входят молодые граждане от 14 до 35 лет, составляет в современной России очень значительную социально-демографическую группу: в соответствии с данными, представленными Федеральной службой государственной статистики в РФ, проживает около 38 млн молодых людей (25,9 % общей численности населения Российской Федерации)[2]. При этом в соответствии с прогнозами, разработанными экспертами, представляющими данную федеральную службу, к 2030 г. ожидается рост численности молодежи в возрасте от 14 до 24 лет (примерно на 2,7 млн человек), что предполагает увеличение нагрузки на образовательные и воспитательные организации[3].

Особое значение в аспекте деятельности, направленной на патриотическое воспитание, имеет младшая когорта молодежи, переживающая процесс складывания ценностей личности и гражданина: важным моментом в воспитании молодого гражданина является формирование устойчивой системы убеждений патриотического характера, закладывающейся в более раннем возрасте и определяющей повеление человека в обществе. В данной ситуации приоритетной для современного государства задачей является проведение политики, ориентированной на формирование и развитие патриотически настроенного молодого поколения российских граждан, способных гарантировать суверенитет, укрепить национальную безопасность и обеспечить эффективное, поступательное развитие страны.

Результаты и обсуждение. Патриотическое воспитание, как следует из содержания специальных нормативно-правовых актов, предусматривает систематическую и целенаправленную деятельность органов публичной власти, общественных объединений, иных институтов гражданского общества, направленных на формирование у молодых граждан патриотического сознания, воспитании чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины[4].

Необходимо отметить, что в Российской Федерации принят ряд официальных документов, регламентирующих характер и содержание деятельности, связанной с патриотическим воспитанием молодежи. Так, ключевые направления в рамках организации патриотического воспитания представителей молодежи в нашей стране нашли отражение в нормативных актах и государственных программах, в которых патриотизм рассматривается в качестве одной из приоритетных традиционных российских ценностей нравственного характера, обеспечивающей духовное единство страны. В Конституции России, как основном законе страны, в частности, подчеркивается, что «дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному

[1] О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 [Электронный ресурс] // Президент России. URL: http://kremlin.ru›acts/bank/50542 (дата обращения: 24.01.2025).

[2] Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284 (дата обращения: 25.01.2025).

[3] Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 г. : распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.08.2024 г. № 2233-р [Электронный ресурс]. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

[4] Там же.

и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим»[1].

В тексте законодательного акта, посвященного непосредственно государственной молодежной политике, в качестве одного из ведущих направлений последней также выделяется патриотическое воспитание[2].

В Федеральном законе «О государственной молодежной политике» патриотическому воспитанию молодежи посвящена целая статья, в которой раскрываются полномочия российских органов публичной власти в области патриотического, а также духовно-нравственного воспитания молодежи: так, на Правительство РФ возложена функция, связанная с утверждением комплекса мер по патриотическому воспитанию молодых россиян и организацией практической реализации этих мероприятий, на региональные органы государственной власти – полномочия по утверждению соответствующих мер на уровне субъектов Российской Федерации (здесь предусмотрен учет как социальных потребностей молодых людей, проживающих в данном регионе, так и их национальных и этнокультурных особенностей). Органы власти различных уровней призваны, исходя из положений рассматриваемого закона, содействовать центрам патриотического воспитания молодежи, а также другим организациям, осуществляющим воспитательную деятельность в отношении молодых людей и прививающим им патриотические ценности (например, военно-патриотические объединения и клубы, историко-краеведческие и другие организации). На органы исполнительной власти также возложена функция, связанная с мониторингом эффективности подобной деятельности[3].

Патриотическое воспитание молодежи закрепляется и в ряде подзаконных нормативно-правовых актов: так, в соответствии со Стратегией развития воспитания в РФ до 2025 г., данная деятельность относится к основным направлениям воспитательной политики и предусматривает «формирование патриотизма, чувства гордости за свою Родину, готовности к защите интересов Отечества, ответственности за будущее России на основе развития программ патриотического воспитания детей и молодежи, в том числе военно-патриотического воспитания»[4].

В целом, на наш взгляд, в современной России сформирована нормативно-правовая база, регулирующая патриотическое воспитание молодого поколения нашего общества. Из содержания основополагающих нормативно-правовых актов следует, что патриотическое воспитание в настоящее время рассматривается как одно из ключевых направлений государственной внутренней политики, как общероссийский национальный приоритет, который должен реализовываться совместными усилиями органов государственной власти и структурами гражданского общества на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. В то же время очевидно, что данное направление воспитательного воздействия должно не просто декларироваться в текстах официальных документов, но и иметь соответствующую реализацию: важно обеспечить активное применение указанной нормативно-правовой базы на практике, осознанное участие представителей молодежи в различных мероприятиях патриотической направленности, проводимых под эгидой различных государственных и общественных инстанций.

В настоящее время в Российской Федерации реализуется федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации»[5], который касается, в том числе, и представителей молодежи. В рамках этого проекта к концу 2024 г., в частности, было достигнуто значительное увеличение числа россиян, вовлеченных в систему патриотического воспитания. Что касается интересующей нас социально-демографической группы, то практически все представители учащейся молодежи так или иначе интегрированы в систему патриотического воспитания (так, рабочие программы воспитания, в том числе патриотического, в настоящее время имеются в каждой организации общего и профессионального образования). В нашей стране действует ассоциация студенческих патриотических клубов «Я горжусь», активно проводятся мероприятия, направленные на популяризацию отечественной истории, функционируют региональные отделения Российского движения детей и молодежи и т. д. В целом, последние годы были отмечены значительным

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 25.01.2025).

[2] О молодежной политике в Российской Федерации : Федеральный закон от 30.12.2020 г. № 489–ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

[3] Там же.

[4] Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г. : распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.05.2015 г. № 996-р [Электронный ресурс]. Там же.

[5] Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Минпросвещения России. URL: https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/ (дата обращения: 26.01.2025).

усилением деятельности общества и государства в направлении патриотического воспитания молодежи: в частности, было организовано большое количество патриотических образовательных форумов, наиболее значимым из которых является Всероссийский патриотический форум, в задачу которого входит определение приоритетных направлений деятельности, связанной с трансляцией патриотических ценностей в сознание представителей молодого поколения. Также создан ряд организаций, в задачу которых входит осуществление деятельности системного характера в области воспитания патриотизма: к данным организациям относятся, в частности, «Большая перемена», «Российское движение школьников», движение «Юнармия» и т. д.

В 2022 г. было создано общероссийское общественно-государственное движение детей и молодежи «Движение первых», программа которого также предусматривает осуществление патриотического воспитания как ведущего направления воспитательной деятельности. В ней, в частности, подчеркивается «патриотическая направленность воспитательной работы, призванная обеспечивать духовно-нравственное становление детей и молодежи как граждан своего Отечества»[1].

На данный момент в России существует организационно-правовая база работы по патриотическому воспитанию: речь идет, в частности, о деятельности «Российского центра гражданского и патриотического воспитания детей и молодежи», структурными подразделениями которого являются: экспертный совет, профильные координационные советы по воспитанию патриотизма, действующие на региональном и муниципальном уровнях. Продолжают свое функционирование многие другие патриотические проекты, ставшие уже традиционными: «Диалоги с Героями», военно-спортивная игра «Победа», Армейские международные игры, акция «Георгиевская ленточка» и т. д.

Тем не менее, несмотря на ряд серьезных достижений в рамках воспитательной патриотической деятельности, в области патриотического воспитания молодежи имеются определенные проблемы и сложности: здесь целесообразно обратиться к материалам прикладных социологических исследований, посвященных патриотическому сознанию молодежи, изменениям в содержании ценностных ориентаций представителей данной социально-демографической группы.

Многочисленные социологические опросы, в целом, показывают положительную динамику в трансформации патриотических установок молодого поколения: как отмечают Н.В. Корж и Л.Ф. Каримова, наиболее ярко выраженным в сознании молодых россиян является именно эмоциональный компонент патриотизма, находящий выражение в чувствах по отношению к своей Родине или к Отечеству (Корж, Каримова, 2022: 83–84).

С точки зрения Ю.С. Бузыкиной, эмоциональная составляющая патриотического сознания человека находит свое проявление в переживаниях эмоционально-окрашенного характера, касающихся различных сфер жизнедеятельности общества, на основе которых осуществляется формирование патриотических ценностных ориентаций. Молодежь, как свидетельствуют эмпирические данные, полученные данной исследовательницей, связывает понятие патриотизма с национальным самосознанием, чувством гордости за принадлежность к своей нации и народу (Бузыкина, 2019).

Анализ материалов всероссийских социологических исследований, проведенных ВЦИОМ и другими крупными научными центрами, также позволяет сделать вывод о росте патриотизма деятельностного характера: так, в течение последних 20 лет произошел рост граждан-респондентов, придерживающихся точки зрения, в соответствии с которой патриотизм предусматривает в первую очередь созидательную деятельность, направленную на благо страны (доля таких граждан, в соответствии с данными ВЦИОМ, выросла за этот период с 35 до 50 %)[2]. Таким образом, деятельным патриотом в настоящее время считает себя каждый второй россиянин.

В то же время есть определенные отличия в содержании такого рода ценностей отечественной молодежи и представителей старшего поколения. Если среди россиян в целом девять из десяти называют себя патриотами (91 %), то среди молодежи доля патриотически настроенных граждан составляет 77 % (при этом 13 % молодых людей не относят себя к патриотам, что значительно выше аналогичного показателя, зафиксированного в общем массиве респондентов, – 5 %, а безусловными патриотами себя считают менее трети опрошенных данной возрастной категории (27 %)). Для молодежи более значимой является ценностно-эмоциональная составляющая патриотизма, тогда как старшие поколения больше акцентируют внимание на деятельностном его компоненте: для взрослых россиян приоритетное значение имеет труд, направленный на процветание своей страны[3].

---

[1] Программа воспитательной работы общероссийского общественно-государственного движения детей и молодежи «Движение первых». М., 2023. С. 11.

[2] Патриотизм сегодня: любить, заботиться и защищать [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 2022. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-segodnja-ljubit-zabotitsja-i-zashchishchat (дата обращения: 27.01.2025).

[3] Патриотизм: мониторинг [Электронный ресурс] // Там же. 2023. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-monitoring (дата обращения: 27.01.2025).

Один из последних опросов ВЦИОМ, посвященный патриотическим ценностям различных групп населения российского общества, также показал, что молодежь в возрасте 18–24 лет в большей степени, по сравнению с представителями других возрастных групп, воспринимает любовь к своей стране как знание ее культуры и истории (18 %) и как вклад в ее развитие (16 %). При этом для респондентов, относящихся к старшим возрастным группам, доминирующим является образ малой родины (20 %), а семья играет наибольшую роль в группе 45–59 лет (21 %). К сказанному следует добавить, что определенная часть молодежи (30 %) не проявляет склонности к открытому проявлению патриотических чувств (речь в данном случае идет о публичном исполнении государственного гимна, защите интересов государства в открытых дискуссиях и спорах, ношении одежды с патриотической символикой и т.д.)[1].

Материалы различных социологических опросов показывают, что в среде современной российской молодежи достаточно распространены эмигрантские настроения: чем моложе россияне, тем больше среди них лиц, положительно относящихся к смене страны проживания для своих будущих детей и внуков (30 % – среди 18–24-летних и 19 % – среди 25–34-летних), а также открытых для рассмотрения этого вопроса в отношении себя (18 % – среди 18-24-летних и 15 % – среди 25–34-летних). В самой старшей возрастной группе аналогичный показатель не превышает 3 %. Среди представителей других возрастных групп населения прослеживается другая тенденция: чем старше респонденты, тем больше в их числе тех, кто однозначно отвергает саму идею, связанную с эмиграцией из страны. Социологи объясняют это тем, что «с возрастом приходит понимание достоинств и недостатков жизни в любой стране, что жить, например, в Европе далеко не всегда лучше, чем в России; более того, с возрастом усиливается желание, чтобы близкие, родные люди были рядом и не уезжали жить в другую страну, а интерес к перемене места жительства ослабевает»[2].

Интересно, что в течение последних лет в России проводились исследования ценностных ориентаций российской молодежи, которые позволили зафиксировать значительно более высокий, по сравнению с оценками ВЦИОМ, уровень эмиграционных настроений молодых людей: так, в соответствии с данными аналитического отчета «Итоги мониторинга ценностных ориентаций современной молодежи 2022», представленными Институтом воспитания Российской академии образования, 52 % представителей рассматриваемой социально-демографической группы «хотели бы уехать за границу при возможности». При этом каждый десятый респондент, представляющий учащуюся молодежь, настроен на окончательный переезд из России при получении такой возможности – не нравится жить в России 11 % опрошенных; только 27 % учащихся и 35 % респондентов, представляющих возрастную группу 19–35 лет, указывают, что не собираются ни при каких обстоятельствах уезжать из России[3].

Необходимо отметить, что результаты региональных опросов молодежи показывают более высокий процент молодых россиян, ориентированных на эмиграцию: так, готовность уехать на постоянное место жительство за рубеж демонстрирует большая часть молодежи, представляющая Пермский край (69 %), Нижегородскую (68,2 %), Волгоградскую (68,5 %), Тюменскую (67,5 %) области. Как отмечает Р.Х. Симонян, чем ближе к границам Европейского союза живут молодые люди, тем меньше в их сознании представлена установка на то, чтобы покинуть территорию своей страны. В соответствии с предположением, сделанным данным исследователем, у молодежи, живущей в приграничных с европейскими странами регионах, имеется более полное и адекватное представление об условиях жизни за рубежом и более здравомыслящий подход к формированию собственных жизненных стратегий (при этом установка на эмиграцию является более высокой у студентов, приезжающих учиться в областные центры из малых городов и сельских поселений, что может быть объяснено невысокими возможностями для самореализации у представителей этой категории молодежи в месте постоянного проживания) (Симонян, 2017: 317–318).

После начала специальной военной операции (СВО) и объявления частичной мобилизации Россия столкнулась со значительным увеличением эмиграции из страны: в соответствии с оценками экспертов, с февраля 2022 г. Российскую Федерации покинуло около миллиона человек (число россиян, покинувших страну после начала СВО, оказалось в итоге самым рекордным за последние сто лет – с начала 1920-х гг.)[4]. К сказанному следует добавить, что значительную часть эмигрировавших из нашей страны россиян составляет именно молодежь, и в первую очередь –

[1] Патриотизм: мониторинг [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 2023. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-monitoring (дата обращения: 27.01.2025).

[2] Там же.

[3] Итоги мониторинга ценностных ориентаций современной молодежи [Электронный ресурс] // Институт воспитания РАО. URL: http://irort.ru›sites/default/files/Итоги мониторинга (дата обращения: 27.01.2025).

[4] The Economist: С начала СВО из России уехало рекордное количество людей за 100 лет [Электронный ресурс] // News Land. URL: https://newsland.com/post/7696484-the-economist-s-nachala-svo-iz-rossii-uehalo-rekordnoe-kolichestvo-lyudey-za-100-let (дата обращения: 27.01.2025).

молодые специалисты высокой квалификации, отъезд которых ослабляет кадровый потенциал страны. Данные обстоятельства свидетельствуют о том, что политика, направленная на патриотическое воспитание молодежи, продолжает сохранять свою актуальность: в настоящее время стратегическая цель государства и общества заключается в том, чтобы сформировать у представителей молодого поколения устойчивые патриотические ориентации, состоящие не просто в декларировании своей приверженности патриотизму, но и в реальной готовности трудиться на благо сограждан и приносить пользу своей стране, что принято рассматривать как деятельный патриотизм.

В самой системе патриотического воспитания молодежи также, несмотря на значительные достижения последних лет, имеются определенные недостатки (Кашуркина, Лукишина, 2017). К их числу можно отнести отсутствие единой государственной инстанции, в чью компетенцию входила бы разработка в комплексе с практической реализацией политики государства, связанной с воспитанием молодых россиян в духе приверженности ценностям и установкам патриотического характера. В ситуации отсутствия единой системы управленческих органов, ответственных за политику государства в области патриотического воспитания различных групп отечественной молодежи, имеет место недостаточная координация указанного направления государственной политики. В реальности она осуществляется различными органами власти на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, в ней участвует большое количество общественных организаций и объединений: в результате на практике многочисленные патриотические мероприятия проводятся в одни и те же сроки, имеет место их дублирование, однотипность, что значительно снижает степень эффективности воздействия на массы и не способствует появлению желания принимать участие в них среди представителей различных групп отечественной молодежи.

Важной проблемой функционирования системы патриотического воспитания молодежи является кадровый дефицит: в данной отрасли имеет место недостаток высококвалифицированных специалистов, присутствует высокая текучесть кадров, работающих в системе детских и молодежных центров патриотической направленности, а также разного рода клубов и объединений. Работники организаций, ответственных за работу в области патриотического воспитания молодежи, как правило, получают крайне невысокую заработную плату, что наряду с очень интенсивным характером трудовой деятельности является препятствием для прихода в отрасль специалистов, способных к осуществлению патриотической работы с молодежью с высокой степенью эффективности[1]. В результате отрасль держится преимущественно на труде энтузиастов, которые готовы работать ради достижения целей патриотического воспитания молодежи даже без высокого материального вознаграждения, стимулирования труда и ясных перспектив карьерного роста.

В соответствии с экспертными оценками, в системе патриотического воспитания преобладают либо очень молодые специалисты, которым недостает необходимого уровня профессионализма и навыков, позволяющих осуществлять работу с молодежью таким образом, чтобы это давало высокие результаты, либо сотрудники пожилого возраста, которым оказывается сложно адаптироваться к современным приемам и методам воспитательного процесса, технологиям информационно-коммуникационного характера, необходимым для выстраивания эффективной коммуникации с представителями современной молодежи.

Заключение. Завершая наши рассуждения, можно сказать, что в сложных условиях современности патриотическое воспитание молодежи имеет особое значение для нашей страны. Представители данной социально-демографической группы в будущем займут ответственные посты в системе органов власти, сформируют политическую элиту России, поэтому от них зависит вектор развития государства в долгосрочной перспективе. В этом контексте усилия общества и власти должны быть направлены на воспитание патриотически настроенных молодых граждан, способных укрепить национальную безопасность и суверенитет России, обеспечить ее прогрессивное и поступательное развитие. Данный процесс предусматривает реализацию на системной основе деятельности целенаправленного характера, осуществляемой различными государственными и общественными структурами и ориентированной на формирование у представителей молодого поколения россиян патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины.

В современной России существует достаточно развитая нормативно-правовая база, регламентирующая различные компоненты системы патриотического воспитания представителей отечественной молодежи, а воспитательная политика в данной сфере рассматривается как общероссийский национальный приоритет. Происходит реализация профильного федерального проекта, увеличивается число молодых людей, принимающих участие в различных мероприятиях патриотической направленности, организуется проведение тематических форумов, создаются детские и молодежные организации и объединения, в функцию которых входит целенаправленное воздействие на

[1] Основы патриотического воспитания граждан Российской Федерации. Методические рекомендации. М., 2022. 73 с.

молодежь с целью формирования в сознании ее представителей патриотических ценностей и ориентаций. В то же время сама система патриотического воспитания не является свободной и от ряда недостатков, включающих использование низкоэффективных методов работы с молодежью, многие их которых характеризуются высокой степенью формализованности, навязчивости, а также отличаются событийностью, предусматривающей приурочивание мероприятий к праздничным датам, без какой-либо четкой стратегии. Наряду с недостаточно эффективным методическим обеспечением, серьезным недостатком политики, направленной на патриотическое воспитание молодежи, также является дефицит ресурсов материально-технического и финансового характера, что особенно заметно в деятельности патриотических организаций и объединений, функционирующих на уровне регионов или муниципалитетов. Как показывает практика, в последних финансирование соответствующих воспитательных мероприятий нередко осуществляется по остаточному принципу, что отражается на выборе применяемых форматов деятельности.

На данный момент в стране акцент делается прежде всего на военно-патриотическом воспитании, что также значительно сужает спектр воздействия на молодое поколение: при всей значимости военной составляющей в воспитательной политике последняя не может ограничиваться исключительно этой сферой, поскольку духовно-нравственный компонент воспитания, предусматривающий формирование гармонично развитой личности молодого человека на основе традиционных российских культурно-исторических ценностей, имеет не меньшую значимость.

В целом, следует заключить, что процесс патриотического воспитания не является однонаправленным, он предполагает необходимость разработки нескольких параллельных векторов работы с молодежью. Патриотическое воспитание должно быть динамичным, отвечающим требованиям времени, актуальным, соответствующим запросам молодых людей в установлении связей с Родиной. И не последнюю роль в этом, на наш взгляд, должна играть скоординированность действий ключевых акторов, субъектов воспитательного процесса.

Список источников:

Бузыкина Ю.С. Психологические характеристики и представление о патриотизме у молодежи // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. Т. 7, № 4. С. 1–8.

Кашуркина С.С., Лукишина Т.А. Проблемы формирования патриотизма молодежи в контексте трансформационных процессов российского общества // Дискуссия. 2017. № 3 (77). С. 90–98.

Корж Н.В., Каримова Л.Ф. Проблема патриотизма среди современной молодежи в условиях геополитической напряженности // Наука. Общество. Государство. 2022. Т. 10, № 4 (40). С. 80–89. https://doi.org/10.21685/2307-9525-2022-10-4-9.

Симонян Р.Х. Миграционные настроения российской молодежи: региональный аспект // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 6 (142). С. 313–325. https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.16.

References:

Buzykina, Yu. S. (2019) Psychological Characteristics and Idea of Patriotism among Young People. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya*. 7 (4), 1–8. (In Russian)

Kashurkina, S. S. & Lukishina, T. A. (2017) Youth's Patriotism Formation Problems in the Context of Transforming Processes of Russian Society. *Discussion*. (3 (77)), 90–98. (In Russian)

Korzh, N. V. & Karimova, L. F. (2022) The Problem of Patriotism among Modern Youth in the Context of Geopolitical Tensions. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo.* 10 (4 (40)), 80–89. Available from: doi:10.21685/2307-9525-2022-10-4-9. (In Russian)

Simonyan, R. Kh. (2017) Migratsionnye nastroeniya rossiiskoi molodezhi: regional'nyi aspekt [Migration moods of Russian youth: a regional aspect]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. (6 (142)), 313–325. Available from: doi:10.14515/monitoring.2017.6.16. (In Russian)

Информация об авторах

П.А. Пономарев – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Донского государственного технического университета, Ростов-на-Дону, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=550412

В.В. Шалин – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и культурологии Кубанского государственного аграрного университета, Краснодар, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=789558

С.И. Самыгин – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры финансового и HR-менеджмента Ростовского государственного экономического университета, Ростов-на-Дону, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=429210

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов:

авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

P.A. Ponomarev – D.Phil., Professor, Leading Research Fellow, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=550412

V.V. Shalin – D.Phil., Professor, Head of Sociology and Cultural Studies Department, Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=789558

S.I. Samygin – D.Phil. in Sociology, Professor, Professor of Financial and HR Management Department, Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=429210

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article.

Conflicts of interests:
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.01.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 17.02.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 25.02.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья
УДК 372.881.161.1
https://doi.org/10.24158/spp.2025.2.10

История и современность преподавания русского языка как иностранного во Вьетнаме

Фунг Тхи Нгок Ань[1], Светлана Михайловна Кащук[2]
[1]Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
[1]Институт социальных и гуманитарных наук при Вьетнамском национальном университете г. Хошимина, Хошимин, Вьетнам
[2]Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
[1]phungthingocanh32@gmail.com
[2]ksm1@bk.ru, https://orcid.org/0000-0002-8981-0952

Аннотация. В статье представлена история появления русского языка во Вьетнаме, развития практики его преподавания в школах и вузах, а также показана современная система вьетнамского высшего образования с точки зрения присутствия и функционирования в ней отделений подготовки по направлению «Русский язык как иностранный». Цель статьи – проанализировать ситуацию с изучением русского языка как иностранного во Вьетнаме. Авторы обозначают причины, обусловившие снижение интереса к изучению русского языка среди вьетнамских студентов, а также анализируют факторы, способствующие стабилизации ситуации в этом отношении и укреплению позиций русского языка в политической, экономической и учебной сферах современного вьетнамского общества. Отмечается, что интенсификация контактов России и Вьетнама в туристической, торговой, политической, дипломатической и иных сферах взаимодействия способна возродить среди вьетнамцев интерес к русской культуре и языку, вернув ему лидирующие позиции среди иностранных лингвистических систем, изучаемых в стране.

Ключевые слова: система высшего образования во Вьетнаме, русский язык как иностранный, история русского языка как иностранного во Вьетнаме, русский язык в мире

Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Фунг Т.Н.А., Кащук С.М. История и современность преподавания русского языка как иностранного во Вьетнаме // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 2. С. 103–110. https://doi.org/10.24158/spp.2025.2.10.

Original article

History and Contemporaneity of Teaching Russian as a Foreign Language in Vietnam

Phung Thi Ngoc Anh[1], Svetlana M. Kashchuk[2]
[1]Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia
[1]Vietnam National University of Ho Chi Minh City, Ho Chi Minh City, Vietnam
[2]Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
[1]phungthingocanh32@gmail.com
[3]ksm1@bk.ru, https://orcid.org/0000-0002-8981-0952

Abstract. The article presents the history of the emergence of the Russian language in Vietnam, the development of the practice of teaching it in schools and universities, and also shows the modern system of Vietnamese higher education in terms of the presence and functioning of its departments of training in the field of “Russian as a foreign language”. The aim of the article is to analyze the situation with the study of Russian as a foreign language in Vietnam. The authors identify the reasons for the decline in interest in studying Russian among Vietnamese students, and analyze the factors that contribute to stabilizing the situation in this regard and strengthening the position of the Russian language in the political, economic and educational spheres of modern Vietnamese society. It is emphasized that the intensification of contacts between Russia and Vietnam in tourism, trade, political, diplomatic and other spheres of interaction is able to revive interest among the Vietnamese in Russian culture and language, returning it to the leading position among foreign linguistic systems studied in the country.

Keywords: higher education system in Vietnam, Russian as a foreign language, history of Russian foreign language in Vietnam, Russian language in the world

Funding: Independent work.

For citation: Phung, T.N.A. & Kashchuk, S.M. (2025) History and Contemporaneity of Teaching Russian as a Foreign Language in Vietnam. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics.* (2), 103–110. Available from: doi:10.24158/spp.2025.2.10 (In Russian).

© Фунг Т.Н.А., Кащук С.М., 2025

История появления русского языка во Вьетнаме. В истории Вьетнама отношения с Советским Союзом играли особую роль. Несмотря на множество взлетов и падений, они всегда были теплыми и доверительными. Официальные связи между двумя странами были установлены 30 января 1950 г. Но и до этого момента в рамках идеологического и культурного сотрудничества проводилась работа по двум основным направлениям: поиск путей спасения Вьетнама патриотами и определение правил культурного обмена[1]. Многие вьетнамцы отправлялись на учебу в СССР, где они сначала изучали русский язык, а затем продолжали свое образование в профильных вузах. Этот путь прошли такие видные деятели, как Хо Ши Мин[2], Чан Фу[3], Ле Хонг Фонг[4], Нгуен Тхи Минь Кхай[5], Нгуен Кхань Тоан[6] и многие другие вьетнамские патриоты, которые стали первыми пропагандистами русской культуры в еще колониальном Вьетнаме. После возвращения на родину вьетнамские специалисты, получившие образование в СССР, использовали русский язык в научных, технических и образовательных сферах.

Вьетнамско-русский литературный обмен начал интенсивно развиваться с 1945 г., когда социальные и культурные учреждения Социалистической Республики Вьетнам и Советского Союза действовали в едином контексте коммунистической идеологии. Еще во время Освободительной войны против французских колонизаторов на вьетнамский язык было переведено большое количество русских литературных произведений. Мировые шедевры периодов «золотого века» и «серебряного века» таких великих авторов, как А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, Н.В. Гоголь, А.П. Чехов, М. Горький, А.А. Блок остаются востребованы во Вьетнаме и в наши дни. Сегодня большинство известных в мире образцов русской литературы переведены на вьетнамский язык и представлены читателям. Соприкасаясь с классическими произведениями русской литературы, вьетнамские ценители прекрасного могут почувствовать глубину русской культуры, души и характера.

Русский язык долгое время изучался как обязательный предмет в большинстве вьетнамских вузов и средних школ, охватывая до 90 % учебных заведений страны[7], что позволяло выпускникам читать многие литературные произведения в оригинале.

На протяжении долгого времени русский язык был ведущим среди всех иностранных языков, изучаемых в стране. На пике его популярности численность овладевающих им достигала 580 тыс. человек. Однако в 90-е гг. XX в. она значительно сократилась и в настоящее время составляет всего 20 тыс. человек (Динь Тхи Тху Хуен, 2019).

Как известно, распространение языка любой страны в мире непосредственно связано с уровнем ее политического влияния в международном пространстве. После распада СССР в 1991 г. в обучении русскому языку во Вьетнаме произошли изменения, выразившиеся в резком снижении интереса к предмету и быстром уменьшении количества преподавателей и студентов, преподающих и изучающих русский язык по всей стране (Динь Тхи Тху Хуен, 2019). На юге Вьетнама сегодня он практически перестал изучаться, однако до сих пор преподается в некоторых университетах и используется в дипломатических кругах.

В эпоху политики «открытых дверей», которую проводило вьетнамское государство и которая была направлена на выстраивание дружеских отношений с другими акторами мировой политики, англоязычные и франкоязычные страны начали формировать во Вьетнаме общественную мотивацию для изучения английского и французского языков.

Преподавание русского языка в современном Вьетнаме. В последние годы, благодаря укреплению экономических и политических связей между Россией и Вьетнамом, интерес к русскому языку снова начинает расти. В стране действуют центры и общества, в которых организованы курсы изучения русского языка, проходят тематические культурные мероприятия, что приводит к возрождению интереса к Русскому миру (Нгуен, 2022).

---

[1] Вьетнамско-российский литературный обмен историческими путями = Giao lưu văn học Việt – Nga qua những chặng đường lịch sử [Электронный ресурс] // Tuyên giáo. URL: https://t.ly/xOcG3 (дата обращения: 01.05.2024). (на вьетнам. яз.)

[2] Хо Ши Мин (1890–1969) – основатель Коммунистической партии Вьетнама, первый президент Демократической Республики Вьетнам (1946–1969).

[3] Чан Фу (1904–1931) – вьетнамский революционер, который после обучения в СССР вернулся во Вьетнам, где продолжал участвовать в национально-освободительном движении против французских колонизаторов.

[4] Ле Хонг Фонг (1902–1942) – вьетнамский революционер, генеральный секретарь Коммунистической партии Индокитая в 1931–1936 гг.

[5] Нгуен Тхи Минь Кхай (1910–1941) – супруга Ле Хонга Фонга, его верный соратник, разделившая как политические взгляды, так и трагическую судьбу своего мужа.

[6] Нгуен Кхань Тоан (1905–1993) – вьетнамский политический и общественный деятель, историк, иностранный член АН СССР.

[7] Фунг Чонг Тоан. Современное состояние обучения русскому языку во Вьетнаме: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] // Методика преподавания русского языка как иностранного. URL: https://metodika-rki.livejournal.com/196823.html. (дата обращения: 12.02.2025).

Самый популярный изучаемый иностранный язык во Вьетнаме сегодня – английский. Однако русский язык постепенно отвоевывает былую популярность: в высших учебных заведениях организуют все большее количество научных мероприятий с международным участием, посвященных вопросам современных инновационных подходов в области преподавания русского языка как иностранного (Томина и др., 2023).

В настоящее время он является одним из семи языков, изучаемых в общеобразовательных учреждениях Вьетнама. Русский язык преподают в 10 провинциях и городах Вьетнама, таких как Ханой, Хайзыонг, Хайфонг, Хоабинь, Тхайнгуен, Ханам, Намдинь, Ниньбинь, Тханьхоа, Нгеан. Студенты высших учебных заведений также выбирают русский язык для изучения в качестве иностранного. В настоящий момент их число составляет около 1 200 человек[1].

Сегодня во Вьетнаме функционируют 36 образовательных учреждений, в которых осуществляется обучение русскому языку. Среди университетов можно выделить следующие[2]:

• Академия военных наук (Military Science Academy);

• Институт иностранных языков при Данангском университете (University of Foreign Language Studies – University of Da Nang);

• Университет иностранных языков – Университет Хюэ (Universi-ty of Foreign Languages, Hue University);

• Университет иностранных языков – Ханойский национальный университет (University of Languages and International Studies – Vietnam National University);

• Ханойский университет (Hanoi University);

• Школа иностранных языков – Университет Тхайнгуен (Schools of Foreign Languages Thai Nguyen University);

• Институт социальных и гуманитарных наук при Вьетнамском национальном университете г. Хошимина (VNUHCM – University of So-cial Sciences and Humanities);

• Хошиминский педагогический университет (Ho Chi Minh City University of Education).

Эти учреждения играют ключевую роль в подготовке специалистов в области русского языка, обеспечивая высокий уровень преподавания и предлагая программы обучения, ориентированные как на теоретическую, так и на практическую подготовку. Кроме того, обучение русскому языку ведется на базе специализированных факультетов, а также в рамках международных программ обмена, что способствует развитию профессиональных и культурных связей между Вьетнамом и Россией. Есть также возможность изучать русский язык и в ряде российских зарубежных учреждений, таких как Российский центр науки и культуры, Вьетнамско-российский тропический центр, Отделения дружбы при Ассоциации дружбы «Вьетнам – Россия». В четырех филиалах фонда «Русский мир» в стране можно пройти курсы по изучению русского языка и культуры (Устинов, 2019).

Следует отметить, что совместные российско-вьетнамские научно-исследовательские мероприятия, имеющие своей целью организацию и проведение семинаров, конференций, олимпиад по русскому языку, а также дней русского языка и литературы, способствуют укреплению позиций русского языка в стране. Такие мероприятия зачастую проводятся в крупных городах, таких как Ханой, Хошимин и Дананг, а также в вузах, где функционируют факультеты русского языка. Однако очевидно, что необходима дополнительная работа по продвижению русского языка как иностранного в те вузы, где он на данный момент не введен в практику подготовки специалистов. Перед преподавателями русского языка как иностранного и российскими зарубежными государственными учреждениями стоит задача заинтересовать вьетнамских студентов изучением довольно непростого для них языка.

В 1998–1999 учебном году в русских отделениях Института социальных и гуманитарных наук при Вьетнамском национальном университете Хошимина и Хошиминского педагогического университета была запущена двуязычная образовательная программа на русском и английском языках с целью привлечения большего количества студентов. Продолжительность обучения составляла 5 лет, после чего выпускники получали степень бакалавра по русскому языку и диплом колледжа – по английскому. Однако с 2019–2020 учебного года, в соответствии с постановлением Министерства образования и обучения Вьетнама, обучение на русском факультете осуществляется исключительно на русском языке[3].

---

[1] Как во Вьетнаме преподают русский и китайский языки? = Tiếng Nga, tiếng Trung đang được dạy ở Việt Nam như thế nào? [Электронный ресурс] // Báo Việt. URL: https://t.ly/Ku_Hk (дата обращения: 02.06.2024). (на вьетнам. яз.)

[2] Учреждения с обучением русскому языку = Các cơ sở có đào tạo tiếng Nga [Электронный ресурс] // ХФИРЯП. URL: https://www.puskinhn.edu.vn/chi-tiet-san-pham/1237/cac-co-so-co-dao-tao-tieng-nga.html (дата обращения: 12.02.2025). (на вьетнам. яз.)

[3] Самооценка программы бакалавриата «Русский язык» // Отчет факультета русской филологии Университета социальных и гуманитарных наук. Хошимин, 2021. С. 119–120. = Báo cáo tự đánh giá chương trình đào tạo cử nhân ngành “Ngôn ngữ Nga” // Khoa Ngữ văn Nga, Trường Đại học Khoa học Xã hội và Nhân văn, Đại học Quốc gia Thành phố Hồ Chí Minh. 2021. С. 119–120. (на вьетнам. яз.)

В настоящее время количество студентов, изучающих русский язык во Вьетнаме, невелико, но стабильно. Каждый год около 65–70 абитуриентов обращают свое внимание на факультеты, специализирующиеся на подготовке русскоговорящих специалистов. Процесс поступления на них включает сдачу экзаменов по трем дисциплинам: математика, литература и иностранный язык. В качестве последнего претенденты могут выбрать либо английский, либо русский язык, что зависит от их предыдущего образования. Большинство абитуриентов предпочитают сдавать экзамен по английскому языку, так как этот предмет преподается в средних школах и является более привычным для них. Специализированные дисциплины, направленные на формирование языковых навыков, вводятся уже с первого года обучения на профильном бакалавриате. Это позволяет студентам изучать русский язык как иностранный с самых азов. На данном этапе особое внимание уделяется грамматическим основам, формированию базового словарного запаса и практике речи. Студенты осваивают простые диалоги, учатся воспринимать и воспроизводить базовые тексты, что закладывает основу для дальнейшего успешного изучения ими русского языка как иностранного. Образовательные программы учитывают специфику вьетнамской языковой среды, в которой русский язык не используется в повседневной жизни, что требует более активного погружения в учебный процесс. К концу первого курса студенты должны достичь уровня А2 (базового) по русскому языку.

Углубленное освоение курса, включающее дисциплины по языковой практике, теории языка, а также культуре и литературе России, начинается со второго года обучения. В соответствии с учебной программой предполагается, что студенты должны постепенно повышать уровень владения русским языком:

- к концу второго курса – достичь уровня В1 (первого сертификационного);
- к концу третьего курса – выйти на уровень В2 (второго сертификационного);
- к концу четвертого курса – достичь уровня С1 (третьего сертификационного).

Акцент делается на развитии устной и письменной речи, аналитическом чтении и написании сложных текстов. Студенты знакомятся с основами русской лингвистики, изучают структуру языка, а также анализируют произведения классической и современной русской литературы. Основные образовательные программы бакалавриата направлены на развитие не только языковых навыков, но и культурной компетенции обучающихся, что помогает студентам лучше понимать контекст использования русского языка.

Практическая подготовка занимает центральное место на третьем и четвертом курсах обучения. Для студентов Института социальных и гуманитарных наук Вьетнамского национального университета Хошимина и Хошиминского педагогического университета организуются языковые стажировки, которые предоставляют уникальные возможности применения полученных знаний в реальных условиях:

1. Стажировки в средней школе «Вьетсовпетро». Эта школа, расположенная в прибрежном городе Вунгтау, является ключевым местом для практики, так как там проживает значительное количество россиян. Студенты работают в многонациональной среде, где они могут преподавать русский язык, а также взаимодействовать с его носителями, что способствует совершенствованию коммуникативных навыков.

2. Профессиональные практики в сфере путешествий и бизнеса. В рамках обучения студенты также проходят практики в туристических компаниях и на предприятиях, где они могут применить свои знания русского языка в профессиональной деятельности. Такие стажировки помогают обучающимся освоить основы работы с клиентами, деловой переписки и устного перевода, что делает их конкурентоспособными на рынке труда.

Выпускники бакалавриата отделений русского языка как иностранного должны обладать практическими навыками на уровне не ниже 5 (согласно 6-уровневой системе компетенций иностранных языков, принятой во Вьетнаме, что соответствует третьему сертификационному уровню владения русским языком как иностранным или уровню С1 общеевропейских компетенций владения иностранным языком). Это позволит им работать в сфере письменного и устного перевода (с русского, вьетнамского и английского языков), а также трудоустроиться в туристической отрасли. Помимо этого, у студентов есть возможность получить стипендию для обучения в Российской Федерации[1].

Выпускники отделений русского языка как иностранного во Вьетнаме обладают широкими перспективами профессионального роста, которые охватывают различные сферы деятельности:

1. Преподавание. Выпускники отделений русского языка как иностранного могут работать преподавателями русского языка во вьетнамских вузах, средних школах или специализированных языковых центрах. Это не только способствует популяризации русского языка, но и укрепляет культурные и образовательные связи между Вьетнамом и Россией. Кроме того, благодаря

[1] Самооценка программы бакалавриата «Русский язык»...

освоению современных педагогических технологий, дипломированные специалисты могут внедрять в практику своей работы инновационные методики обучения, делая процесс освоения языка более эффективным и увлекательным.

2. Научно-исследовательская деятельность. Выпускники бакалавриата могут продолжить свое образование в магистратуре и аспирантуре, занимаясь изучением лингвистических и методических аспектов преподавания русского языка как иностранного. Они могут проводить исследования, направленные на разработку новых учебных материалов, адаптированных к особенностям вьетнамской аудитории.

3. Переводческая деятельность. Знание русского языка в сочетании с вьетнамским и английским предоставляет выпускникам уникальные возможности для работы в сфере устного и письменного перевода. Она может включать сопровождение делегаций, перевод документации, а также участие в культурных, образовательных и деловых мероприятиях.

4. Международная торговля. Стремительно развивающийся рынок труда во Вьетнаме создает высокий спрос на специалистов со знанием иностранных языков, включая русский, для работы в международных компаниях, занимающихся экспортом, импортом и логистикой. Выпускники отделений русского языка как иностранного могут стать связующим звеном между российскими и вьетнамскими предприятиями.

5. Сфера туризма. Учитывая рост числа российских туристов, приезжающих во Вьетнам, выпускники могут работать в туристических компаниях в качестве гидов, менеджеров или координаторов туров. Их знание языка и культурных особенностей России позволяет обеспечить высокий уровень обслуживания и создать комфортные условия для путешественников. В 2024 г. количество российских туристов, посетивших Вьетнам, увеличилось на 84,9 % и достигло 232,3 тыс. чел., несмотря на имеющийся дефицит прямых и чартерных рейсов из различных регионов. Хотя поток российских туристов все еще значительно уступает показателям 2019 г., ожидается, что тенденция роста сохранится и в 2025 г.[1]

6. Дипломатическая и культурная деятельность. Выпускники отделений русского языка также могут работать в посольствах, консульствах или культурных центрах, занимаясь вопросами двусторонних отношений, организуя мероприятия, направленные на укрепление культурных связей между странами.

Преподавание на кафедрах русского языка ведут вьетнамские специалисты, получившие образование в ведущих вузах Российской Федерации. Студенты также имеют возможность заниматься с носителями языка, хотя количество таких занятий ограничено.

Согласно ежегодной внутренней статистике приема на факультеты русской филологии нескольких университетов, с 2016 по 2020 гг. количество студентов с каждым годом постепенно увеличивается[2] (рис. 1).

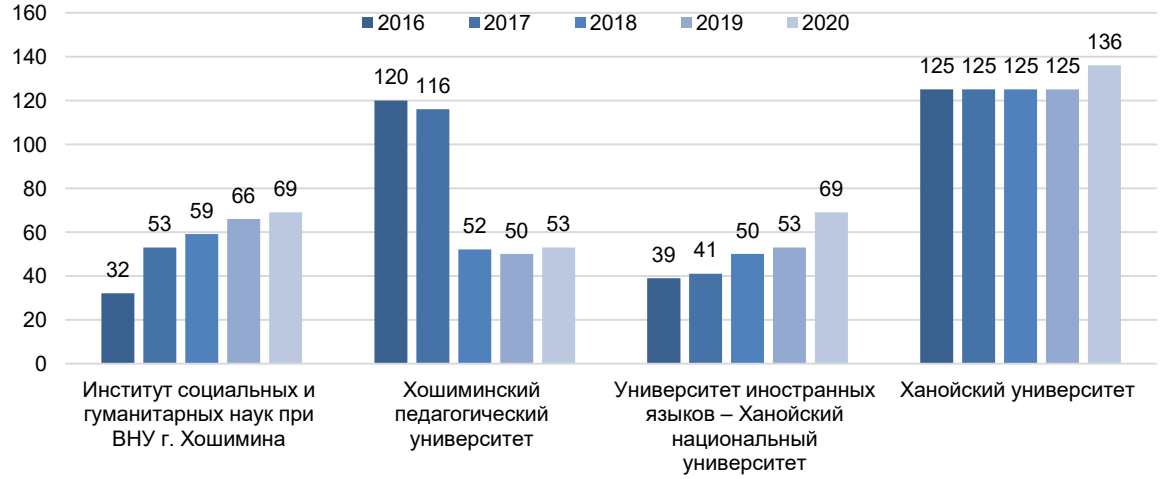


***Рисунок 1** – Количество студентов, поступивших на специальность «Русский язык» в образовательных учреждениях Вьетнама*

***Figure 1** – Number of Students Enrolled in the Specialty "Russian Language" in Educational Institutions of Vietnam*

[1] Несмотря на отсутствие авиарейсов, количество российских туристов во Вьетнаме резко возросло = Bất chấp thiếu chuyến bay, lượng khách du lịch Nga đến Việt Nam vẫn tăng mạnh [Электронный ресурс] // Vietnam Plus. URL: https://www.vietnamplus.vn/bat-chap-thieu-chuyen-bay-luong-khach-du-lich-nga-den-viet-nam-van-tang-manh-post1006710.vnp (дата обращения: 22.01.2025). (на вьетнам. яз.)

[2] Самооценка программы бакалавриата «Русский язык» …

Нельзя, однако, не отметить наличие определенных проблем в рассматриваемой отрасли, например, после первого года обучения количество студентов часто уменьшается из-за того, что молодые люди бросают учебу, не выдерживая учебного ритма, меняют специальность или переводятся в другие, в том числе и зарубежные, вузы.

Основные причины сокращения числа студентов на отделениях русского языка вьетнамских высших учебных заведений следующие.

Во-первых, между правительствами Вьетнама и Российской Федерации существует соглашение о выплате стипендий. Количество их довольно велико (1 000 стипендий в год)[1], а условия получения – крайне просты. Поэтому нередко после окончания первого курса многие студенты переводятся на обучение в Российскую Федерацию.

Во-вторых, часть молодых людей, поступая на отделение русского языка, изначально не планирует завершать обучение на этом факультете и рассматривает его лишь как временный вариант. Такие студенты продолжают сдавать вступительные экзамены в другие университеты или на другие специальности. Эта ситуация создает определенные трудности для факультетов русского языка, поскольку происходит отток студен-тов.

В-третьих, русский язык довольно сложен для изучения, особенно на ранних этапах, поэтому многие студенты разочаровываются в выбранном направлении и сдаются в самом начале обучения. Те, кто соприкасается с русским языком впервые, отмечают значительные различия не только между русским и вьетнамским, но даже между английским (самым популярным иностранным языком вьетнамцев) и русским языками.

Русский и вьетнамский языки относятся к разным языковым группам и очень отличаются по структуре слога и системе слогораздела. Вьетнамский язык традиционно относится к моносилабичным, то есть к тем, в которых подавляющее большинство слов односложны, в отличие от русского языка, представленного преимущественно лингвистическими единицами из 2–3 слогов. Именно поэтому изучение последнего вьетнамскими студентами, как и вьетнамского – российскими обучающимися, сопряжено с трудностями и требует усердия.

В-четвертых, подавляющее большинство студентов начинают изучение русского языка с нуля, то есть с базового уровня А1. Однако программа обучения предусматривает, что к моменту завершения 4-летнего курса студенты должны достичь уровня С1, соответствующего продвинутому владению языком. Разрыв между начальным и целевым уровнями накладывает дополнительные требования как на самих студентов, так и на преподавателей, которые должны организовать процесс обучения максимально эффективно. Молодые люди, поступившие на английские отделения, имеют возможность изучать английский со среднего этапа (уровень В1), поскольку этот язык преподается в большинстве вьетнамских школ и активно используется в глобальной коммуникации. Для студентов русского отделения процесс овладения иностранным языком оказывается намного сложнее, что требует большей мотивации и выдержки.

Перечисленные выше причины привели к ситуации, когда количество учащихся, зачисленных во вьетнамские вузы по специальности «Русский язык», меньше имеющихся бюджетных мест (табл. 1).

Таблица 1 *– Количество бюджетных мест и реальные цифры приема на специальность «Русский язык» во вьетнамских вузах*

Table 1 *– Number of Budgetary Places and Real Figures of Admission for the Specialty "Russian Language" in Vietnamese Universities*

Вузы	**Количество бюджетных мест**	**Реальные цифры приема**				
		2016	2017	2018	2019	2020
Институт социальных и гуманитарных наук при ВНУ г. Хошимина	70	32	53	59	66	69
Хошиминский педагогический университет	80	120	116	52	50	53
Университет иностранных языков – Ханойский национальный университет	75	39	41	50	53	69
Ханойский университет	150	125	125	125	125	136

Таким образом, существуют вузы, которые сталкиваются с проблемой набора студентов на программы по изучению русского языка. В связи с этим им приходится искать альтернативные пути организации учебного процесса, включая совмещение деятельности более популярных факультетов с отделениями иностранных языков, которые испытывают недостаток в количестве обучающихся.

[1] Объявление о приеме в школу по стипендиальному соглашению в Российской Федерации в 2024 году = Thông báo tuyển sinh đi học theo diện học bổng Hiệp định tại Liên bang Nga năm 2024 [Электронный ресурс] // Cục Hợp tác Quốc tế. URL: https://t.ly/xKudh (дата обращения: 01.05.2024). (на вьетнам. яз.)

Однако нужно отметить, что, несмотря на утрату русским языком лидирующих позиций во Вьетнаме, его продолжают преподавать в школах и вузах страны, хоть и в меньшем объеме. Ситуация с изучением русского языка в современных условиях напрямую зависит от состояния российско-вьетнамских отношений, и в первую очередь – в торгово-экономической сфере. Намеченные правительствами двух стран планы по расширению сотрудничества во всех областях, безусловно, приведут к увеличению мотивации среди вьетнамских студентов к изучению русского языка. Мы надеемся быть свидетелями возрождения интереса к России и к русскому языку как средству международного общения.

Список источников:

Динь Тхи Тху Хуен. История становления и развития обучения русскому языку во Вьетнаме // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. 2019. № 3 (15). С. 5–13.

Нгуен Т.Н. Влияние культурных аспектов на преподавание и изучение русского языка во Вьетнаме // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 4-3 (118). С. 86–89. https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.118.4.047.

Томина Е.В., Нгуен Ч.К., Чинь Н.Х., Нгуен В.Х. Современное состояние преподавания русского языка в образовательных учреждениях Вьетнама // Современные технологии в науке и образовании : в 10 т. Рязань, 2023. Т. 9. С. 113–115.

Устинов А.Ю. Изучение и преподавание русского языка во Вьетнаме: современный взгляд // Современная парадигма преподавания и изучения русского языка как иностранного. М., 2019. С. 402–404.

Referenses:

Dinh Thị Thu H. (2019) The History of the Formation and Development of the Russian Language Teaching in Vietnam. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Pedagogy. Psychology. Philosophy*. (3 (15)), 5–13. (In Russian)

Nguyen, T. N. (2022) The Influence of Cultural Aspects on the Teaching and Learning the Russian Language in Vietnam. *International Research Journal*. (4-3 (118)), 86–89. Available from: doi:10.23670/IRJ.2022.118.4.047. (In Russian)

Tomina, E. V., Nguyen, T. Q., Trinh, N. H. & Nguyen, V. Kh. (2023) The Current State of Russian Language Teaching in Vietnamese Educational Institutions. In: *Sovremennye tekhnologii v nauke i obrazovanii*. Vol. 9. Ryazan, pp. 113–115. (In Russian)

Ustinov, A. Yu. (2019) The Study and Teaching of Russian Language in Vietnam: a Modern View. In: *Sovremennaya paradigma prepodavaniya i izucheniya russkogo yazyka kak inostrannogo*. Moscow, pp. 402–404. (In Russian)

Информация об авторах

Фунг Тхи Нгок Ань – аспирант кафедры лингводидактики РКИ и билингвизма Московского педагогического государственного университета, Москва, Россия; преподаватель русского языка Института социальных и гуманитарных наук при Вьетнамском национальном университете г. Хошимина, Хошимин, Вьетнам.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1155386

С.М. Кащук – доктор педагогических наук, заведующий кафедрой иностранных языков факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=340737

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов:
авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Phung Thi Ngoc Anh – PhD student at the Department of Linguodidactics of RCT and Bilingualism, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia; Lecturer of Russian language at the Institute of Social Sciences and Humanities, Vietnam National University of Ho Chi Minh City, Ho Chi Minh City, Vietnam.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1155386

S.M. Kashchuk – D.Phil. in Pedagogy, Head of Foreign Languages Department, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=340737

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article.

Conflicts of interests:
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 15.01.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 12.02.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 25.02.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья
УДК 374.72
https://doi.org/10.24158/spp.2025.2.11

Анализ тенденций и определение эффективных форм и методов корпоративного образования в России

Роман Александрович Дубовицкий
Независимый исследователь, Москва, Россия, rdubov@list.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования тенденций корпоративного образования в социально-экономическом и образовательном контуре. Отмечено, что современные тренды в данной сфере предполагают обязательное стратегическое планирование деятельности, активность в качестве локомотива изменений в корпорации, внедрение практического обучения. Они тесно связаны с парадигмой непрерывного образования, особенностями обучения взрослых, осознанностью выбора курса субъектом, практичностью знаний. Установлено, что дистанционные формы обучения превалируют в корпоративной образовательной системе сейчас и будут основными для нее в будущем. Классическая лекция с разбором практических примеров является лучшим педагогическим методом, но в современных условиях она должна быть методологически адаптирована для дистанционной формы обучения, иначе окажется неэффективной. Исследование выявило необходимость обязательной проверки новых методов информационно-коммуникационных технологий, используемых в дистанционных формах обучения, на соответствие основным приемам дидактики. Сформулированы рекомендации по использованию искусственного интеллекта в управлении дистанционными обучающими программами. Очерчиваются основы дальнейшей работы по разработке методологии корпоративного обучения на основе информационно-коммуникативных технологий.

Ключевые слова: корпоративное образование, искусственный интеллект, информационно-коммуникационные технологии, дидактика, корпоративный университет, обучение взрослых, конкурентоспособность, стратегическое планирование, дистанционное обучение, тенденции корпоративного образования

Финансирование: инициативная работа.

Благодарность: автор выражает благодарность за поддержку Елене Николаевне Юдиной, доктору социологических наук, профессору.

Для цитирования: Дубовицкий Р.А. Анализ тенденций и определение эффективных форм и методов корпоративного образования в России // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 2. С. 111–116. https://doi.org/10.24158/spp.2025.2.11.

Original article

Analysis of Tendencies and Defining Forms and Methods of Corporate Education in Russia

Roman A. Dubovitskiy
Independent Researcher, Moscow, Russia, rdubov@list.ru

Abstract. Results of research in socio economic and pedagogical segment of education in corporate education are represented. Data connected with management of corporate university is provided as well as from perspective of forms and methods of education. Research on socio economic segment identifies the following: necessity of strategic planning, operation as driver of innovations, practical application of education. Pedagogical segment of research defines tendencies connected with life-long learning paradigm, self-awareness of adult education, freedom to choose programs of self-development. The research indicates that distant forms of education prevail and will keep the trend in the future. Classic lecture with case studies is the best form of education but it has to be methodologically adapted to distant format. The absence of adaptation lead to very poor efficiency of corporate education. The research concludes that lectures and other methods of distant learning in compliance with information and communication technologies (ICT) have to be verified in accordance with fundamental principles of pedagogy. The author provides recommendation for the use of artificial intelligence in the management of educational programs in a corporate university. Further development of research in the field of methodology of corporate education in the realm of ICT has been drafted.

Keywords: corporate education, artificial intelligence, information and communication technologies, didactics, corporate university, adult education, competitiveness, strategic planning, distant education, tendencies of corporate education

Funding: Independent work.

Acknowledgement: The author acknowledges the support of Elena Nikolaevna Yudina, D.Phil. in Sociology, Professor.

© Дубовицкий Р.А., 2025

For citation: Dubovitskiy, R.A. (2025) Analysis of Tendencies and Defining Forms and Methods of Corporate Education in Russia. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics.* (2), 111–116. Available from: doi:10.24158/spp.2025.2.11 (In Russian).

Введение. Корпоративное образование не имеет официального определения, но при этом является образцом реализации системы непрерывного дополнительного профессионального образования (ДПО) в России. Свое название оно получило в связи с особенностями реализации – как части внутренней программы развития в крупных компаниях, таких как ОАО «РЖД», ПАО «Газпром», ПАО «Сбербанк» и др.

Актуальность корпоративного образования обусловлена юридически (необходимость соблюдения российского законодательства об образовании), социально-экономически (развитие навыков персонала и поддержание конкурентоспособности), педагогически (использование эффективных форм и методов в образовательном процессе). В нашей работе корпоративное образование рассматривается в социально-экономическом и образовательном аспекте.

С социально-экономической точки зрения проблему изучали как зарубежные (Армстронг, 2005; Шейн, 2002; Argyris, 1992; Argyris, Schon, 1996; Nonaka, Takeuchi, 1995; Scarborough, Carter, 2000), так и российские ученые (Катькало, 2022).

Термин «дополнительное профессиональное образование (ДПО)» в настоящей статье используется как синоним понятий «корпоративный университет», «корпоративное образование», «корпоративное образовательное учреждение».

Одним из первых образовательных учреждений, основанных внутри бизнес-структуры в России, стал Учебный центр ОАО «Газпром», появившийся в 1995 г., а затем преобразованный в «Газпром корпоративный институт». За ним последовали учебные центры АВТОВАЗ, АФК Система, Вымпелком.

Официального определения корпоративного университета в настоящее время не существует, в связи с этим приводим дефиницию данного понятия, размещенную в Словаре Корпоративного университета Сбербанка, согласно которой он представляет собой «образовательное подразделение, призванное поддерживать стратегическое развитие компании и быть катализатором ее обновления через обучение руководителей и других сотрудников, а также создание, накопление и распространение передовых знаний внутри организации»[1].

Корпоративное образование является дополнительным профессиональным обучением. Основы дидактики, используемой, в том числе и в корпоративном образовании, представлены в работах Ю.К. Бабанского (Бабанский, 1989), П.Я. Гальперина[2], И.Я. Лернера (Лернер, 1981) и др.

В современной отечественной педагогике проблематика дополнительного профессионального образования изучается Т.Г. Доссэ (Доссэ, 2020), Л.И. Осечкиной (Осечкина и др., 2021) и др.

Целью нашего исследования стал анализ тенденций развития и определение эффективных форм и методов корпоративного образования в России.

В соответствии с ней нами был проведен опрос 15 экспертов в период с января по декабрь 2024 г. с применением анкетного листа и свободного интервью. Эксперты были выбраны из числа преподавателей корпоративных университетов (8 человек) и руководителей образовательных программ во внутренних производственных институтах (7 человек). В процессе исследования использовалось направленное наблюдение, обобщение, проведен вторичный анализ масштабного проекта «Корпоративные университеты России»[3].

Ключевые тенденции современного корпоративного образования в России. В рамках социально-экономического контура исследования нами были определены тенденции корпоративного образования в России.

Первая из них характеризуется переходом к парадигме Learning and Development (обучение и развитие) и концепции Life Long Learning (образование на протяжении всей жизни), что соответствует подходу непрерывного дополнительного профессионального образования.

Вторая тенденция – внедрение реалистичной стратегии развития корпоративного университета, взаимосвязанной с генеральной парадигмой функционирования корпорации. Доказана прямая взаимосвязь конкурентоспособности, прибыльности компании и обучения сотрудников[4].

---

[1] Корпоративный университет [Электронный ресурс] // Сберуниверситет. Словарь терминов. URL: https://sberuniversity.ru/edutech-club/lab/glossary/930/ (дата обращения: 30.01.2024).

[2] Гальперин П.Я. Введение в психологию : учебное пособие для вузов. М., 1999. 332 с.

[3] Корпоративные университеты России – 2022 : справочник / под ред. В.С. Катькало, Н.В. Шумковой. М., 2022. 240 с. ; Корпоративные университеты России – 2023 : справочник / под ред. В.С. Катькало, Н.В. Шумковой. М., 2023. 280 с.

[4] Как обучение персонала влияет на бизнес-показатели компании [Электронный ресурс] // Context Group. URL: https://blog.icontextgroup.ru/articles/kak-obuchenie-personala-vliyaet-na-biznes-pokazateli-kompanii (дата обращения: 18.02.2025).

Третья тенденция состоит в использовании корпоративного университета как института, ответственного за изменения в организации. Она основана на активном взаимодействии компании с внешними контрагентами, в том числе предполагает анализ деятельности конкурентов, формирование внутреннего и внешнего экспертного сообщества, обеспечение открытости корпоративной системы для обмена информацией с внешними контрагентами, участие в отраслевых конкурсах и обучение клиентов. Образовательная организация здесь выступает генератором новых идей.

Четвертая тенденция имеет педагогическое значение, так как связана с практическим обучением работников по системе «Лидеры учат лидеров», при которой к образовательному процессу привлекаются руководители разного уровня из данной корпорации или преподаватели-практики (Welch, 2015).

Кроме того, сегодня в корпоративных университетах наблюдается стремительный перевод образовательного процесса в область дистанта (табл. 1).

Таблица 1 *– Сравнительная характеристика образовательного процесса в корпоративных университетах России в 2019 и 2021 гг.*

Table 1 *– Comparative Characteristics of the Educational Process in Corporate Universities in Russia in 2019 and 2021*

Название организации	**Доля онлайн-обучения в 2019 г., %**	**Доля онлайн-обучения в 2021 г., %**	**Количество программ, ед.**	**Численность целевой аудитории, тыс. чел.**
Университет Банка России	75	99	500	46
Корпоративный университет НЛМК	0	87	150	13
Корпоративный университет Сбербанка	55	65	288	43,3
Корпоративный университет РЖД	0,7	99,7	251	70
Газпром корпоративный институт	10	70	650	253,1
Корпоративный университет «Газпром нефть»	25	95	1 450	86,1
Корпоративный университет «Татнефть»	55	78	100	50
Корпоративный университет группы АВТОВАЗ	0,8	84	320	32
Корпоративный университет «Алроса»	7	74	273	30
Академия «Альфа-банка»	50	90	150	29,4
Вселенная открытия банка «Открытие»	78	82	75	35
Корпоративный университет группы компаний «Волга-Днепр»	5	30	155	4
Билайн университет «Вымпелком»	37	79	1 808	30
Корпоративный университет ГАЗ имени А.Н. Моисеева	18	30	357	35
Корпоративный университет ИЛИМ	20	90	200	16
Корпоративный университет группы ИНТЕР РАО	–	70	24	28
Корпоративный университет ОАО «Красцветмет»	0,7	85	140	3
Корпоративный университет «Магнит»	18	93	25	360
Корпоративный университет МТС	57	89	1 500	60
Корпоративная академия госкорпорации «Росатом»	0	72	500	288
Корпоративная академия «Роскосмос»	–	30	131	100
Корпоративная сетевая академия «Ростех»	3	54	250	500
Управление по привлечению и развитию персонала «Северсталь»	55,7	67	2 100	53,8

Приведенные данные позволяют нам обнаружить следующие особенности функционирования корпоративных учебных заведений:

1. Конкурентоспособные и эффективные компании России рассматривают корпоративные университеты как центры креативной мысли, выработки новых идей, важной частью реализации стратегии корпорации.

2. Четко прослеживается тенденция перехода к онлайн-обучению, то есть к освоению образовательных программ с использованием дистанционных технологий, заочно. Корпоративный университет группы АВТОВАЗ и РЖД демонстрируют наивысшие показатели в интенсивности такого перехода.

3. Целевая аудитория корпоративных университетов в большинстве случаев составляет более 10 тыс. человек и включает преимущественно сотрудников компании, что сопоставимо с количеством студентов в классическом университете.

4. В среднем корпоративные университеты предлагают около 100 различных образовательных программ своим слушателям.

Педагогический аспект развития корпоративного образования в России. Переходя к рассмотрению проблемы развития корпоративного образования в России в педагогическом кон-

туре, обратимся к результатам проведенного нами экспертного опроса, призванного подтвердить гипотезу, что при несоблюдении базовых принципов педагогической дидактики у слушателей образовательных курсов внутри организации-работодателя формируется отсутствие мотивации к обучению, что является следствием активного использования дистантных технологий. Важно отметить, что опросный лист для экспертов формировался на основании пяти основных принципов педагогической дидактики: создание оптимальных условий, обеспечение сознательного отношения сотрудников к процессу обучения, использование принципов опережающего обучения, опора на высший уровень трудностей[1]. Мы считаем вышеприведенные принципы имеющими прямое отношение к корпоративному обучению как составной части общей образовательной системы.

Экспертный опрос показал, что понятие опережающего обучения используется в современном корпоративном образовании, так оно входит составной частью в официальное название системы подготовки специалистов в ПАО «Газпром» – системы непрерывного фирменного профессионального опережающего обучения. Данный принцип «призван обеспечить определенный дидактический ритм преподавания и усвоения учебного материала»[2]. При переходе от одной учебной темы к другой может образовываться определенный вакуум, чтобы этого избежать педагог создает переходы между темами, формируя логическую взаимосвязь.

Принцип оптимальных условий подразумевает создание комфортной морально-психологической атмосферы при обучении сотрудников компании. По мнению экспертов – участников нашего исследования, обозначенный принцип не реализован в полной мере в современном российском корпоративном образовании.

Корпоративное обучение есть форма дополнительного профессионального образования, она ориентирована на взрослых людей и изначально базировалась на классических категориях педагогики, таких как развитие человека, воспитание, образование, обучение. «Взрослость связывается не с возрастом, а с социально-психологическими факторами, которые с одной стороны осознаются человеком, а с другой, – признаются обществом» (Доссэ, 2020: 12). В качестве основных признаков позитивного отношения взрослых к образованию как фактору повышения собственной компетентности выделяются следующие: личностная и профессиональная заинтересованность человека в образовании, положительная мотивация, самостоятельность учебной деятельности, осознанность выбора программы (Доссэ, 2020). Экспертный опрос показал, что в компаниях нефтегазового сектора (ПАО «Газпром», ПАО «Татнефть») преобладает направление на обучение без согласования с работником, то есть отсутствует осознанность выбора программы обучения.

По данным экспертного опроса, методами педагогического воздействия, получающими высокую оценку у слушателей, являются: очная лекция с примерами из практики, диспут, специальные упражнения для рабочих специальностей. С точки зрения теории методов обучения (Лернер, 1981) наибольшую эффективность демонстрируют объяснительно-иллюстративный, репродуктивный и продуктивный методы, а также анализ проблемных ситуаций.

Использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) является ключевым в дистанционном образовании. Л.И. Осечкина отмечает, что для «достижения максимально возможного результата в образовании, развитии и саморазвитии обучающихся необходима разработка дидактических основ (требований, принципов, условий) использования цифровых и диалогических технологий» (Осечкина и др., 2021: 131). «В контексте бинарности “репрезентация – интерпретация” информации особенности использования цифровых технологий в значительной степени свидетельствуют о доминанте репрезентации информации с их помощью (репрезентативная функция ИКТ в добывании и осмыслении информации). В контексте дидактических классификаций методов обучения можно говорить о близости к объяснительно-иллюстративному или информационно-рецептивному методам обучения с некоторым разнообразием использования методов проблемного обучения – эвристических (вариативность решений и презентаций, создание проблемных ситуаций с помощью рисунков, графиков, схем и др.) и исследовательских» (Осечкина и др., 2021: 134). Однако эксперты отметили активно формирующуюся зависимость педагога и обучающихся от возможностей ИКТ и соответствующих образовательных программ, что препятствует осуществлению ими того интеллектуального рывка, о котором пишут специалисты в области цифровых технологий и цифрового образования (Осечкина и др., 2021).

Результаты изучения педагогического аспекта реализации корпоративного образования в России на основании данных экспертного опроса могут быть сведены к следующим положениям, отражающим проблемность и несовершенность данного направления развития образования:

1. В большинстве случаев экспертами отмечено несоблюдение основных принципов дидактики при переходе корпоративных университетов на дистанционную форму обучения.

[1] Психология и педагогика : учебное пособие для вузов / сост. и ответ. ред. А.А. Радугин. М., 2000. 256 с.
[2] Там же. С. 220.

Непрофессионально с методической точки зрения организованное дистанционное образование крайне малоэффективно. Отсутствие очного компонента обучения и полный переход ряда программ на дистанционное обучение противоречит базовым потребностям индивидов в социализации.

2. Выявлено отсутствие опоры образовательного процесса на познавательные функции научного знания при полном переходе в дистанционное образование.

3. Обучение без отрыва от работы, практикуемое в ряде компаний, нарушает психолого-педагогический цикл усвоения знаний.

4. Географическая удаленность подразделений корпорации, огромные целевые группы обучения, а также формирование общих коллективов работников из разных регионов делают невозможным проведение занятий в очной форме и сводят на нет все преимущества дистанта.

5. Выявлена низкая мотивация работников к освоению образовательных программ при отсутствии возможности их выбора или понимания необходимости обучения. В случае неосознанного, принудительного, директивного направления на обучение у сотрудника возникает ощущение негативного психического состояния, основанного на педагогической ошибке – дидактогении. При неудачном развитии событий оно может привести к деперсонализации сотрудника, так как происходит утрата ощущения личностного выбора.

6. Выявлена неудовлетворенность обучающихся в корпоративных университетах отсутствием диалогической формы дистанционного образования.

7. Обнаружены признаки дидактогении в планировании корпоративного обучения.

Исходя из необходимости нивелирования негативных моментов в корпоративном образовании предлагаем следующие рекомендации:

1. Разработку программ обучения необходимо осуществлять с привлечением экспертного сообщества, а средства ИКТ (интерактивных курсов, видеолекций, тестов и т. д.) должны использоваться в образовательном процессе компании после проверки на несоответствие классическим принципам дидактики с соблюдением психолого-педагогического цикла усвоения знаний. Данная работа должна осуществляться коллективно с обязательным привлечением профессиональных педагогов высшей школы.

2. Технологии искусственного интеллекта должны быть задействованы в дистанционной форме обучения для контроля посещаемости, успеваемости и итогового контроля, а также для оповещения о предстоящем обучении в ситуации корпоративных групп большого объема (более 20 человек). Специалисты корпоративного университета концентрируются на творческой работе как коммуникаторы между преподавателями и слушателями, отслеживают новые тенденции в дистанционном образовании. Стратегия корпоративного университета должна быть направлена на качество дистанционного обучения, но не на количественные показатели.

Заключение. Проведенное исследование позволило нам сделать следующие общие выводы.

1. Социально-экономический контур проблемы представлен основной тенденцией – разработкой реалистичной стратегии развития корпоративного университета; педагогический – переходом на дистанционное образование.

2. Установлено, что наиболее эффективной формой обучения является очное взаимодействие преподавателя и учащихся при соблюдении классических принципов дидактики, однако дистанционное образование серьезно снижает его качество.

3. Наиболее эффективным методом обучения является классическая лекция с анализом проблемных ситуаций.

4. Выявленные тенденции не дают возможность предполагать возвращение корпоративного образования к очной форме обучения даже в обозримой перспективе.

Проведенное исследование позволило установить, что отсутствие осознанности выбора программы, как и принудительный характер корпоративного обучения, создает негативный психологический фон в компании. Наличие признаков дидактогении в работе административно-управленческого персонала в случае отсутствия четкого целеполагания в обучении также снижает эффективность обучения сотрудников. ИКТ в корпоративных университетах внедряются неэффективно в связи с отсутствием, с одной стороны, стратегии, с другой – вследствие невысокой компетентности сотрудников корпоративных университетов (за исключением флагманов сегмента), что также не может способствовать достижению образовательных целей компании. Такое положение дел требует интенсивной коррекции с учетом приведенных нами рекомендаций.

Область дальнейших научных исследований этой проблемы целесообразно сконцентрировать на разработке методологии использования ИКТ в корпоративном образовании с целью создания среды, аналогичной по эффективности классической очной форме обучения и основанной на принципах дидактики.

Список источников:

Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами. СПб., 2005. 832 с.

Бабанский Ю.К. Избранные педагогические труды. М., 1989. 558 с.

Доссэ Т.Г. Непрерывное образование: как успешно обучать взрослых? // Дополнительное профессиональное образование: традиции и инновации**.** Ярославль, 2020. С. 10–21.

Катькало В.С. Современные корпоративные университеты: эволюция концепции и вызовы цифровой эпохи // Корпоративные университеты России – 2022. М., 2022. С. 10–34.

Лернер И.Я. Дидактическая система методов обучения. М., 1981. 183 с.

Осечкина Л.И., Перминова Л.М., Шабаева Н.В. Дидактические основы использования цифровых и диалогических технологий в системе дополнительного профессионального образования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2021. № 4. С. 129–141. https://doi.org/10.18384/2310-7219-2021-4-129-141.

Шейн Э.Х. Организационная культура и лидерство. СПб., 2002. 336 с.

Argiris C., Schon D. Organizational Learning: A Theory of Action Perspective. Addison-Wesley, 1996. 344 p.

Argyris C. On Organizational Learning. Cambridge, 1992. 464 p.

Nonaka I., Takeuchi H. The Knowledge-Creating Company: How Japanese Companies Create the Dynamics of Innovation. N. Y., 1995. 310 p. https://doi.org/10.1093/oso/9780195092691.001.0001.

Scarborough H., Carter C. Investigating Knowledge Management. L., 2000. 80 p. https://doi.org/10.1108/ict.2001.33.5.178.4.

Welch J. The Real-Life MBA: the No-Nonsense Guide to Winning the Game, Building a Team and Growing Your Career. L., 2015. 264 p.

References:

Argiris, C. & Schon, D. *Organizational Learning: A Theory of Action Perspective*. Addison-Wesley. 344 p.

Argyris, C. (1992) *On Organizational Learning*. Cambridge. 464 p.

Armstrong, M. (2005) *Praktika upravleniya chelovecheskimi resursami* [*The practice of human resource management*]. St. Petersburg. 832 p. (In Russian)

Babanskii, Yu. K. (1989) *Izbrannye pedagogicheskie trudy* [*Selected pedagogical works*]. Moscow. 558 p. (In Russian)

Dosse, T. G. (2020) Continuous Education: How to Successfully Educate Adults? In: *Dopolnitel'noe professional'noe obrazovanie: traditsii i innovatsii.* Yaroslavl, pp. 10–21. (In Russian)

Kat'kalo, V. S. (2022) Sovremennye korporativnye universitety: evolyutsiya kontseptsii i vyzovy tsifrovoi epokhi [Modern corporate universities: evolution of the concept and challenges of the digital age]. In: *Korporativnye universitety Rossii – 2022*. Moscow, pp. 10–34. (In Russian)

Lerner, I. Ya. (1981) *Didakticheskaya sistema metodov obucheniya* [*Didactic system of teaching methods*]. Moscow. 183 p. (In Russian)

Nonaka, I. & Takeuchi, H. (1995) *The Knowledge-Creating Company: How Japanese Companies Create the Dynamics of Innovation*. New York. 310 p. Available from: doi:10.1093/oso/9780195092691.001.0001.

Osechkina, L. I., Perminova, L. M. & Shabaeva, N. V. (2021) Didactic Foundations of the Digital and Dialogic Technologies Use in the System of Additional Professional Education. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Pedagogics*. (4), 129–141. Available from: doi:10.18384/2310-7219-2021-4-129-141. (In Russian)

Scarborough, H. & Carter, C. (2000) *Investigating Knowledge Management*. London. 80 p. Available from: doi:10.1108/ict.2001.33.5.178.4.

Shein, E. X. (2002) *Organizatsionnaya kul'tura i liderstvo* [*Organizational culture and leadership*]. St. Petersburg. 336 p. (In Russian)

Welch, J. (2015) *The Real-Life MBA: the No-Nonsense Guide to Winning the Game, Building a Team and Growing Your Career*. London. 264 p.

Информация об авторе

Р.А. Дубовицкий – независимый исследователь, кандидат социологических наук, доцент, главный специалист «Газпром корпоративный институт», Москва, Россия.

Конфликт интересов:
автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

R.A. Dubovitskiy – Independent Researcher, PhD in Sociology, Associate Professor, Chief Specialist at Gazprom Corporate Institute, Moscow, Russia.

Conflicts of interests:
The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 21.01.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.02.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 25.02.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья
УДК 371.3
https://doi.org/10.24158/spp.2025.2.12

Арт-педагогика как средство формирования мотивации к учебной деятельности у младших школьников

Наталья Геннадьевна Савкина[1], Надежда Павловна Шевелева[2]
[1]Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия,
https://orcid.org/0000-0003-4790-6160
[2]Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия,
shnaps@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-6600-3579

Аннотация. В статье рассматривается арт-педагогика как средство формирования учебной мотивации у учащихся начальной школы. Представлено определение понятия «арт-педагогика», описаны ее преимущества. Проанализированы формы организации работы в рамках данной технологии. Подготовлен и апробирован комплекс занятий с использованием методов и форм арт-педагогики, направленный на коррекцию и улучшение результатов, формирование мотивации обучения, достижение успеха, повышение самооценки, снижение школьной тревожности. Приведены примеры упражнений с использованием технологии арт-педагогики в процессе внеурочной деятельности. В результате проведения занятий с использованием предложенного комплекса упражнений дети младшего школьного возраста экспериментальной группы стали демонстрировать более высокие познавательные мотивы, стремление максимально успешно выполнять все предъявляемые школой требования по сравнению с учащимися из контрольной группы. Дети стали охотнее следовать всем указаниям учителя, повысился уровень добросовестности и ответственности.

Ключевые слова: арт-педагогика, мотивация, учебная деятельность, младшие школьники, комплекс занятий

Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Савкина Н.Г., Шевелева Н.П. Арт-педагогика как средство формирования мотивации к учебной деятельности у младших школьников // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 2. С. 117–124. https://doi.org/10.24158/spp.2025.2.12.

Original article

Art Pedagogy as a Means of Forming Motivation for Learning Activities in Primary School Children

Natalia G. Savkina[1], Nadezhda P. Sheveleva[2]
[1]Tyumen State University, Tyumen, Russia, https://orcid.org/0000-0003-4790-6160
[2]Tyumen Industrial University, Tyumen, Russia,
shnaps@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-6600-3579

Abstract. The article investigates the role of art-pedagogy in fostering motivation for learning among primary school students. It provides a comprehensive definition of “art-pedagogy” and outlines its advantages. The study analyzes various organizational forms of work within this pedagogical framework. A set of classes using methods and forms of art-pedagogy aimed at correction and improvement of results, formation of learning motivation, achievement of success, increase of self-esteem, reduction of school anxiety is prepared and tested. Examples of exercises using the technology of art pedagogy in the process of extracurricular activities are given. Findings indicate that students in the experimental group, who participated in the proposed exercises, exhibited increased cognitive motivation and a greater willingness to meet academic expectations compared to their peers in the control group. Additionally, there was a notable rise in the levels of conscientiousness and responsibility among these students, as they became more inclined to adhere to the teacher’s instructions.

Keywords: art pedagogy, motivation, educational activity, primary school students, set of activities

Funding: Independent work.

For citation: Savkina, N.G. & Sheveleva, N.P. (2025) Art Pedagogy as a Means of Forming Motivation for Learning Activities in Primary School Children. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics.* (2), 117–124. Available from: doi:10.24158/spp.2025.2.12 (In Russian).

Современная педагогика сталкивается со множеством вызовов и задач. Проблема мотивации остается актуальной как в зарубежной психологии, так и в отечественной. Вопросами изучения мотивации занимались выдающиеся отечественные ученые, среди них В.Г. Асеев, В.К. Вилюнас,

© Савкина Н.Г., Шевелева Н.П., 2025

Б.И. Додонов, В.А. Иванников, Е.П. Ильин, А.Н. Леонтьев, В.С. Мерлин, П.В. Симонов, П.М. Якобсон и др. (Пономаренко, Ченобытов, 2013). Среди зарубежных исследователей выделяются Д.В. Аткинсон (Atkinson, 2017), К.В. Мадсен, А.Г. Маслоу (2011), Х. Хекхаузен и др.

Устойчивая мотивация обучаемого во многом обеспечивает эффективность усвоения учебного материала (Пономаренко, Ченобытов, 2013). Однако у многих младшеклассников мотивация не сформирована в полной мере (Шевырдяева, 2013). У них пропадает какой бы то ни было интерес к учебе, школьные дисциплины кажутся бесполезными и слишком сложными. Творческая деятельность же позволяет учащимся выражать чувства и эмоции, что способствует снижению уровня стресса на уроках и повышает уровень их вовлеченности (Цибульникова, 2019).

Актуальность исследования обусловлена тем, что основной задачей Федерального государственного общеобразовательного стандарта начального общего образования (ФГОС НОО) является формирование у детей методов и приемов самостоятельного приобретения навыков, знаний, активной жизненной позиции в русле нравственного, гражданского, трудового воспитания, иными словами, устойчивой мотивации к обучению и саморазвитию. Мотивация как конструкт играет одну из главных ролей в процессе обучения, особенно у учащихся начальных классов, которые, находясь на важном этапе формирования идентичности, начинают оценивать свои способности и интересы. В рамках данного исследования за ключевое понятие мотивации мы взяли трактовку А.Н. Леонтьева (1975): мотивация – это совокупность движущих сил, которые побуждают человека к деятельности, имеющей определенную целевую направленность.

Мотивация к обучению в школе у младших школьников характеризуется отрицательными и положительными аспектами, находясь в динамике развития. Такие черты, как широта интересов и любознательность, относятся к благоприятным и положительным чертам мотивации, первая из которых определена тем, что ребенок, поступая в школу, начинает интересоваться явлениями окружающего мира, не предусмотренными программой обучения. Мотивация учебной деятельности младших школьников делится на два типа:

1) внешняя (когда ученик учится только ради похвалы со стороны учителей или/и родителей);

2) внутренняя (когда учеба направлена на конкретные интересы и цели учащихся, через достижение которых происходит самореализация).

Центральное место в мотивации к учению в данном возрасте занимают мотив самоутверждения, а также познавательный интерес, что открывает возможности развития мотивации к обучению и общей мотивации к познанию посредством укрепления самооценки школьника с развитием произвольности поведения (Пономаренко, Ченобытов, 2013: 357). Это осуществляется через создание условий, в которых ученик сможет оценить и отрефлексировать свои успехи и достижения. Педагог может обеспечить такие условия путем предоставления учащимся возможностей для проявления инициативы, самостоятельности и ответственности за результат своей деятельности. Важно также поддерживать положительный эмоциональный фон на занятиях, формируя атмосферу взаимного уважения. Такой подход способствует развитию внутренней мотивации, что, в свою очередь, ведет к повышению успеваемости и интереса к учебе.

На формирование мотивации к обучению у младших школьников влияют перечисленные на рисунке 1 факторы.

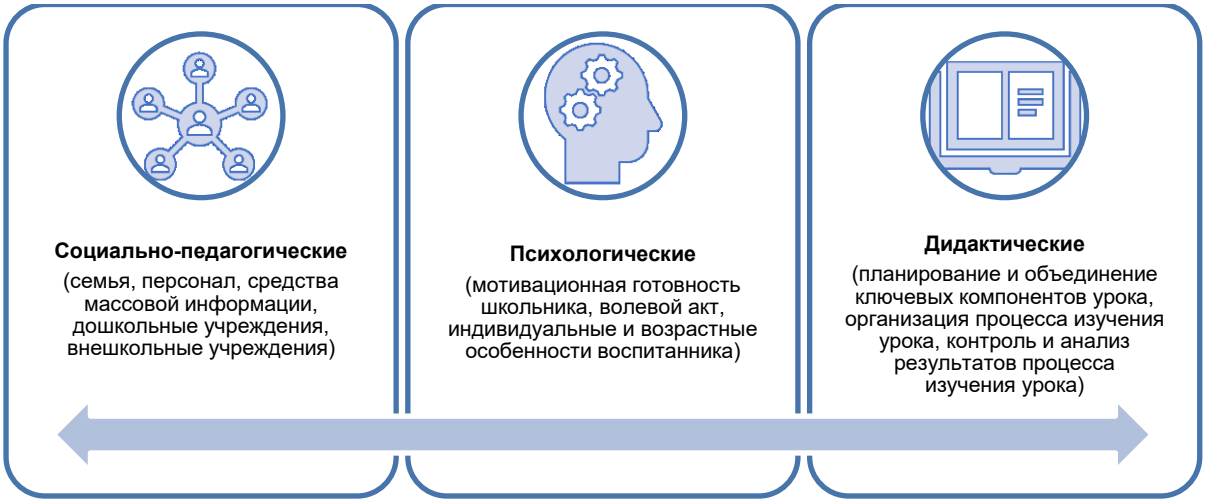


Рисунок 1 *– Факторы формирования мотивации учащихся начальных классов*[1]

Figure 1 *– Factors of Motivation Formation of Elementary School Students*

[1] Составлено авторами на основе данных из следующего источника: Субботина, 2022: 404.

Согласно требованиям ФГОС НОО, которые ставят перед школами новые задачи и цели развития детей, важно искать новые методы воздействия на школьников. По нашему мнению, арт-педагогика, основанная на искусстве, является интегративным и эффективным методом развития мотивации. Анализируя отечественные (Христидис, 2018; Цибульникова, 2019) и зарубежные (Atkinson, 2017) публикации, мы находим множество инициатив в области применения искусства в школах (Христидис, 2018: 7; Atkinson, 2017: 143). Арт-педагогика представляет собой актуальную методику для российских ученых в области педагогики, искусства, психологии, социологии (В.П. Анисимов, Ю.С. Шевченко, Л.В. Крепица, Е.А. Медведева, И.Ю. Левченко, О.С. Булатов, Ю.С. Валеева, М.В. Гузева, А.Ю. Сметанина, Е.В. Таранов, Н.Я. Шумакова, Н.Ю. Сергеева, М.В. Катренко), потому что искусство позволяет глубоко исследовать и раскрывать психические переживания.

Таким образом, обращение к арт-педагогике играет немаловажную роль в формировании мотивации к учебной деятельности у младших школьников. Этот синтез областей научного знания способствует созданию увлекательной и творческой атмосферы в рамках школьного обучения. Отметив все преимущества арт-педагогики, образовательные учреждения в настоящее время активно интегрируют ее в образовательный процесс, создавая условия для самовыражения и творчества обучаемых.

Арт-педагогика как отрасль, соединяющая педагогическую науку и искусство, призвана находить ответы на множество актуальных вопросов нашего времени (Atkinson, 2017). Она способствует развитию творческих способностей обучаемых и обогащению их эмоциональной сферы. Благодаря творчеству дети легче познают окружающий мир, выражают свои чувства и мысли[1]. Помимо этого, творчество создает благоприятную среду для развития критического мышления и креативности (Христидис, 2018).

К формам применения арт-педагогики можно отнести следующие:

1) использование различных техник и приемов изобразительного искусства помогает детям выразить эмоции и впечатления от окружающего мира;

2) пение, игра на музыкальных инструментах и прослушивание музыки с последующим анализом произведений способствуют развитию слухового восприятия информации у детей;

3) участие в театральных постановках развивает коммуникативные навыки, придает уверенность в себе;

4) написание рассказов, стихов и эссе содействует развитию воображения и литературного вкуса.

Перечисленные виды деятельности позволяют интегрировать художественный компонент в учебный процесс, делая его более интересным и живым. Арт-педагогика предоставляет педагогам множество инструментов для создания благоприятной и доверительной обстановки на уроках (рисунок 2). Когда учащийся чувствует себя в рамках школьного урока (или внеурочного занятия) комфортно и уверенно, он становится более открытым к новым знаниям. Обучаемые, вовлеченные в творческую, созидательную деятельность, чаще проявляют инициативу и желание приобретать новые навыки.

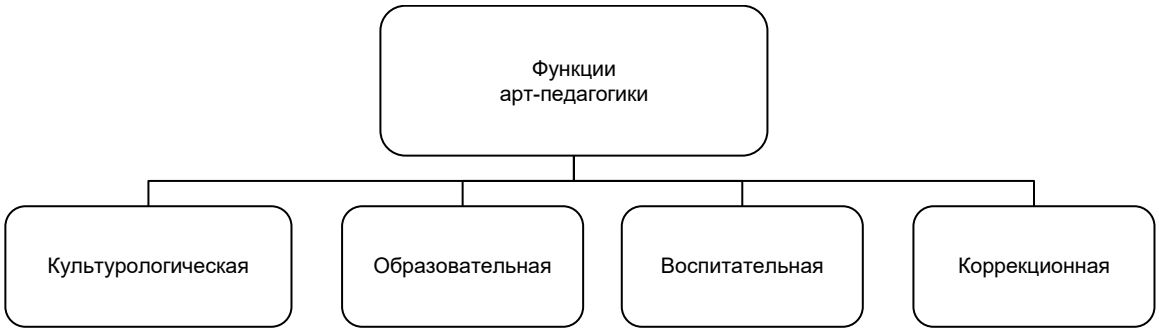


Рисунок 2 *– Функции арт-педагогики*[2]

Figure 2 *– Functions of Art Pedagogy*

Например, при чтении сказок А.С. Пушкина можно включить фрагменты произведений М.И. Глинки или П.И. Чайковского, чтобы усилить восприятие художественных образов. Театральная деятельность возможна на уроках истории: учитель организует мини-спектакли, в которых

[1] Арт-педагогика и арт-терапия в специальном и инклюзивном образовании : учеб. для среднего профессионального образования / под ред. Е.А. Медведевой : 2-е изд., испр. и доп. М., 2024. 274 с.

[2] Составлено авторами.

дети играют роли исторических персонажей. Это поможет им погрузиться в атмосферу прошлого и лучше понять исторические события.

Формирование мотивации к учебной деятельности – сложный многоаспектный процесс, который зависит от множества факторов. Арт-педагогика оказывает положительное воздействие на мотивацию несколькими способами.

1. Эмоциональная вовлеченность: творческая деятельность вызывает у ребенка выраженные положительные эмоции, что способствует повышению его интереса к учебе. Учащийся начинает воспринимать учебный процесс не как обязанность, а как возможность для самовыражения и творчества.

2. Реализация индивидуального подхода: каждый ребенок уникален, а арт-педагогика позволяет учитывать его индивидуальные особенности и способности.

3. Развитие самостоятельности: занимаясь творчеством, ребенок учится искать нестандартные решения задач и проявлять инициативу. Все это способствует формированию активной жизненной позиции учащегося.

4. Побуждение к самореализации: через творчество дети получают возможность проявить индивидуальность и осознать себя функциональными членами общества.

Арт-педагогика предполагает активную деятельность всех участников образовательного процесса. Дети работают сообща, обсуждают свои работы, делятся впечатлениями и опытом, что способствует развитию коммуникативных навыков и социального взаимодействия.

Цель настоящего исследования – изучение эффективности применения арт-педагогики в формировании мотивации к учебной деятельности у младших школьников. База исследования: негосударственное образовательное учреждение «Специализированная гимназия “Аврора”», Тюмень. В исследовании приняло участие 60 детей младшего школьного возраста. Учащиеся 3-го «А» класса составили контрольную группу, учащиеся 3-го «Б» класса – экспериментальную. Средний возраст 9–10 лет, 28 мальчиков и 32 девочки.

Методики исследования:

1) оценка уровня школьной мотивации по А.Н. Лускановой;

2) изучение направленности мотивации по Е.П. Ильину;

3) анализ отношения к учебным предметам по Г.Н. Казанцевой;

4) проективная методика «В школе»;

5) методика Л.А. Венгер «Школа зверей».

Так как дети выражают интерес к изо, а также в силу потенциала воздействия на мотивацию обучения рисуночных техник на формирующем этапе нами были разработан и апробирован комплекс из 10 занятий с применением методов и форм арт-педагогики, направленный на коррекцию и улучшение результатов обучения, формирование мотивации к обучению, достижение успеха, повышение самооценки, уверенности в себе, снижение школьной тревожности и страхов, связанных с процессом обучения. Занятия проводились нами один раз в неделю во внеурочное время и занимали от 30 до 60 минут. Использовались такие методы и формы работы, как рисование, игры с песком, рисование мандал, игры с красками, релаксационные упражнения.

На занятиях прорабатывались следующие аспекты: формирование позитивной обратной связи для укрепления самооценки, управление мотивами, поддержка самораскрытия, формирование потребности самопознания и саморазвития, прояснение я-концепции, осознание собственной социальной роли, активизация механизмов творческого воображения, обогащение знаний о я-концепции, развитие творческого воображения и критического мышления, повышение значимости учебной деятельности, усиление мотивации обучения, повышение ценности обучения в школе.

Результаты констатирующего и экспериментального этапов исследования представлены в таблицах 1–10. Оценка эффективности разработанных занятий (контрольный этап) осуществлялась при помощи тех же методик, что и на констатирующем этапе. Работа велась с детьми экспериментальной группы.

Таблица 1 *– Распределение уровней учебной мотивации младших школьников на констатирующем (до) и контрольном (после) этапах по методике А.Н. Лускановой, %*[1]

Table 1 *– Distribution of Levels of Educational Motivation of Primary School Students at the Ascertaining Stage (Before) and the Control (After) Stages According to the Method of A.N. Luskanova, %*

Уровень	Доля детей в экспериментальной группе		Доля детей в контрольной группе	
	до	после	до	после
Высокий	13,3	50,0	13,3	13,3
Средний	46,7	46,7	53,3	56,7
Низкий	40,0	3,3	33,3	30,0

[1] Все таблицы в статье составлены авторами.

Таблица 2 *– Распределение направленности мотивации младших школьников, %*

Table 2 *– Distribution of Motivation Orientation of Primary School Students, %*

Показатель	**Доля детей в экспериментальной группе**		**Доля детей в контрольной группе**	
	до	после	до	после
Направленность на отметку	53,3	20,0	53,3	53,3
Направленность на получение знаний	20,0	53,3	26,7	26,7
Отсутствие выраженной направленности	26,7	6,7	20,0	20,0

Таблица 3 *– Распределение предпочитаемых предметов среди детей, %*

Table 3 *– Distribution of Preferred Items among the Children, %*

Предмет	**Доля детей в экспериментальной группе**		**Доля детей в контрольной группе**	
	до	после	до	после
Математика	13,3	20,0	6,7	6,7
Физкультура	26,7	6,7	26,7	26,7
Русский язык	6,7	13,3	13,3	13,3
Музыка	0,0	6,7	6,7	6,7
Изо	20,0	13,3	13,3	13,3
Английский язык	6,7	20,0	6,7	6,7
Чтение	20,0	20,0	20,0	20,0
ОРКСЭ	6,7	13,3	6,7	6,7

Таблица 4 *– Распределение результатов оценки эмоционального благополучия ребенка в школе, %*

Table 4 *– Distribution of the Results of the Child's Emotional Well-Being at School, %*

Результат	**Доля детей в экспериментальной группе**		**Доля детей в контрольной группе**	
	до	после	до	после
Высокий уровень эмоционального благополучия	20,0	53,3	26,7	26,7
Средний уровень	46,7	40,0	40,0	46,7
Низкий уровень, высокая тревожность	33,3	6,7	33,3	26,7

Таблица 5 *– Распределение результатов оценки адаптации к школе, %*

Table 5 *– Distribution of Results of Adaptation to School, %*

Уровень адаптации	**Доля детей в экспериментальной группе**		**Доля детей в контрольной группе**	
	до	после	до	после
Высокий	20,0	53,3	26,7	26,7
Средний	46,7	40,0	40,0	40,0
Низкий	33,3	6,7	33,3	33,3

Таблица 6 *– Распределение показателей самооценки и уверенности в себе среди младших школьников, %*

Table 6 *– Distribution of Self-Esteem and Self-Confidence Indicators among Primary School Students, %*

Самооценка	**Доля детей в экспериментальной группе**		**Доля детей в контрольной группе**	
	до	после	до	после
Высокая	20,0	20,0	26,7	26,7
Адекватная	40,0	60,0	33,3	40,0
Низкая	40,0	20,0	40,0	33,3

Таблица 7 *– Распределение показателей выраженности негативных эмоциональных состояний среди младших школьников, %*

Table 7 *– Distribution of Indicators of Severity of Negative Emotional States among Primary School Students, %*

Тревожность, агрессивность, страхи	**Доля детей в экспериментальной группе**		**Доля детей в контрольной группе**	
	до	после	до	после
Высокий уровень	20,0	6,7	26,7	26,7
Средний уровень	46,7	33,3	40,0	40,0
Отсутствие	33,3	53,3	33,3	33,3

Таблица 8 *– Распределение результатов оценки уровня благоприятности взаимоотношений с одноклассниками среди младших школьников, %*

Table 8 *– Distribution of Levels of Favorable Relationships with Classmates among Primary School Students, %*

Взаимоотношения с одноклассниками	**Доля детей в экспериментальной группе**		**Доля детей в контрольной группе**	
	до	после	до	после
Благоприятный уровень	20,0	67,7	26,7	26,7
Уровень средней благоприятности	40,0	33,3	33,3	33,3
Выраженная неблагоприятность	40,0	0,0	40,0	40,0

Таблица 9 *– Показатели благоприятности отношений между учителем и младшим школьником, %*

Table 9 *– Indicators of Favorable Relations between a Teacher and a Primary School Student, %*

Взаимоотношения с учителями	**Доля детей в экспериментальной группе**		**Доля детей в контрольной группе**	
	до	после	до	после
Благоприятные	33,3	67,7	40,0	40,0
Средней степени благоприятности	46,7	33,3	46,7	46,7
Неблагоприятные	20,0	0,0	13,3	13,3

Таблица 10 *– Отношение к учебе и школе среди младших школьников, %*

Table 10 *– Attitudes towards Learning and School among Primary School Students, %*

Отношение к учению	**Доля детей в экспериментальной группе**		**Доля детей в контрольной группе**	
	до	после	до	после
Познавательное, направленное на знания	20,0	53,3	26,7	30,0
Внеурочная деятельность	53,3	20,0	53,3	53,3
Отсутствие позиции ученика	26,7	6,7	20,0	16,7

Таким образом, в результате исследования можно сделать вывод, что на констатирующем этапе младшие школьники характеризуются выраженным средним уровнем мотивации к обучению. Он проявляется в направленности на получение отметок, а не знаний, выраженной привлекательности игровой деятельности, а также в интересе к предметам, не требующим применения знаний. Причинами среднего уровня мотивации могут служить повышенная тревожность, сложности в оценивании себя и уверенности в себе, отсутствие хороших отношений со сверстниками и учителями.

По итогам занятий дети младшего школьного возраста экспериментальной группы стали отличатся наличием высоких познавательных мотивов, стремлением наиболее успешно выполнять все предъявляемые школой требования. Дети стали охотнее следовать всем указаниям учителя, повысился уровень добросовестности и ответственности: на контрольном этапе 50,0 % учащихся демонстрировали высокий уровень школьной мотивации, 46,7 – средний, 53,3 – показывали направленность на получение знаний, 20,0 % – направленность на отметку. Обучаемые расширили круг познавательных интересов, так как на контрольном этапе среди членов экспериментальной группы наблюдалось повышение интереса к таким предметам, как математика, русский язык, английский язык.

Также у детей сложилось эмоционально благополучное отношение к школе и учению, они готовы к принятию учебных задач и взаимодействию с учителем: 53,3 % стали показывать высокий уровень эмоционального благополучия, 40,0 – средний, 53,3 % – высокий уровень адаптации к школе. Возросли показатели самооценки, уверенности в себе, улучшились отношения с педагогами и одноклассниками, снизилась тревога.

В результате проведения нами 10 занятий по формированию и развитию мотивации у младших школьников из экспериментальной группы наблюдаются следующие изменения на контрольном этапе эксперимента:

1) возрастание общего уровня школьной мотивации, что проявляется в формировании направленности на получение знаний, повышении познавательного интереса и мотивации, развитии любознательности, самостоятельности;

2) повышение интереса к познанию нового, появление желания достичь успешности по многим предметам;

3) повышение эмоционального благополучия, снижение тревоги, улучшение самочувствия младших школьников;

4) возрастание адаптированности к школе, улучшение отношений со сверстниками и педагогами;

5) формирование более позитивного и осознанного отношения к учебе.

В результате исследования можно сделать вывод об эффективности разработанного и реализованного комплекса, так как у участников экспериментальной группы наблюдается значительное повышение уровня мотивации к учебной деятельности, а также интереса к обучению в школе.

Арт-педагогика является действенным инструментом в контексте формирования мотивации к учебной деятельности у младших школьников. Она позволяет сделать процесс обучения более насыщенным и увлекательным, а также способствует развитию творческих способностей и обогащению эмоциональной сферы обучаемых. Интеграция художественных методов в традиционный учебный процесс может значительно повысить качество образования и подготовить детей к успешной адаптации в современном мире.

Список источников:

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. 303 с.

Маслоу А. Мотивация и личность / пер. с англ. Т. Гутман, Н. Мухина : 3-е изд. М., 2011. 351 с.

Пономаренко А.А., Ченобытов В.А. Теоретические основы исследования учебной мотивации студентов // Молодой ученый. 2013. № 1 (48). С. 356–358.

Субботина К.С. Развитие мотивации учения у младших школьников // Изучение и образование детей с различными формами дизонтогенеза : материалы XVII Всерос. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов, магистрантов и слушателей памяти профессора В.В. Коркунова. Екатеринбург, 2022. С. 402–406.

Христидис Т.В. Арт-педагогика: современные тенденции развития // Арт-педагогические технологии в культуре и образовании : материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Т.В. Христидис, Е.В. Ольшанская. М., 2018. С. 6–10.

Цибульникова В.Е. Арт-педагогика в системе педагогического знания: здоровьесберегающий аспект // Современные векторы развития образования: актуальные проблемы и перспективные решения : сб. науч. тр. XI Междунар. науч.-практ. конф. : 2 ч. / отв. ред. Воровщиков С.Г., Шклярова О.А. М., 2019. Ч. 2. С. 162–165.

Шевырдяева К.С. Психолого-педагогические особенности мотивации младших школьников // Вестник Пензенского государственного университета. 2013. № 4. С. 25–29.

Atkinson D. Without criteria: Art and learning and the adventure of pedagogy // International Journal of Art & Design Education. 2017. Vol. 36, no. 2. P. 141–152. https://doi.org/10.1111/jade.12089.

References:

Atkinson, D. (2017) Without criteria: Art and learning and the adventure of pedagogy. *International Journal of Art & Design Education*. 36 (2), 141–152. Available from: doi:10.1111/jade.12089.

Khristidis, T.V. Art pedagogy: Modern development trends. In: Khristidis, T.V. & Olshanskaya, E.V. (eds.) *Art-pedagogical technologies in culture and education: Proceedings of the International scientific and practical conference*. Moscow, MGIK, 6–10. (In Russian)

Leontiev, A.N. (1975) Activity, Consciousness, and Personality. Moscow, Politizdat. (In Russian)

Maslow, A. (2011) Motivation and personality. Moscow, Piter. (In Russian)

Ponomarenko, A.A. & Chenobytov, V.A. (2013) Theoretical foundations of the study of students' educational motivation. *Young Scientist*. (1), 356–358. (In Russian)

Shevyrdyaeva, K.S. (2013) Psychological and pedagogical features of motivation of primary school students. *Vestnik of Penza State University*. (4), 25–29. (In Russian)

Subbotina, K.S. (2022) Development of learning motivation in primary school children. In: *Study and education of children with various forms of dysontogenesis: Proceedings of the XVII All-Russian scientific and practical conference of students, graduate students, master's students and listeners in memory of Professor V.V. Korkunov*. Ekaterinburg, UrGPU, 402–406. (In Russian)

Tsibulnikova, V.E. (2019) Art pedagogy in the system of pedagogical knowledge: Health-preserving aspect. In: Vorovshchikov, S.G. & Shklyarova, O.A. (eds.) *Modern vectors of education development: Current problems and promising solutions: Collection of scientific papers of the XI International scientific and practical conference. Pt 2*. Moscow, MGPU, 162–165. (In Russian)

Информация об авторах

Н.Г. Савкина – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры Теории и методики начального и дошкольного образования, Тюменский государственный университет, Ишим, Россия.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=426618

Н.П. Шевелева – кандидат технических, доцент, доцент кафедры Экономики и организации производства, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=479462

Вклад авторов:

Н.Г. Савкина – научное руководство, концепция исследования, развитие методологии, участие в разработке программы арт-педагогики и ее реализации, написание исходного текста, итоговые выводы.

Н.П. Шевелева – участие в интерпретации эксперимента, доработка текста, итоговые выводы.

Конфликт интересов:
авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

N.G. Savkina – PhD in Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Theory and Methodology of Elementary and Preschool Education, Tyumen State University, Ishim, Russia.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=426618

N.P. Sheveleva – PhD in Engineering Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Economics and Organization of Production, Tyumen Industrial University, Tyumen, Russia.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=479462

Contribution of the authors:

N.G. Savkina – academic advising, concept of the study, methodology development, participation in the development of the art pedagogy program and its implementation, source text writing, final conclusions.

N.P. Sheveleva – participation in the interpretation of the experiment, follow-on revision of the text, final conclusions.

Conflicts of interests:
The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 27.12.2024;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 24.01.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 25.02.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья
УДК 37.02:372.878
https://doi.org/10.24158/spp.2025.2.13

Формирование этнопевческой культуры личности в системе современного музыкального образования

Татьяна Владимировна Шастина
Санкт-Петербургский государственный институт культуры,
Санкт-Петербург, Россия, shastiny@yandex.ru

Аннотация. Актуальность проблемы формирования этнопевческой культуры личности обусловлена изучением организации профессиональной подготовки обучающихся в вузе, результативностью педагогических технологий, обобщением опыта преподавания и прогнозированием перспектив этновокального образования. Сегодня оно, транслируя культуру прошлого, активно воздействует на состояние современного народного вокально-музыкального искусства, обновляя его благодаря воспитанию человека, у которого знание народно-певческих традиций и умения воспринимать и воспроизводить образцы искусства устной традиции сочетаются с новым музыкальным мышлением. Этновокальное образование определено автором в качестве многогранного процесса коммуникации, института, позволяющего певческой культуре этноса сохраняться на основе ее воссоздания, развиваться в ходе творческой деятельности людей. В статье отмечается целесообразность реализации специально организованного раннего этновокального обучения каждого человека, направленного на освоение родной локальной певческой культуры и приобщения к вокальным традициям других народов. Подчеркивается, что для этого необходима профессиональная подготовка преподавателей с высоким уровнем сформированности этнопевческой компетенции.

Ключевые слова: этнопевческая культура, высшее профессиональное образование, этновокальное образование, этновокальная педагогика, этнопевческая деятельность, общекультурные и профессиональные компетенции, локальная певческая традиция

Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Шастина Т.В. Формирование этнопевческой культуры личности в системе современного музыкального образования // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 2. С. 125–132. https://doi.org/10.24158/spp.2025.2.13.

Original article

Criteria and Indicators of the Formation of the Ethno-Singing Culture of Students of the University of Culture

Tatiana V. Shastina
St. Petersburg State University of Culture, St. Petersburg, Russia, shastiny@yandex.ru

Abstract. The relevance of the issue concerning the formation of ethno-singing culture in individuals is underscored by the examination of the organization of professional training for students in higher education institutions of culture, the effectiveness of pedagogical technologies, generalization of pedagogical experience and forecasting the prospects of ethnocultural education. Today, this field, by transmitting the culture of the past, actively influences the state of modern folk vocal and musical art, updating it through the cultivation of individuals who possess both knowledge of folk singing traditions and the ability to perceive and reproduce works of art of the oral tradition, combined with new musical thinking. Ethnovocal education is defined by the author as a multifaceted process of communication, serving as an institution that enables the preservation of the singing culture of an ethnic group through its reconstruction, while also allowing for its development through the creative activities of individuals. The article emphasizes the appropriateness of implementing a specifically organized early ethno-vocal education for each individual, aimed at mastering their native local singing culture and later becoming familiar with the values of other folk cultures. This requires the professional training of ethnocultural teachers with a high level of ethno-singing culture.

Keywords: ethnic singing culture, higher professional education, ethnic and local education, ethnic and local pedagogy, ethnic singing activities, general cultural and professional competencies, local singing tradition

Funding: Independent work.

For citation: Shastina, T.V. (2025) Criteria and Indicators of the Formation of the Ethno-Singing Culture of Students of the University of Culture. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics.* (2), 125–132. Available from: doi:10.24158/spp.2025.2.13 (In Russian).

Актуальность исследования проблем профессионального образования в современной педагогической науке не вызывает сомнений и постоянно возрастает, что обусловлено потребно-

© Шастина Т.В., 2025

стью общества в квалифицированных работниках, профессионалах высшей квалификации, обладающих разносторонними личностными качествами, необходимыми для саморазвития и самореализации в конкретном виде трудовой деятельности, конкурентоспособных (Алексеева, 2019).

Высшее этновокальное профессиональное образование в настоящее время призвано обеспечить условия для приобретения студентами общекультурных и профессиональных компетенций в ходе освоения образовательных программ по направлению подготовки «Искусство народного пения», основанных на государственных образовательных стандартах для дальнейшей успешной профессиональной деятельности в сфере современной культуры.

Этновокальное направление является важным компонентом современного музыкального образования, которое выполняет значимую роль в развитии молодого человека в условиях стремительного расширения информационного пространства, изменений, происходящих в культуре, функционировании народной певческой культуры, включающей певческую деятельность (Стенюшкина, Потешкина, 2023). Способствующее становлению этнокультурной идентичности личности, сохранению и развитию музыкальной культуры этноса рассматриваемое образование выступает в двух ипостасях: как процесс общения индивида с культурами родного и других народов, а также как процесс его этномузыкальной культурации, присвоения, «принятия» соответствующих ценностей личностью. Этим усиливается актуальность рассматриваемой проблемы.

Этновокальное образование мы трактуем как процесс воспроизводства и созидания этномузыкальных смыслов, ценностей народной певческой культуры в ходе присвоения личностью этнокультурных знаний и освоения песенно-творческой деятельности. На современном этапе оно не только транслирует этнопевческую культуру прошлого (Славина, 2019), но и активно воздействует на состояние современного народного вокально-музыкального искусства. Особо это значимо в условиях, когда семья перестала быть транслятором родной музыкальной культуры, а в обществе происходит затухание бытования фольклора. Рассматриваемое образование и специально созданная информационно-образовательная среда для его реализации способствуют сохранению и передаче будущим поколениям народной певческой культуры, и в этом контексте, на наш взгляд, целесообразна организация раннего специального этновокального обучения каждого человека через освоение родной локальной певческой культуры и приобщение к ценностям других народных культур.

В этой связи возникает необходимость решения ряда задач, сопряженных с внедрением инновационных форм обучения на основе сохранения традиционных и их актуализации, с грамотным применением информационных технологий, с воссозданием народных певческих традиций и формированием универсального исполнителя народной и авторской песни. Указанный подход требует взаимозависимости и неделимости таких феноменов, как культура, общество, образование, человек благодаря выявленной нами структуре надбиологических программ русской вокальной школы и формированию современного универсального певца (Шастина, 2020).

В этом случае необходимо создание условий, в которых динамика развития этнопевческой культуры личности приобретает положительный результат, что, несомненно, отражается на уровне как этнокультурного воспитания молодого человека, так и сохранения народных певческих традиций и их воссоздания. Одной из составляющих этнокультурного воспитания молодого поколения является, на наш взгляд, этновокальное образование, способствующее созданию условий для сохранения многонациональности и возрождения народных певческих традиций, необходимых основ развития культуры современной России. В решении данных вопросов значительная роль отводится вузам, которые обеспечивают будущее российской культуры, признанной сегодня национальным приоритетом[1] и гарантом сохранения единого пространства культуры нашего государства[2]. Кроме того, высшему профессиональному этновокальному образованию отведена значимая роль в актуализации и обеспечении преемственности нематериального этнокультурного достояния РФ[3]. Такая установка указывает на необходимость оптимизации обучения и учения, мотивации, активизации и продуктивности учебной деятельности студентов и диагностики формирования у них этнопевческой культуры как свойства личности, необходимого для самостоятельного решения профессиональных задач. В этом и заключается основополагающая задача современного этновокального образования.

---

[1] Об утверждении основ государственной культурной политики [Электронный ресурс]: указ Президента Российской Федерации № 808 от 24.12.2014 (с изменениями и дополнениями) // Официальный сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208 (дата обращения: 07.01.2025).

[2] О Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Российской Федерации № 326-р от 29.02.2016 г. // Правительство Российской Федерации. URL: http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf (дата обращения: 07.01.2025).

[3] Концепция сохранения и развития нематериального культурного достояния Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 февраля 2024 г. № 206-р // Там же. URL: https://clck.ru/3FupNt (дата обращения: 06.01.2025).

Статья нацелена на изучение результативности формирования этнопевческой культуры обучающихся вуза культуры, которая в аспекте нашего исследования рассматривается как основная часть профессиональной культуры студента вуза культуры, осваивающего образовательную программу высшего профессионального образования «Искусство народного пения». Для этого разработаны критерии оценивания, изучены, систематизированы и проанализированы показатели и результаты итоговой аттестации учеников автора – студентов, магистрантов, ассистентов-стажеров выпускных курсов. Уровень сформированности профессиональных свойств обучающихся по обозначенной выше программе важен для определения степени результативности педагогической технологии этновокального воспитания, её реализации, а также для сохранения, воссоздания и развития этнопевческой культуры общества в современной среде ее функционирования.

Этнопевческая культура личности определена нами в качестве сложного развивающегося исторически явления, способа создания художественных ценностей «на основе созидательной творческой деятельности народа» и в качестве процесса формирования личности, раскрытия и развития способностей. Мы выявили, она тесно связана с уровнем сформированности этнопевческого поведения, которое позволяет регулировать вокальную деятельность индивида соответственно условиям объективной внешней ситуации[1]. Этнопевческое поведение формируется в ходе обучения народному пению, это изучает вокальная этнопедагогика[2].

Этнопевческая культура рассматривается нами на двух уровнях: общества и личности. Первая есть совокупность ценностей, норм, технологий, принятых в качестве основных в конкретном обществе и используемых в специально созданных условиях, позволяющих формировать потребность человека в певческой деятельности и ее (деятельности) реализации. Сегодня это среда фольклористики, которая тесно связана с бытованием фольклора. Этнопевческая культура индивида проявляется на личностном уровне как в потребности певческой деятельности, так и в предрасположенности к ней и представляет собой комплекс свойств личности, который включает способность человека воспринимать вокальную музыку, воспроизводить ее специальными певческими приемами и понимать содержание, то есть речь идет о певческой грамотности.

Мы убеждены, что сегодня невозможно реализовать обучение народному пению в современной культурно-образовательной среде, не зная особенностей и свойств фольклорного исполнительства, основ вокальной педагогики и фониологии, техники пения и др. Вокальная этнопедагогика понимается нами как междисциплинарная отрасль системы музыкального образования. Она изучает народную певческую культуру, вокальную педагогику, принципы, методы и формы непроизвольного вокального воспитания разных этносов в среде бытования фольклора и применения полученных знаний в современном этновокальном образовании, а также предполагает разработку на их основе эффективных методов современного обучения народному пению.

Теория изучения вокальной этнопедагогики демонстрирует ее тесную связь с разными феноменами: традиционной певческой культурой, вокальным воспитанием в среде бытования фольклора (Борисенко, 2019). Также имеют место отношения рассматриваемой новой науки с общей, вокальной и этнопедагогикой, психологией, философией, социологией, лингвистикой, этнографией, фольклористикой, фониологией, физиологией человека и др. (Шастина, 2023). Вокальная этнопедагогика изучает этновокальное образование в единстве всех составляющих, влияющих на его качество. Это: уровень квалификации профессорско-преподавательского коллектива, результативность педагогической технологии и методики преподавания, эффективность условий образовательного процесса, актуальность и формы творческой, исполнительской и научно-исследовательской деятельности участников образовательного процесса. Если раньше речь вели о сохранении фольклорного исполнительства и его перенимании в среде бытования (Борисенко, 2019), то сегодня должно рассматривать еще и методы и способы воссоздания локальных народных певческих традиций на основе разных свойств фольклора, в том числе устного способа передачи традиций, импровизации и варьирования. С учетом результатов наших последних фольклорно-этнографических экспедиций, общения с хранителями народных певческих традиций мы убеждены в том, что в деревню следует «вернуть» звучание песен, наигрышей. Для этого необходимо следующее. Во-первых, из архивов передать сельским работникам культуры копии ранних звуко- и видеозаписей. Во-вторых, оказать этим работникам поддержку в работе с данными материалами, а также «помочь» местному населению в освоении и присвоении родных песен, наигрышей, плясок и т. д. Третье – создать в сельских образовательных и учреждениях культуры соответствующие для вышеуказанной работы условия. Речь идет о необходимых помещениях для создания иммерсивной среды, для работы профессионалов – этновокальных преподавателей, руководителей народных певческих коллективов, способных не только работать с

[1] Шастина Т.В. Традиционная певческая культура как средство вокально-эстетического воспитания детей : автореф. дис. … канд. пед. наук. СПб., 2006. 24 с.

[2] Искусство народного пения: теория и практика : справочник / Е.Е. Васильева [и др.]. СПб., 2023. 160 с.

материалами фольклорно-этнографических экспедиций (их расшифровка, нотировка и т. д.), но и взаимодействовать с разновозрастным сельским населением, приобщая их к родной культуре (Шастина, 2021). Отсюда следует, что кадровые вопросы сегодня значимы.

Сказанное определяет то, что в современном вузе культуры принципы этновокального воспитания должны быть тесно связаны с формированием народной певческой культуры личности (Шастина, 2023). Следовательно, выявление критериев и показателей развитости рассматриваемого свойства у студентов вуза выступает важной задачей этновокального образования.

В ходе нашего исследования формирование этнопевческой культуры личности осуществлялось авторским методом речевой артикуляции и резонирования певческого звука (Шастина, 2018). Педагогическая диагностика проводилась в рамках вокально-хоровых учебных дисциплин: «Хоровой класс», «Фольклорный ансамбль», «Ансамблевое пение», «Сольное пение», «Вокальная подготовка», «Постановка голоса» в ходе высшего профессионального и послевузовского обучения (ассистентура-стажировка). Уровни подготовки и сроки реализации образовательных программ: специалитет (5, 6 лет)[1], бакалавриат (4, 5 лет), магистратура (2, 3 года), ассистентура-стажировка (2 года). В исследовании приняли участие 168 человек. Оно продолжалось с 2008 г. по июнь 2024 г. Разделение студентов происходило по времени обучения на разных уровнях подготовки.

В ходе проведенной нами диагностики уровня сформированности этнопевческой культуры студентов мы использовали следующие критерии оценивания – деятельностный, когнитивный и мотивационный. Первый из названных заключался в проверке умений студента принимать стандартные и нестандартные решения учебных задач; активно участвовать в творческих проектах, концертах, фестивалях, конкурсах и т. д.; выразительно исполнять вокальные произведения в разных темпах – как a'capella, так и в сопровождении музыкальных инструментов; свободно и артистично импровизировать соло и в ансамблевом исполнении, при этом точно и активно применяя основные вокально-технические приемы народного пения на высоком уровне, проявляя певческую культуру и вокальное мастерство на основе использования специфических приемов народного исполнительства соответственно исполнительским стилям; осуществлять педагогическую деятельность.

Когнитивный критерий включал: понимание студентом значимости этнопевческой культуры для своей профессиональной деятельности; умение определять достоинства и недостатки в этновокальной культурно-образовательной среде и оценивать свою деятельность; в знании и глубоком понимании принципов, методов и способов выразительного и артистичного исполнения произведения в разных темпах, a'capella и в сопровождении музыкальных инструментов, активно и самостоятельно применяя разные исполнительские приемы народного пения, технику пения в разных стилевых направлениях.

Мотивационный критерий проявлялся в выражении заинтересованности этнопевческой деятельностью (сольно, в ансамбле, хоре); в руководстве певческой деятельностью; в профессиональной самоидентификации; в бережном отношении к ценностям традиционной народной певческой культуры и нормам этновокального педагогического сообщества; в способности к творческой реализации концертных и других программ современных исполнителей народной песни как в индивидуальной, так и в групповой формах.

Оценивание сформированности этнопевческой культуры включало три уровня: минимальный, базовый и высокий, соответственно которым проверялась успешность освоения образовательной программы в ходе выполнения разных контрольных заданий согласно рабочей программе учебной дисциплины (текущий контроль) и в рамках государственной итоговой аттестации (итоговый контроль).

Критериями успешности освоения студентом конкретной учебной дисциплины явились: степень активности его участия в учебном процессе, заинтересованность и инициативность при выполнении заданий, предусмотренных учебно-тематическим планом по учебной дисциплине; самостоятельность, своевременность и качество выполнения упражнений, предусмотренных учебно-тематическим содержанием курса. Устный опрос позволял выявить уровень знаний и умений студента. Например, обучающийся должен был продемонстрировать умение исполнять вокальные, вокально-хоровые упражнения для разных стилистических направлений народного пения по заданию преподавателя, знание произведений репертуара хора и исполнить любое из них на выбор педагога в разных количественных составах и индивидуально, знать комплекс упражнений для подготовки к пению, знать и уметь применять специфические приемы народного исполнительства: кички, спады, сбрасывания, огласовку согласных звуков. Кроме того, студент должен был уметь работать с аутентичными произведениями, зафиксированными нами в ходе фольклорно-этнографических экспедиций: записать варианты многоголосия, слогоритм, создать и записать свою вокальную и ритмическую дорожку и др.

[1] Первая из указанных цифр предполагает временную длительность очной формы обучения, вторая – заочной. Ассистентура-стажировка осуществлялась только очно.

Творческие задания давались для обучения, а также для проверки уровня освоения учебного материала и сформированности умений. Они включали:

1) учебно-тренировочный материал – упражнения для настройки и развития певческого голоса, освоения основных вокально-технических навыков и специфических приемов народного пения, выстраивания интонационного, ритмического, темпового и т.д. ансамбля; разучивание и освоение произведений репертуара;

2) проверку умения импровизации, варьирования манеры пения, его способов и приемов на основе глубокого изучения и освоения особенностей фольклорного исполнительства разных локальных традиций;

3) оценку уровня усвоения интонационного словаря конкретной локальной традиции, умения анализировать звучащие тексты (музыкальные, словесные), выявлять возможные и звучащие варианты, осуществлять интонирование звукоряда песни, текстовых фрагментов осваиваемого произведения;

4) работу с нотами песни, партитурой произведения: разбор, анализирование, изучение, знание наизусть и т. д.;

5) создание схемы мелодического развития в многоголосии, выявление и воспроизведение смысловой интонации словесного текста;

6) интеграцию разных видов деятельности: пение, танец, игра на музыкальных и ударных инструментах устной традиции, пение с элементами хореографии;

7) пение a'capella и в сопровождении народных традиционных и других возможных музыкальных инструментов;

8) освоение произведений, специально созданных для народного пения, а также адаптированных к исполнению в народной манере;

9) овладение типами многоголосия, характерными для народного хорового исполнительства авторских произведений: гармоническим, гомофонно-гармоническим, гомофонно-гармоническим с элементами полифонии, полифоническим, смешанным;

10) подготовку и организацию концертных и конкурсных выступлений с целью развития исполнительской культуры, осуществления музыкально-просветительской деятельности в сфере народного художественного творчества, повышения эффективности формирования свойств личности (творчество, самостоятельность);

11) создание условий стимулирования и мотивации овладения профессиональными умениями и навыками.

Ситуационные задачи для проверки знаний и навыков обучающихся в текущей учебной деятельности ставились соответственно профессиональной подготовке: работа со звукозаписью аутентичного произведения: восприятие, анализирование, нахождение и различение, интонирование вокальных дорожек, разбор слогоритмических особенностей и т. д.; запоминание текстов народных песен (репертуара); выполнение заданий для проверки умения работать с партитурой, аудио-, видеозаписями и их расшифровкой; выполнение разных заданий педагога для оценки практических навыков, например, исполнение песни с элементами варьирования и импровизации, или ансамблевый распев песни в заданных преподавателем музыкальных, ритмических, многоголосных, стилистических условиях.

В качестве примера кратко представим описание группового практического занятия в рамках учебной дисциплины «Ансамблевое пение», на котором осваивалось диалектное пение и изучались песни конкретной локальной певческой традиции, что способствовало формированию и развитию разных компонентов этнопевческой культуры личности. Практические занятия на протяжении всего периода обучения студентов проводились регулярно на основе принципа природосообразности. Обучение было организовано модульным способом (например: 1 месяц – освоение аутентичных произведений одной локальной традиции, 1 месяц – авторских), продолжительность занятия – 1 час 30 минут.

Репрезентируем алгоритм вокально-ансамблевой работы с аутентичными произведениями локальных традиций. Освоение песни начиналось с ее расшифровки без нотации, только на основе слухового восприятия. Нотация выполнялась после освоения студентом песни. Цель занятия – формирование навыка диалектного пения. Практическое занятие имело организационную, основную и итоговую части. Остановимся кратко на основной части, включавшей актуализацию знаний и умений студентов, развитие вокально-технических навыков, специфических приемов народного пения, освоение аутентичных произведений, диалектных особенностей. К каждому занятию студент должен был провести самостоятельную работу по расшифровке песни. На занятии обязательным являлось прослушивание звукозаписи песни, определение звукоряда, выявление диалектных особенностей, смысловых интонаций, создание слогоритма, демонстрация умения воспроизвести основные услышанные студентом вокальные дорожки и т. д. Начало

основной части занятия – распевка для подготовки голоса к фонации, включавшей специальные упражнения, разработанные нами специально на основе изучения аутентичных исполнителей. Распевание происходило ансамблем соответственно диалектным особенностям изучаемой локальной традиции на основе специфических приемов народного пения. Далее – работа со словесным текстом: проговаривание его с учетом особенностей говора в разных темпах вне ритма, со смысловой интонацией, в соответствии с ритмом мелодии и смыслом.

Затем – интонирование звукоряда, словесного текста на основе выявленных вокальных дорожек аутентичного многоголосия песни. Распределялись певческие функции в ансамбле согласно многоголосию звучащего образца, которые в дальнейшем закреплялись, но могли передаваться другому исполнителю. Обязательное условие – сохранение всех созвучий аутентичного варианта песни. Только после этого была возможна импровизация песни в многоголосии в студенческом ансамбле на основе подлинных вариантов. Работа с песней продолжалась в разных темпах с сохранением певческих оборотов и приемов народного коллективного пения.

На описываемом занятии целесообразно использовать педагогический прием, согласно которому ансамбль разделяется на две группы, далее – на несколько групп и на дуэты, которые интонировали песню по одной или несколько строф с сохранением функциональных певческих обязанностей. Каждый студент должен был озвучить выбранную им «вокальную дорожку», не совпадая с другими. Благодаря такой работе создавалось оригинальное «многоголосное полотно» песни на основе подлинного звукового варианта. Как и в случае с аутентичными исполнителями, при повторном звучании или интонировании разными составами исполнителей варианты исполнявшегося произведения разнились в многоголосии.

Следует сказать, что эффективность по освоению импровизации студентами усиливается, если имеется несколько аутентичных вариантов одной песни или она изучалась и исполнялась вместе с ее носителями во время фольклорной экспедиции в среде бытования. Так, на групповом практическом занятии возможна не только настройка и развитие певческих навыков, но и формирование «творческого состояния» студента, его профессиональной мотивации, бережного отношения к народной певческой традиции, а в итоге этнопевческого поведения и в завершении обучения – этнопевческой культуры личности. Отметим, что в передаче певческой традиции сегодня нарушен устный способ. Однако, как мы выявили, песни, которые «присвоены» студентом, зафиксированы в его памяти, могут передаваться сегодня устным способом при сотворчестве.

Кроме вышеуказанных учебных дисциплин исполнительского направления, компетентностный подход в оценивании уровня сформированности этнопевческой культуры студента включал проверку знаний, умений и навыков, приобретаемых им по другим профессиональным дисциплинам, среди них: «Диагностика этновокального воспитания», «Методика преподавания профессиональных дисциплин», «Работа с хором» и др.

Особое значение в формировании этнопевческой культуры личности имело профессиональное отношение и мотивация обучающегося к производственной практике и ее прохождение по видам (исполнительская, педагогическая, фольклорно-исполнительская, научно-исследовательская, преддипломная).

Результаты исследования позволили обнаружить, что освоение комплекса учебных дисциплин и практик дало возможность студентам получить знания, умения и навыки для осуществления таких видов профессиональной деятельности, как художественно-творческая, педагогическая, научно-методическая, организационно-управленческая, экспертно-консультационная, научно-исследовательская.

Основным показателем успешности освоения студентом образовательной программы по рассматриваемому направлению подготовки является государственная итоговая аттестация (итоговый контроль) в форме защиты выпускной квалификационной работы (ВКР) – художественно-творческого проекта[1]. По итогам исследования студенты продемонстрировали высокий уровень сформированности общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций, обозначенных в образовательных программах и полученных обучающимися в ходе освоения профессиональных дисциплин. При этом учитывалась активность работы студентов на учебных занятиях, степень их самостоятельности в обосновании и выполнении проекта, а также качественная реализация концертной программы сольно или в числе певцов хорового коллектива. Например, самостоятельное выступление магистранта продолжительностью 20–25 минут включало разнохарактерные произведения разных жанров и стилистических направлений, соответствовало как вокально-техническим данным студента, так и требованиям, предусмотренным программой. Каждый концерт имел тематическую направленность, определенный сюжет, содержал как произведения фольклора, так и авторские сочинения, обработки народных песен. Такие требования необходимы для выявления уровня сформированности этнопевческой культуры вы-

[1] Указана форма итоговой аттестации, применяемая в вузах в последнее десятилетие.

пускника. Под нашим непосредственным руководством обучающимися были успешно сданы государственные экзамены, защищены выпускные квалификационные работы (ВКР) по программам обучения уровня специалитета (хоровое и сольное пение), бакалавриата (хоровое пение), магистратуры (сольное пение), а также ассистентуры-стажировки (сольное пение). Подчеркнем, что ВКР является формой комплексной оценки уровня сформированности компетенций, что ярко отразило и определило готовность студента к профессиональной исполнительской и педагогической деятельности и выявило уровень сформированности этнопевческой (профессиональной) культуры. Результат оценивался экспертами – членами государственной экзаменационной комиссии и выразился в высоких баллах, полученных обучающимися.

По итогам проведенной работы мы пришли к выводу, что формирование этнопевческой культуры личности целесообразно в системе всех уровней современного музыкального образования благодаря этнической его составляющей. Для этого необходима организация этновокального образования, повышение эффективности профессиональной подготовки преподавателей для реализации учебного процесса на соответствующем уровне, проверка сформированности этнопевческой культуры, разработка критериев и показателей оценки качества рассматриваемого свойства личности. Если раньше речь вели о сохранении фольклорного исполнительства и его перенимании в среде бытования, то сегодня должно рассматривать еще и методы и способы воссоздания локальных народных певческих традиций на основе разных свойств фольклора, в том числе устного способа передачи традиций, импровизации и варьирования в современной образовательной среде.

Исследование позволило нам сделать следующие выводы:

1. Формированию этнопевческой культуры личности в музыкальном образовании способствует этновокальное обучение в единстве составляющих: а) высокий уровень квалификации профессорско-преподавательского коллектива, б) результативность педагогической технологии, в) условия образовательного процесса, г) формы творческой, исполнительской и научно-исследовательской деятельности участников образовательного процесса.

2. Диагностика результатов работы показала эффективность разработанных критериев и показателей для определения уровня сформированности изучаемого свойства личности, благодаря которым была обнаружена положительная динамика развития этнопевческой культуры личности в качестве профессиональной и высокий уровень сформированности рассматриваемого свойства.

3. Опытно-экспериментальным путем была выявлена эффективность разработанного нами метода речевой артикуляции и резонирования певческого звука в результате воздействия разных форм и видов образования, обучения и воспитания и доказано, что одним из важных факторов повышения результативности данного процесса является сочетание групповой и индивидуальной форм занятий.

4. Исследование показало эффективность профессиональной подготовки этновокального преподавателя, хормейстера, руководителя народного певческого коллектива (учебного, любительского, профессионального) с целью получения на выходе специалиста, способного организовать образовательную народно-певческую деятельность, работу по воссозданию народных певческих традиций, в том числе и с применением информационных технологий, а также универсального исполнителя народной и авторской песни в современном музыкальном образовании.

5. Многолетняя исследовательская, опытно-экспериментальная работа доказала, что для достижения большей эффективности этновокального обучения необходимо внедрение инновационных форм его реализации на основе сохранения и актуализации традиционных, а также применение разнообразных видов творческой деятельности: пения, танца, песнетворчества, импровизации, вариативности.

Таким образом, результаты проведенного нами исследования показали целесообразность и результативность авторской педагогической технологии, форм и методов этновокального обучения, реализуемого в вузе культуры по направлению подготовки «Искусство народного пения», а также обнаружили высокий уровень сформированности этнопевческой культуры студентов, магистрантов, ассистентов-стажеров, обучающихся по указанному направлению подготовки. Обладая данным профессиональным качеством, выпускник вуза будет нацелен на профессиональную деятельность по реализации основных задач в культурно-образовательной среде нашего государства, связанных с воссозданием и развитием этнопевческой культуры общества, с сохранением и развитием нематериального культурного достояния Российской Федерации.

Знание современных инновационных подходов на основе народных традиций и их учет в организации высшего этновокального образования может быть полезным как для разработки новых педагогических технологий, так и для дополнения стандартов высшего, среднего и предпрофессионального видов этновокального образования.

Список источников:

Алексеева Л.Л. Современное художественное образование: динамика и ресурсы развития // Музыкальное и художественное образование в современном мире: традиции и инновации. Ростов н/Д., 2019. С. 15–21.

Борисенко Т.Г. Проблемы обучения народной манере пения // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 64-2. С. 33–36.

Славина О.С. Педагогические практики в сольном народном исполнительстве как способ сохранения культурного кода // Искусство и образование. 2019. № 6 (122). С. 167–174.

Стенюшкина С., Потешкина О.И. Народно-певческая педагогика: история, современность // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 3 (100). С. 133–136. https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-3100-133-136.

Шастина Т.В. Русская вокальная школа: традиции и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 4 (45). С. 140–145. https://doi.org/10.30725/2619-0303-2020-4-140-144.

Шастина Т.В. Формирование этнопевческой культуры студентов современного вуза // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 3 (36). С. 105–109. https://doi.org/10.30725/2619-0303-2018-3-105-109.

Шастина Т.В. Этновокальная педагогика как отрасль современной педагогической науки и практики // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 2 (106). С. 164–168. https://doi.org/10.24158/spp.2023.2.22.

Шастина Т.В. Этновокальное образование сегодня: векторы развития // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 2 (47). С. 114–119. https://doi.org/10.30725/2619-0303-2021-2-114-119.

References:

Alekseeva, L. L. (2019) Sovremennoe khudozhestvennoe obrazovanie: dinamika i resursy razvitiya [Modern art education: dynamics and resources of development]. In: *Muzykal'noe i khudozhestvennoe obrazovanie v sovremennom mire: traditsii i innovatsii*. Rostov-on-Don, pp. 15–21. (In Russian)

Borysenko, T. G. (2019) Problems of Teaching Folk Singing. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. (64-2), 33–36. (In Russian)

Shastina T. V. (2020) Russian Vocal School: Traditions and Perspectives. *The Bulletin of the St.-Petersburg State University of Culture and Arts.* (4 (45)), 140–145. Available from: doi:10.30725/2619-0303-2020-4-140-144. (In Russian)

Shastina, T. V. (2018) Ethnic Vocal Culture Modern University Students Formation. *The Bulletin of the St.-Petersburg State University of Culture and Arts*. (3 (36)), 105–109. Available from: doi:10.30725/2619-0303-2018-3-105-109. (In Russian)

Shastina, T. V. (2021) Ethnovocal Education Today: Vectors of Development. *The Bulletin of the St.-Petersburg State University of Culture and Arts*. (2 (47)), 114–119. Available from: doi:10.30725/2619-0303-2021-2-114-119. (In Russian)

Shastina, T. V. (2023) Ethnovocal Pedagogy as a Branch of Modern Pedagogical Science and Practice. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*. (2 (106)), 164–168. Available from: doi:10.24158/spp.2023.2.22. (In Russian)

Slavina, O. S. (2019) Pedagogical Practices in Solo Folk Execution as a Method for Saving a Cultural Code. *Iskusstvo i obrazovanie*. (6 (122)), 167–174. (In Russian)

Stenyushkina, T. S. & Poteshkina, O. I. (2023) Folk-Singing Pedagogy: History, Modernity. *Mir Nauki, Kultury, Obrazovaniya*. (3 (100)), 133–136. Available from: doi:10.24412/1991-5497-2023-3100-133-136. (In Russian)

Информация об авторе

Т.В. Шастина – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры русского народного песенного искусства Санкт-Петербургского государственного института культуры, Санкт-Петербург, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=478414

Конфликт интересов:
автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

T.V. Shastina – PhD in Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Russian Folk Song Art, St. Petersburg State Institute of Culture, St. Petersburg, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=478414

Conflicts of interests:
The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 23.12.2024;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 20.01.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 25.02.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья
УДК 372.881.111.1
https://doi.org/10.24158/spp.2025.2.14

Возможности реализации педагогической технологии «обучение в сотрудничестве» в процессе преподавания учебной дисциплины «Иностранный язык»

Валентина Николаевна Шашкова
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орёл, Россия,
valentina.shash@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0977-3061

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению педагогической технологии «обучение в сотрудничестве» и разработке возможных путей ее внедрения в преподавание учебной дисциплины «Иностранный язык» в образовательных организациях МВД России. Целью статьи является демонстрация преимуществ использования технологии «обучение в сотрудничестве», а именно: решения комплекса практических задач на занятии по учебной дисциплине «Иностранный язык», максимального приближения выполняемых заданий к условиям и требованиям профессиональной деятельности, а также творческого и стимулирующего подходов к совершенствованию профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции курсантов. Технология, предлагаемая к использованию, рассмотрена с точки зрения ее концепции, целей и содержания каждого этапа ее реализации, их последовательности, а также разнообразия методов и приемов, таких как метод ситуационного анализа, составление ментальных карт, прием «фишбоун», параллельное и альтернативное обучение. В качестве основных условий успешного внедрения рассматриваемой технологии в учебный процесс выявлены профилизация материала, практическая ориентация, акцент на коммуникативной деятельности обучающихся, подготовка фактологических и языковых опор для коммуникативной практики курсантов.

Ключевые слова: педагогическая технология, обучение в сотрудничестве, профессиональная иноязычная коммуникативная компетенция, ситуационный анализ, межгрупповая зависимость, интерактивность

Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Шашкова В.Н. Возможности реализации педагогической технологии «обучение в сотрудничестве» в процессе преподавания учебной дисциплины «Иностранный язык» // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 2. С. 133–140. https://doi.org/10.24158/spp.2025.2.14.

Original article

Possibilities of Implementing the Pedagogical Technology “Cooperative Learning” in the Process of Teaching the Academic Discipline “Foreign Language”

Valentina N. Shashkova
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Orel, Russia,
valentina.shash@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0977-3061

Abstract. The article examines the pedagogical technology “cooperative learning” and the development of possible ways of its implementation in the teaching of the academic discipline “Foreign Language” in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The aim of the article is to demonstrate the advantages of using the technology of “cooperative learning”, namely: solving a set of practical problems in the classroom in the academic discipline “Foreign Language”, maximizing the proximity of tasks to the conditions and requirements of professional activity, as well as creative and stimulating approaches to improving the professional foreign language communicative competence of cadets. The technology proposed for use is considered in terms of its concept, goals and content of each stage of its implementation, their sequence, as well as a variety of methods and techniques, such as situational analysis, mental mapping, fishbone technique, parallel and alternative learning. The main conditions for the successful implementation of the technology in question in the educational process are the profiling of the material, practical orientation, emphasis on the communicative activities of students, the preparation of factual and linguistic supports for the communicative practice of cadets.

Keywords: pedagogical technology, cooperative learning, professional foreign language communicative competence, situation analysis, intergroup dependence, interactivity

Funding: Independent work.

For citation: Shashkova, V.N. (2025) Possibilities of Implementing the Pedagogical Technology “Cooperative Learning” in the Process of Teaching the Academic Discipline “Foreign Language”. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics.* (2), 133–140. Available from: doi:10.24158/spp.2025.2.14 (In Russian).

Современные условия развития предметного образования в специализированных образовательных организациях требуют реализации принципов практикоориентированного обучения.

© Шашкова В.Н., 2025

Из этого априори вытекают следующие целевые индикаторы, которые должны быть применимы к учебной дисциплине «Иностранный язык», входящей в основную образовательную программу высшего образования. К таковым, в частности, относятся следующие показатели:

– комплексное освоение обучающимися различных видов практической деятельности в ходе изучения всех предусмотренных образовательной программой учебных дисциплин, а также знание нормативных актов, регламентирующих различные виды профессиональной деятельности;

– тематическое единство практических занятий по учебной дисциплине «Иностранный язык»;

– общая целевая доминанта практических занятий по учебной дисциплине «Иностранный язык», которой является развитие профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся;

– реализация принципа последовательного усложнения заданий в процессе совершенствования различных субкомпетенций, формирующих профессиональную иноязычную коммуникативную компетенцию обучающихся;

– адаптация выполняемых практических заданий на иностранном языке к тем задачам, которые являются частью профессиональной деятельности выпускников;

– подбор и грамотное использование современных педагогических технологий, методов и приемов, обеспечивающих эффективное освоение языкового материала и развитие речевой деятельности обучающихся в контексте профессиональной сферы общения.

Именно последний индикатор является предметом рассмотрения в настоящей статье, так как он в значительной степени определяет успешность преподавания учебной дисциплины «Иностранный язык» и обусловливает уровень развития профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции. Мы разделяем точку зрения, согласно которой «создание условий для практического овладения учебным материалом – это главная задача преподавателя» (Гольцова, 2024: 62), при этом именно эффективно подобранные педагогические технологии «обеспечивают наиболее благоприятные условия для создания у обучающегося активной познавательной и исследовательской позиции» (Романова, Сухина, 2024: 269).

Сразу же внесем терминологические уточнения в изложение результатов проведенного исследования. Педагогическая технология понимается как упорядоченный набор действий преподавателя по использованию конкретных методов и приемов обучения, которые обеспечивают достижение прогнозируемого результата в процессе освоения обучающимися конкретной учебной дисциплины. Иными словами, педагогическая технология реализуется посредством определенного набора методов и приемов, объединенных функциональным потенциалом. Однако это не означает, что частные методы и приемы всегда являются звеньями или компонентами педагогической технологии. Они вполне могут реализовать определенные принципы обучения и при этом оставаться самодостаточными. Понятия «методы» и «приемы» дифференцированы в исследовании по принципу «общее – частное». Таким образом, приемы могут входить в определенный метод и быть его функциональными звеньями.

В контексте нашего исследования педагогической технологией, являющейся объектом изучения, выступает обучение в сотрудничестве. Возможности ее применения будут продемонстрированы на примере работы с лексической темой на практических занятиях по учебной дисциплине «Иностранный язык».

Обучение в сотрудничестве допускает разные интерпретации в методике. Традиционное понимание такого обучения ориентировано на эффективную организацию коллективной работы обучающихся, «построенной на совместном обсуждении проблемы, принятии решения»[1]. В общепринятом смысле рассматриваемая технология предполагает разделение обучающихся на мини-группы для совместного решения ими практических задач средствами английского языка. Еще один подход заключается в совместной работе преподавателя с обучающимися, когда управляющая роль может переходить к обучающимся, а контролирующая и консультативная функции остаются за преподавателем (Якимович, 2015: 109). В исследовании мы не отказываемся от традиционного понимания обучения в сотрудничестве с точки зрения организации групповой работы обучающихся образовательных организаций МВД России, но расширяем его значение за счет смещения акцента на особенности совместной работы преподавателей по обеспечению педагогических условий для совершенствования профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции. Обучение предполагает двусторонний процесс: преподавание со стороны педагога и изучение материала; овладение компетенциями, предусмотренными рабочей программой учебной дисциплины со стороны обучающихся. Поэтому в авторской интерпретации термина «обучение в сотрудничестве» взаимодействуют не только обучающиеся, но и преподаватели.

[1] Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий: (теория и практика обучения языкам). М., 2009. С. 169.

Возможности реализации авторской трактовки понятия «обучение в сотрудничестве» далее будут продемонстрированы в форме практического занятия по учебной дисциплине «Иностранный язык», проведенного двумя преподавателями. Этот вариант реализации рассматриваемой технологии обусловлен особенностями организации практических занятий в образовательных организациях МВД России, а именно традиционным делением учебной группы на две подгруппы для работы с двумя преподавателями. Иными словами, концептуально технология «обучение в сотрудничестве» может быть представлена как комбинация определенных методов и приемов совместной работы двух преподавателей в двух подгруппах над разными фрагментами практического занятия, реализующими разные цели; над разными видами речевой деятельности и/или над одним заданием с разными функциональными ролями, закрепленными за преподавателями.

Учитывая сказанное выше, мы предлагаем два возможных сценария, которые можно органично использовать в рамках традиционной формы практического занятия: *параллельное обучение*, когда две подгруппы выполняют один и тот же тип задания с разным содержательным наполнением под руководством разных преподавателей, а также *альтернативное обучение*, когда каждая подгруппа выполняет свое задание с одним из преподавателей. Обязательным результатом такой совместной работы должно быть совмещение двух подгрупп для коллективного обсуждения преступления или серии преступлений и разработки версий.

При организации обучения в сотрудничестве принцип тематического единства оптимально реализуется путем продумывания общей схемы занятия и обеспечения связи всех фактов и доказательств, актуальных для рассматриваемого дела. Мы предлагаем следующий вариант организации практического занятия с использованием технологии «обучение в сотрудничестве».

На первом этапе практического занятия реализуется альтернативное обучение. Первая подгруппа получает задание на восстановление хронологии событий с целью установления возможности/невозможности совершения преступления главным подозреваемым. Например: *Mr Blake was killed on Friday. The cause of death is determined as a knife wound. The time of death is 8 pm. Mr Blake was found dead in his apartment by his neighbour, Mrs Milly, who dropped by at 9 pm to ask for some sugar, and called the police. The main suspect is Mr Blake's wife, who is his legal heir. He was a wealthy man, but they used to have separate budgets, and at the time of Mr Blake's murder her accounts are known to have been in the red. Study the statements of Mrs Blake and of the neighbours, restore the chronology of events and determine if Mrs Blake had an opportunity to kill her husband.* – Мистер Блейк был убит в пятницу. Установлена причина смерти – ножевое ранение. Время смерти – 8 часов вечера. Мистера Блейка нашла мертвым в его квартире соседка, миссис Милли, которая зашла в 9 часов вечера, чтобы попросить немного сахара, и вызвала полицию. Главная подозреваемая – жена мистера Блейка, которая является его законной наследницей. Он был состоятельным человеком, но с женой у них были раздельные бюджеты, и известно, что на момент убийства мистера Блейка ее счета были в минусе. Изучите показания миссис Блейк и соседей, восстановите хронологию событий и определите, была ли у миссис Блейк возможность убить своего мужа.

События вечера, когда было совершено преступление, фиксируются на карточках. Эти карточки раздаются курсантам, чтобы они могли передвигать их при выстраивании хронологии произошедших событий. Важным моментом, который рекомендуется учитывать при формулировании текста задания, является относительное указание на время события. Для этого используются средства дискурсивной анафоры, позволяющие соотносить в тексте указание на событие с именем антецедента. Приведем пример карточек, разработанных для указанного задания (табл. 1).

Таблица 1 *– Карточки для задания на восстановление хронологии преступления*

Table 1 *– Cards for the Task of Restoring the Chronology of the Crime*

1	2
The telephone conversation lasted about 25 minutes and was interrupted by Mr Blake's coming back home from work	Телефонный разговор длился около 25 минут и был прерван возвращением мистера Блейка с работы
She started cooking dinner for her husband and herself when her friend, Helen Brown, called her to say that she was going to drop by.	Она начала готовить ужин для себя и мужа, когда ей позвонила ее подруга Хелен Браун и сказала, что зайдет к ней
Mrs Blake was very angry with her husband for cutting her budget short but she didn't want to have it out with him and decided to take a walk in the park	Миссис Блейк была очень зла на мужа за то, что он урезал ей бюджет, но она не хотела выяснять с ним отношения и решила прогуляться в парке
When she came home, she was interrogated and detained on suspicion of having murdered her husband	Когда она вернулась домой, ее допросили и задержали по подозрению в убийстве мужа
While strolling home Mrs Blake heard the police siren breaking the peacefulness of the Friday evening	По дороге домой миссис Блейк услышала, как полицейская сирена нарушила тишину пятничного вечера
Mrs Blake finished her working week at 6 pm on Friday. She gave instructions for Monday to her staff and headed home	Миссис Блейк закончила свою рабочую неделю в 6 часов вечера в пятницу. Она дала указания на понедельник своим сотрудникам и отправилась домой

Продолжение таблицы 1

1	2
Driving home she got stuck in a traffic jam, therefore she reached home 30 minutes later than usually, and it usually took her about ten minutes	По дороге домой она попала в пробку, поэтому добралась до дома на 30 минут позже обычного, хотя, как правило, это занимало у нее около десяти минут
Helen came by in a quarter of an hour. She wanted to ask her friend for a piece of advice. They chatted for about an hour. Mrs Blake was simultaneously cooking supper	Хелен пришла через четверть часа. Она хотела попросить у подруги совета. Они проболтали около часа. Миссис Блейк одновременно готовила ужин
Walking in the park she met her employee with his family and chatted with them for about five minutes	Прогуливаясь по парку, она встретила своего сотрудника с семьей и пообщалась с ними около пяти минут
Hardly had they sat down to dinner and started their evening meal when Helen Brown called to say that she had left her handbag in their apartment and was on her way to get it back	Не успели они сесть за стол и приступить к ужину, как позвонила Хелен Браун и сказала, что оставила сумочку в их квартире и собирается за ней зайти
As soon as her friend had left, there was a telephone call. That turned out to be her aunt who asked her about her relations with Mr Blake as there had been quite a number of rows between them of late	Как только ее подруга ушла, раздался телефонный звонок. Это была ее тетя, которая спрашивала ее об отношениях с мистером Блейком, поскольку между ними в последнее время было довольно много ссор
On her way home she remembered that she needed to get to the grocery store to buy foodstuffs. It took her about 40 minutes to get to the store and make purchases	По дороге домой она вспомнила, что ей нужно зайти в продуктовый магазин, чтобы купить продукты. Ей потребовалось около 40 минут, чтобы добраться до магазина и сделать покупки
The door bell rang. That was Helen Brown. Having given her the handbag, Mrs Blake went to see her friend out and to walk her to the bus station	Раздался звонок в дверь. Это была Хелен Браун. Отдав ей сумочку, миссис Блейк пошла проводить подругу до автобусной остановки

Задание не предполагает перевод текстовых фрагментов с английского на русский. В статье мы его приводим для того, чтобы эксплицировать смысл задания и продемонстрировать его особенности. К таковым относятся: непрямое указание на время действий или событий через предшествующие действия или события; насыщенность рассматриваемого промежутка времени событиями; необходимость исчисления времени и определения, какое из действий главного подозреваемого соотносится со временем убийства; установление возможности или невозможности совершения преступления подозреваемым.

Завершается этот этап собственно представлением хронологии событий и выводом курсантов, для которого им можно предложить синтаксическую опору: *I think Mrs Blake might have killed her husband because…* – Я думаю, миссис Блейк могла убить своего мужа, потому что... Или: *I think Mrs Blake couldn't have killed her husband because…* – Я считаю, что миссис Блейк не могла убить своего мужа, потому что...

Пока первая подгруппа с одним преподавателем устанавливает хронологию событий для главного подозреваемого, вторая подгруппа под руководством другого преподавателя работает с фабулой другого преступления. Им предлагается задание следующего типа: *A dead body of Mr Crowly, a banker, was found in the library of his own mansion on his birthday. There was a small birthday party at Mr Crowly's place, and four people were invited. The medical examiner determined that Mr Crowly was strangulated, and the time of death was approximately 7:15 pm. Study the house plan and the statements of Mr Crowly's wife and the four invitees to the party, and determine who had an opportunity to kill Mr. Crowly.* – Труп мистера Кроули, банкира, был обнаружен в библиотеке его собственного особняка в день его рождения. В доме мистера Кроули была небольшая вечеринка по случаю дня рождения, на которую были приглашены четыре человека. Судмедэксперт установил, что мистер Кроули был задушен, время смерти – примерно 19:15. Изучите план дома, ознакомьтесь с показаниями жены мистера Кроули и четырех приглашенных на вечеринку и определите, у кого была возможность убить мистера Кроули.

К заданию прилагается расположение комнат в доме, а также таблица с указанием времени: 7:00 pm, 7:05 pm, 7:10 pm, 7:15 pm в горизонтальной графе и именами четырех лиц, находившихся в доме во время убийства мистера Кроули. В таблице курсантам предлагается делать записи о том, кто где и с кем находился в указанное время, что облегчит выводы о наличии или отсутствии алиби у присутствующих в доме и возможности совершить преступление. При формулировании задания, в частности при продумывании показаний подозреваемых, важно заложить в формулировки мотив, который был у каждого из присутствующих. Показания могут иметь следующую форму: *Mrs Crowly, the victim's wife, a housewife*: "At 7 pm I left the dining room to meet a delivery man get a birthday cake from him. Five minutes before my husband had gone upstairs into his study together with Mr Owen, his business partner. I had seen them going upstairs from the dining room. I took the cake, paid the delivery man and went to the kitchen. At 7:05 pm I put the kettle on and took out the tea set. I started serving the table and Mrs Philips suggested that she should give me a helping hand. We were scurrying from the kitchen to the dining room, to and fro, with food, plates and cups when we heard Mr Brown's heartbreaking scream "My God! Dave's dead!". We both rushed upstairs and saw my husband

David, blue in the face, with a cord around his neck, and Mr Brown, standing in the doorway paralyzed with terror. And though I cannot say that our relationships with my husband were rooted in love, we used to have a row every now and then, especially when my husband had cut my budget short, but at that time I was dumbfounded and could not believe that it could have happened". – *Миссис Кроули, жена жертвы, домохозяйка*: «В 7 часов вечера я вышла из столовой, чтобы встретить сотрудника службы доставки и забрать у него праздничный торт. За пять минут до этого мой муж поднялся в свой кабинет вместе с мистером Оуэном, его деловым партнером. Сидя в столовой, я видела, как они поднимались. Я взяла торт, заплатила курьеру и пошла на кухню. В 19:05 я поставила чайник и достала чайный сервиз. Я начала накрывать на стол, и миссис Филипс предложила мне помочь. Мы суетливо перемещались из кухни в столовую и обратно с едой, тарелками и чашками, когда услышали душераздирающий крик мистера Брауна: "Боже мой! Дэйв мертв!". Мы обе бросились наверх и увидели моего мужа Дэвида, всего синего, со шнуром на шее, и мистера Брауна, застывшего от ужаса в дверях. И хотя я не могу сказать, что наши отношения с мужем были основаны на любви – время от времени у нас случались ссоры, особенно когда муж урезал мой бюджет, – но в тот момент я была ошеломлена и не могла поверить, что такое могло произойти».

Завершающая стадия данного задания предполагает вывод курсантов о том, кто мог совершить преступление. Для этого, как и в первой подгруппе, можно предложить синтаксическую модель выражения мнения: *I guess, it must have been … who committed the crime because…* – Я считаю, именно ... совершил преступление, потому что...

Показания рекомендуется формулировать таким образом, чтобы в передвижениях подозреваемых были пересечения в какой-то момент времени. Развитию «интеллектуально-познавательных способностей» (Нарыкова, 2024: 143) курсантов в этом случае способствует комплексный учет нескольких типов информации: мотива, местонахождения во время совершения преступления, наличия/отсутствия свидетелей, способных подтвердить алиби подозреваемого.

Академическое время, отводимое на работу с двумя подгруппами под руководством двух преподавателей, не должно превышать 25–30 минут. В результате первоначального звена реализации обучения в сотрудничестве первая подгруппа должна прийти к выводу о том, что жена мистера Блейка не имела возможности убить мужа, так как находилась вне дома; вторая подгруппа должна прийти к заключению, что самым вероятным подозреваемым, у которого были и мотив, и возможность убить мистера Кроули, является мистер Филипс, бизнесмен и друг Кроули, обанкротившийся из-за отказа друга выдать ему кредит.

Второе звено в реализации технологии «обучение в сотрудничестве» предполагает параллельную работу двух подгрупп. Для этой части практического занятия подготавливаются фрагменты новостных сообщений о том, что студенты, отдыхавшие на берегу реки вечером (для нашей ситуации – 5 лет назад), не стали спасать тонущую девушку, которая просила их о помощи. Ее попытался спасти сосед, оказавшийся поблизости, но было уже поздно. Здесь же могут быть отдельные сообщения о двух-трех смертях, которые должны навести курсантов на мысль о том, что они расследуют не единичное, а серийное убийство. Этот этап работы необходимо организовать таким образом, чтобы курсанты обеих подгрупп, выполняя одно и то же задание, работали с разными материалами. Задача, которую им необходимо решить, требует установления логической связи между всеми событиями. Единственным общим информационным сообщением для обеих подгрупп должны быть сведения о гибели девушки из-за неоказания ей помощи. Информацию для этого задания рекомендуется распределять по двум подгруппам таким образом, чтобы она затрагивала оба убийства: то, с фабулой которого работали курсанты на первом этапе занятия, а также то, о котором они ничего не знают, так как с ним работала вторая подгруппа. Заключительным этапом параллельного обучения является заполнение ментальных карт (Рачеева, 2024: 249). Мы разделяем точку зрения, согласно которой «когнитивно-визуальный метод основан на привлечении не только зрительного восприятия, но и абстрактно-логического мышления» (Декамили, 2024: 287). Ментальная карта предполагает процесс категоризации определенной области действительности или конкретной ситуации. При этом подходы к «категоризации действительности» (Кубрякова, 2004: 96), основания для выделения частных кластеров внутри концептуального поля могут различаться. Поэтому общий принцип комплементарности подходов к описанию референтной ситуации допускает акцентную подачу явлений в контексте определенного подхода. Для ментальной карты мы предлагаем следующий вариант рубрикации: *the crime under investigation – the given elements of the corpus delicti – the suspect – the suspect's background – the suspect's relation to the victim – the revealed motive, if any.* Ментальную карту заполняют обе подгруппы применительно к тому преступлению, которое они рассматривали.

Третий, заключительный этап в практическом занятии с использованием технологии «обучение в сотрудничестве» предполагает объединение двух подгрупп. Опираясь на заполненные ментальные карты, они должны изложить результаты проведенного расследования. Полученные

данные курсантам обеих подгрупп предлагается оформить визуально, для чего используется такой прием визуализации материала, как «фишбоун» (Сафина, Хуснутдинова, 2017: 235). Само название приема заимствовано из английского языка: *fishbone* переводится как «рыбья кость», так как визуальная презентация этого приема напоминает скелет рыбы. «Голова рыбы» предполагает постановку вопроса, в нашем случае это определение мотива преступления: неоказание помощи тонущей девушке 5 лет назад. «Косточки рыбы» с одной стороны представляют собой цепь событий, которые последовали за этим. «Косточки рыбы» с другой стороны – подтвержденная информация, эксплицирующая факты преступлений, позволяющие связать их в одну серию. «Хвост рыбы» – это логическое обобщение выводов обеих подгрупп относительно взаимосвязи преступлений и, возможно, при детализированном сопоставлении полученных сведений, обоснование версии о виновности определенного лица.

На последнем этапе практического занятия целесообразно дифференцировать роли преподавателей: одному преподавателю – координировать заполнение предложенного каркаса, второму – ассистировать на этапе подготовки устного резюме с опорой на разработанный схематический каркас, выделяя говорящих, распределяя последовательность представления фактов и выводов, напоминая курсантам о необходимости использования средств текстовой связности. Тем самым при совмещении двух подгрупп функциональные роли преподавателей будут разными: один из них будет инструктором и координатором деятельности, второй – обеспечивать успешную коммуникацию при подготовке курсантов к монологическому высказыванию по теме, способствуя преодолению языковых трудностей. Преподаватель, обеспечивающий успешность коммуникации, на заключительном этапе занятия может предлагать языковые опоры, например, в форме синтаксических моделей, как было продемонстрировано ранее, или в виде списка комплексных номинативных единиц для использования в речи.

Предложенный вариант организации практического занятия по учебной дисциплине «Иностранный язык» с использованием технологии «обучение в сотрудничестве» является демонстрацией того, каким образом можно эргономично интегрировать в рамках одного занятия практическую направленность учебной деятельности, развитие интеллектуально-познавательных способностей курсантов, а также совершенствование их профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции. Условиями, обеспечивающими успешность выполнения заданий, на наш взгляд, выступают следующие факторы:

– погружение обучающихся в практическую деятельность и в решение тех интеллектуально-познавательных задач, которые предусмотрены профессией;

– смещение внимания с собственно языковых форм на решение взаимообусловленных практической и коммуникативной задач;

– межгрупповая зависимость, которая предопределяет важность каждого этапа занятия в обеих подгруппах для достижения общего результата;

– комбинация методов и приемов, которые помогают разнообразить шаблонные задания и стимулировать мотивацию курсантов;

– обеспечение обучающихся разными типами опор: языковыми (например, синтаксическими моделями или комплексными номинативными единицами), помогающими преодолеть языковые сложности, и фактологическими (ментальными картами разных типов, составленными самими обучающимися), которые способствуют обобщению большого объема фактов и облегчают вербализацию с учетом не только содержания информации, но и отбора языковых средств для ее передачи.

Для апробации технологии было проведено экспериментальное исследование, в котором приняли участие 50 курсантов, обучающихся на втором курсе Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова по специальности 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности». Из общего количества курсантов 26 человек вошли в экспериментальную группу, а 24 – в контрольную. В октябре и ноябре 2024 г. занятия, организованные по предложенному типу при разном содержательном наполнении заданий, опосредованном изучаемой тематикой, были проведены в экспериментальной группе 10 раз (со средней периодичностью не менее одного раза в неделю). В начале декабря 2024 г. участникам экспериментальной и контрольной групп было дано одинаковое задание. Курсантам предлагалось ознакомиться с фактами, касающимися совершенного преступления (всего было разработано 8 сценариев уголовных дел), проанализировать их и предложить свою версию событий средствами английского языка. На подготовку каждому курсанту давалось 15 минут. В результате прослушивания ответов курсантов экспериментальной и контрольной групп были выявлены следующие тенденции:

а) курсанты экспериментальной группы значительно быстрее приходили к выводу о виновности или невиновности главного подозреваемого (в среднем на установление факта вины с учетом имеющихся данных у курсантов экспериментальной группы уходило 6–7 минут, в то время как у курсантов контрольной группы этот тип деятельности занимал не менее 10 минут);

б) курсанты экспериментальной группы подходили к выстраиванию собственной версии преступления с использованием ментальных карт, которые схематично готовили сами, суммируя известные факты, в отличие от них, курсанты контрольной группы фактически лишь выделяли смысловые вехи с опорой на прочитанный текст;

в) при изложении своей версии курсанты экспериментальной группы демонстрировали учет существенных для раскрытия дела деталей, в то время как участники контрольной группы значимые моменты при изложении опускали;

г) с точки зрения языкового оформления высказывания курсанты экспериментальной группы в ответах показали высокий уровень сформированности механизма эквивалентных замен, в то же время многие ответы в контрольной группе отличались повтором фрагментов текста, предложенного в задании;

д) все курсанты экспериментальной группы продемонстрировали решение коммуникативной задачи средствами иностранного языка (при том, что версии и подозреваемые были разные, а акценты расставлены на различных фактах, во всех ответах был грамотно обоснован состав преступления и аргументированно представлена сама версия преступления), в контрольной же группе 9 человек за отведенное время не смогли сформулировать полноценную версию, решив лишь часть практических задач.

Конечно, предложенный вариант внедрения технологии «обучение в сотрудничестве» в языковую подготовку курсантов образовательных организаций МВД России требует широкой апробации. Но уже на этом этапе проверки эффективности предлагаемой технологии можно сделать предварительный вывод о том, что обучение в сотрудничестве способствует не только совершенствованию профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции курсантов, но и стремительному развитию личностных качеств: ответственности, активности, самостоятельности и приводит к обозримым метапредметным результатам. К таковым мы относим планирование своей деятельности, ее корректировку и контроль. Предложенный вариант организации практических занятий с использованием технологии «обучение в сотрудничестве» – это иллюстрация конкретных приемов, таких как ситуационный анализ, использование ментальных карт, выстраивание хронологии событий, которые входят в рассматриваемую технологию, но не исчерпывают ее дидактического потенциала. Поэтому перспективы своего исследования мы видим в расширении перечня приемов и методов для использования в рамках совместного обучения, в разработке системы измерения и оценивания результатов коммуникативной деятельности при решении поставленных задач, а также в детализированном исследовании взаимозависимости результата использования технологии «обучение в сотрудничестве» и выбора конкретного набора приемов для достижения этого результата.

Список источников:

Гольцова Т.А. Применение современных образовательных технологий при обучении иностранному языку сотрудников полиции // Проблемы формирования коммуникативной компетенции сотрудника органов внутренних дел в контексте профессиональной деятельности : сборник материалов Всероссийской научно-методической конференции. Воронеж, 2024. С. 58–62.

Декамили Ю.Г. Методы визуализации учебного материала при обучении иностранному языку в высшей школе // Язык и коммуникация в контексте культуры : материалы международной научно-практической конференции. Ростов н/Д, 2024. С. 284–288.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004. 560 с.

Нарыкова Н.А. Методические приемы, оптимизирующие изучение иностранных языков в неязыковых вузах // Опыт и традиции подготовки полицейских кадров : сборник научных трудов Международной научно-практической конференции и Международного круглого стола. Волгоград, 2024. С. 140–145.

Рачеева Е.В. Особенности обучения смешанных групп студентов профессиональному английскому языку в техническом вузе // Лингвистика, лингводидактика и переводоведение: настоящее и будущее (ЛЛПНБ-24) : материалы I Международной научно-практической конференции. М., 2024. С. 244–251.

Романова М.В., Сухина Н.Н. Современные педагогические технологии в обучении иностранному языку // Диалог культур и цивилизаций : сборник научных трудов Международного научного форума. М., 2024. С. 267–272.

Сафина А.М., Хуснутдинова Р.Р. Обучение студентов выявлению причинно-следственных связей между объектами и явлениями в педагогике // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2017. Т. 8, № 12–2. С. 233–238.

Якимович И.Г. Возможности использования технологии обучения в сотрудничестве на практических занятиях в вузе // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 2. С. 108–111.

References:

Dekamili, Yu.G. (2024) Methods of visualization of educational material in teaching a foreign language in higher education. In: *Yazyk i kommunikatsiya v kontekste kul'tury* [Language and communication in the context of culture]. Rostov-on-Don, pp. 284–288. (In Russian)

Goltsova, T.A. (2024) The use of modern educational technologies in teaching a foreign language to police officers. In: *Problemy formirovaniya kommunikativnoy kompetentsii sotrudnika organov vnutrennikh del v kontekste professional'noy deyatel'nosti* [Problems of formation of communicative competence of an employee of internal affairs bodies in the context of professional activity]. Voronezh, pp. 58–62. (In Russian)

Kubryakova, E.S. (2004) *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: On the way of acquiring knowledge of the language: Parts of speech with a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world]. Moscow. 560 p. (In Russian)

Narykova, N.A. (2024) Metodicheskie priemy, optimiziruyushchie izuchenie inostrannykh yazykov v neyazykovykh vuzakh [Methodological techniques for optimizing the study of foreign languages in non-linguistic universities]. In: *Opyt i traditsii podgotovki politseyskikh kadrov* [Experience and traditions of training police personnel]. Volgograd, pp. 140–145. (In Russian)

Racheeva, E.V. (2024) Osobennosti obucheniya smeshannykh grupp studentov professional'nomu angliyskomu yazyku v tekhnicheskom vuze [Features of teaching mixed groups of students professional English at a technical university]. In: *Lingvistika, lingvodidaktika i perevodovedenie: nastoyashchee i budushchee (LLPNB-24)* [Linguistics, linguodidactics and translation studies: present and future (LLPNB-24)]. Moscow, pp. 244–251. (In Russian)

Romanova, M.V. & Suhina, N.N. (2024) Modern pedagogical technologies for foreign language teaching. In: *Dialog kul'tur i tsivilizatsiy* [Dialogue among cultures and civilizations]. Moscow, pp. 267–272. (In Russian)

Safina, A.M. & Khusnutdinova, R.R. (2017) Teaching students to identify cause-and-effect relations between objects and phenomena in teaching. *Russian Journal of Education and Psychology*. 8 (12–2), 233–238. (In Russian)

Yakimovich, I.G. (2015) Vozmozhnosti ispol'zovaniya tekhnologii obucheniya v sotrudnichestve na prakticheskikh zanyatiyakh v vuze [Possibilities of using collaborative learning technology in practical classes at the university]. *Vestnik of Bryansk State University*. (2), 108–111. (In Russian)

Информация об авторе

В.Н. Шашкова – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных и русского языков, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орёл, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=937942

Конфликт интересов:
автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

V.N. Shashkova – PhD in Philology, Associate Professor, Professor at the Department of Foreign and Russian Languages, Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia named after V.V. Lukyanov, Orel, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=937942

Conflicts of interests:
The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 31.12.2024;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 28.01.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 25.02.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья
УДК 373.3
https://doi.org/10.24158/spp.2025.2.15

Дидактические аспекты формирования функциональной грамотности младших школьников

Александра Алексеевна Коротаева
Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия, lexialekseevna@gmail.com

Аннотация. Развитие образовательной системы страны акцентирует внимание на важности повышения функциональной грамотности учащихся, особенно в начальной школе, при этом наблюдается нехватка эффективных способов ее обеспечения. В связи со сказанным представляется целесообразным рассмотреть модель, которая бы способствовала формированию функциональной грамотности младших школьников средствами цифровых образовательных ресурсов. Внедрение их в процесс обучения значительно повышает его эффективность и открывает новые возможности для более глобальной отработки практических навыков. Цель данной статьи заключается в обосновании и подробном описании такой модели, основанной на инновационных подходах, где ключевыми средствами обучения выступают цифровые образовательные ресурсы. Предполагается, что использование ее в начальной школе позволит повысить уровень сформированности функциональной грамотности у обучающихся. Данная статья будет полезна для педагогов, работающих в образовательных организациях по программам начального общего образования.

Ключевые слова: функциональная грамотность, цифровая образовательная среда, формирование функциональной грамотности, цифровые образовательные ресурсы

Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Коротаева А.А. Дидактические аспекты формирования функциональной грамотности младших школьников // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 2. С. 141–147. https://doi.org/10.24158/spp.2025.2.15.

Original article

Didactic Aspects of the Formation of Functional Literacy of Primary School Students

Alexandra A. Korotaeva
Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia, lexialekseevna@gmail.com

Abstract. The evolution of the national educational system underscores the critical importance of enhancing functional literacy among students, particularly at the primary school level. Concurrently, a paucity of effective methodologies for ensuring its development is observed. Consequently, it appears pertinent to examine a model that facilitates the formation of functional literacy in primary school students through the utilization of digital educational resources (DERs). The integration of DERs into the instructional process significantly augments its efficacy and unlocks novel avenues for the more comprehensive cultivation of practical skills. The aim of this article is to substantiate and delineate such a model, premised on innovative pedagogical approaches, wherein DERs function as pivotal learning tools. It is assumed that using this model in primary schools, the level of functional literacy of students will become significantly higher. This article will be useful for teachers working in educational organizations on primary general education programs.

Keywords: functional literacy, digital educational environment; formation of functional literacy; digital educational resources

Funding: Independent work.

For citation: Korotaeva, A.A. (2025) Didactic Aspects of the Formation of Functional Literacy of Primary School Students. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics.* (2), 141–147. Available from: doi:10.24158/spp.2025.2.15 (In Russian).

Одной из актуальных проблем образования является формирование функциональной грамотности обучающихся в условиях цифровизации. Государство уделяет большое внимание тому, каким должен быть современный молодой человек – активным в социуме и востребованным в профессии. Это подтверждается стратегиями развития системы отечественного образования, которые определены рядом федеральных документов.

© Коротаева А.А., 2025

Согласно государственной программе Российской Федерации «Развитие образования» на период с 2018 по 2025 гг.[1], ключевыми задачами данной сферы являются:

– поддержание и улучшение позиций России в международных образовательных рейтингах;

– увеличение числа людей, обучающихся на онлайн-курсах.

Эти направления развития отражены в Указе Президента РФ, который касается национальных целей и стратегических задач для страны[2]. В документе подчеркивается необходимость создания современной и безопасной цифровой образовательной среды, которая должна обеспечить высокое качество и доступность обучения на всех уровнях.

Кроме того, важность адаптации школьных программ к современным реалиям акцентируется в требованиях федерального стандарта начального общего образования[3] (Голубова, Бегларян, 2019).

Можно также отметить, что в современных условиях цифровой образовательной среды государство испытывает необходимость в содействии педагогов развитию функциональной грамотности обучающихся.

Школьники первой ступени должны приобрести функциональную грамотность в качестве основного навыка, который поможет им правильно и комфортно выстроить взаимоотношения с окружающим миром (Данилов, Тимошина, 2023).

По мнению А. Леонтьева, «функционально грамотный человек – это тот, кто умеет применять знания, навыки и умения, накопленные на протяжении жизни, для успешного решения разнообразных задач, встречающихся в разных сферах деятельности, общения и социальных взаимодействий» (Леонтьев, 2023).

В словаре терминов Э. Азимова, А. Щукина функциональная грамотность определена как «способность человека вступать в отношения с внешней средой и максимально быстро адаптироваться и функционировать в ней»[4].

Н.Ф. Виноградова рассматривает данную концепцию как ключевую совокупность различных показателей, оказывающих значительное влияние на образовательный процесс и успешную социализацию школьников. Одним из основных критериев, по которым можно оценить эту грамотность, исследователь называет готовность обучающегося активно взаимодействовать с постоянно изменяющимся миром, адаптироваться к новым условиям. Кроме того, Н.Ф. Виноградова утверждает, что значительную роль в этом процессе играют навыки установления социальных связей в соответствии с общепринятыми нормами и стандартами, необходимость работы в команде и уважительного общения с окружающими. Особое внимание исследователем уделяется развитию рефлексивных умений, которые помогают младшему школьнику осознавать свои действия, формулировать концепции и оценивать результаты, а также адаптировать свою деятельность в ответ на изменяющиеся обстоятельства[5].

В настоящее время формирование функциональной грамотности очень актуально в условиях цифровой образовательной среды.

По мнению М.Е. Вайндорф-Сысоевой, М.Л. Субочевой, последняя представляет собой «специальным образом организованные ресурсы для целей образования; является частью электронной информационно-образовательной среды; отличается способом получения образования; характером образовательной коммуникации; создается только участниками образовательного процесса» (Вайндорф-Сысоева, Субочева, 2020).

Понятие цифровой образовательной среды неразрывно связано с цифровыми образовательными ресурсами (ЦОР). Они играют ключевую роль в современном процессе обучения, обеспечивая доступ к разнообразным материалам и инструментам формирования знаний, умений и навыков. В эпоху быстро развивающихся технологий они становятся важным дидактическим средством, которое помогает как учителям, так и ученикам эффективно достигать учебных целей.

Цифровая образовательная среда вносит существенные изменения в организацию образовательного процесса в школе. Помимо компонентов, на которых строилась традиционная,

---

[1] Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» : постановление Правительства РФ от 26.12.2017 № 1642 (ред. от 26.12.2024) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (ред. от 21.07.2020) [Электронный ресурс]. Там же.

[3] Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования : приказ Минпросвещения России от 31.05.2021 № 286 (ред. от 22.01.2024) [Электронный ресурс]. Там же.

[4] Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М., 2019. С. 438.

[5] Функциональная грамотность младшего школьника : книга для учителя / Н.Ф. Виноградова [и др.]. М., 2018. С. 16–17.

классическая программа обучения, цифровая образовательная среда дополняется технико-технологическим содержанием, включающим в себя электронные образовательные ресурсы, инструменты удаленного управления и коммуникации, которые тесно связаны с компонентами традиционной образовательной среды (Носкова, 2020).

Рассмотрим трактовки ЦОР, распространенные в научном сообществе.

С.Г. Григорьев, В.В. Гриншкун, Г.А. Краснова такие ресурсы определяют как «любую информацию образовательного характера, сохраненную на цифровых носителях» (Григорьев и др., 2018). Можно сказать, что ученый приводит дефиницию в обобщенном виде и не отражает в ней сущность понятия ЦОР в полной мере.

М.А. Горюнова, А.Г. Клименков отмечают, что цифровые образовательные ресурсы включают в себя фотографии, видео, 3D-модели, технологии виртуальной реальности, картографические материалы, аудиозаписи, текстовые документы и другие виды дидактических пособий, которые играют важную роль в процессе обучения (Горюнова, Клименков, 2018).

Р.Н. Абалуев, Н.Г. Астафьева, Н.И. Баскакова подробно раскрывают возможности и уникальность использования цифровых образовательных ресурсов. С точки зрения ученых, ЦОР следует рассматривать как отдельный и содержательно самоценный объект, созданный специально для образовательных целей и представленный в виде цифровых, электронных или «компьютерных» материалов (Абалуев и др., 2018).

В нашем исследовании анализируются цифровые образовательные ресурсы (ЦОР) в контексте их роли в обучении с использованием электронных технологий. К ним относятся интерактивные учебники и онлайн-курсы, которые способны существенно обогатить учебный процесс. Внедрение подобных инструментов в школьную практику нацелено на улучшение качества обучения и решение ключевых задач, таких как развитие критического мышления, увеличение мотивации обучающихся и персонализация образовательного процесса. Сказанное побудило нас создать модель формирования функциональной грамотности средствами ЦОР (рис. 1).

Модель формирования функциональной грамотности средствами ЦОР в начальной школе состоит из 4 компонентов – целевого, содержательно-методического, технологического и результативного. Рассмотрим их подробнее.

В первом из названных компонентов поставлена цель модели формирования функциональной грамотности средствами ЦОР, которая заключается в создании благоприятной среды для развития функциональной грамотности у учеников начальной школы с использованием цифровых образовательных ресурсов. Ожидается, что внедрение данной модели позволит интегрировать электронные средства обучения в школьную практику наиболее эффективно.

Содержательно-методический компонент включает в себя методику развития функциональной грамотности у учащихся начальных классов. Она охватывает последовательные этапы занятия и предполагает использование цифровых образовательных ресурсов для развития функциональной грамотности на каждом из этих этапов. Важно создавать условия, в которых учащиеся смогут не только получать знания, но и применять их на практике, развивая критическое мышление, креативность и умение работать в команде. Формирование функциональной грамотности требует комплексного подхода и разнообразия методов.

В технологическом компоненте описаны основные формы работы со школьниками в рассматриваемом контексте – индивидуальная и групповая. В рамках первой акцент делается на самостоятельной деятельности обучающегося. Предполагается, что младший школьник способен самостоятельно планировать и выполнять задачи, принимая решения, основываясь на своих знаниях и опыте. Важно отметить, что такая форма работы требует от ребенка высокой степени самоорганизации и ответственности, а также способности к самообучению и адаптации к изменяющимся условиям. Групповая форма работы предусматривает, что школьники действуют сообща (объединившись по несколько человек). Предполагается, что обучающиеся планируют решения и выполняют задачи совместно, совещаясь и интегрируя имеющуюся информацию. Происходит обмен знаниями и навыками между участниками группы.

Также в технологическом компоненте разработанной нами модели представлены методы обучения – наглядные и практические. Первые основываются на использовании визуальных и аудиовизуальных средств для представления учебного материала. Они направлены на повышение эффективности усвоения информации за счет создания ярких и доступных образов, которые способствуют лучшему пониманию и запоминанию. Наглядные методы включают в себя использование диаграмм, графиков, мультимедийных презентаций, моделей и других визуальных материалов, которые помогают учащимся понять сложные темы. Практические методы (задания и упражнения, творческие работы) обучения акцентируют внимание школьников на применении знаний и навыков в реальных или симулированных условиях, направлены на активное вовлечение обучаемых в процесс, позволяя им не только усваивать теоретическую информацию, но и развивать практические умения через выполнение заданий, участие в проектах или проявление себя в реальных ситуациях.

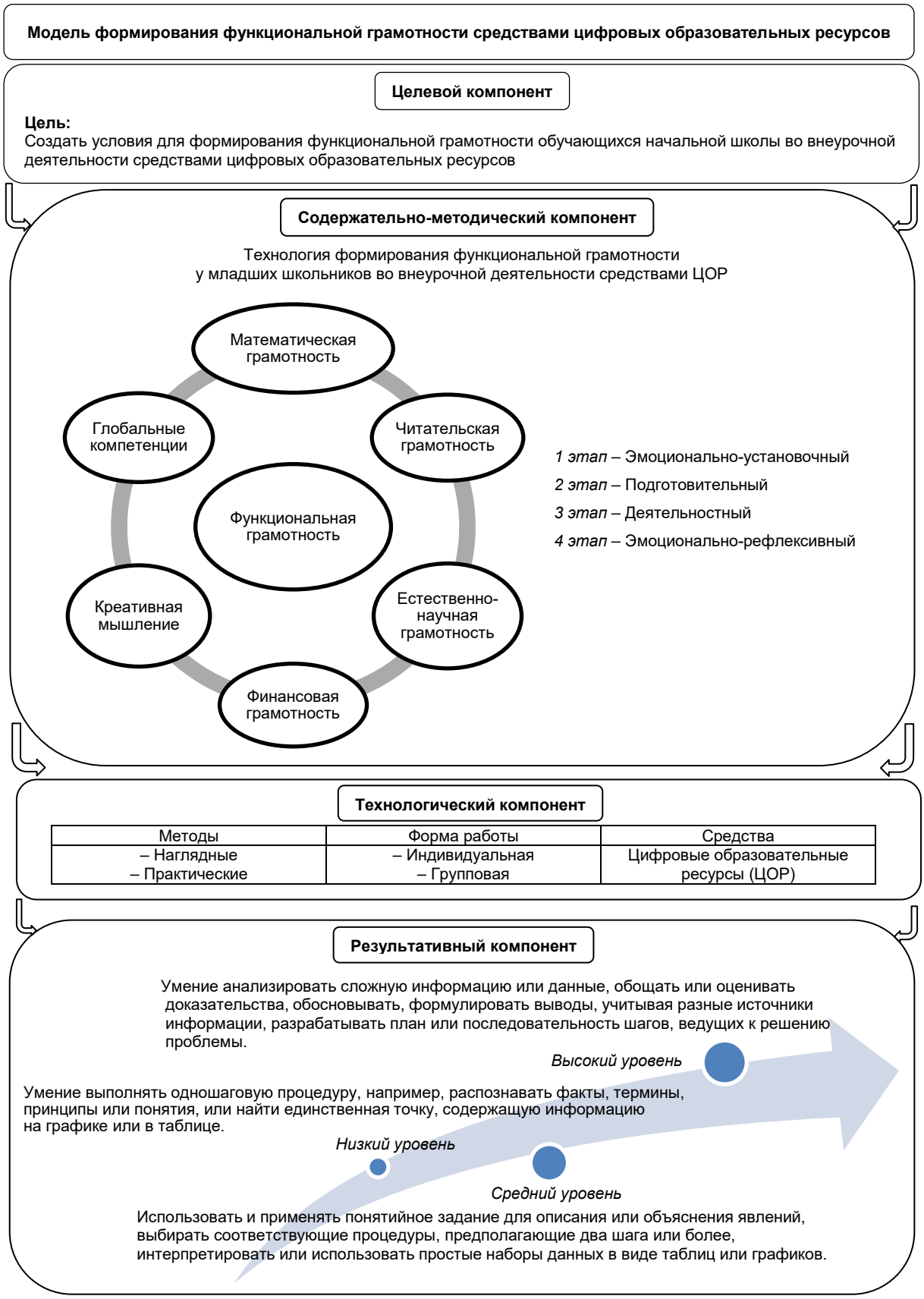


Рисунок 1 *– Модель формирования функциональной грамотности средствами цифровых образовательных ресурсов*

Figure 1 *– Model of Formation of Functional Literacy by Means of Digital Educational Resources*

При работе с моделью могут быть использованы разные методы, среди них:

Проектный метод. Учащиеся выбирают проект, связанный с реальной жизнью (экологические проекты, финансовые проекты бюджета семьи и др.).

Интерактивные мастер-классы. Их суть состоит в решении практических задач с использованием различных интерактивных инструментов.

Ролевые игры. Обучающиеся примеряют на себя различные роли, с которыми могут столкнуться в дальнейшей жизни.

Моделирование. Реализация данного метода достигается за счет создания симуляций реальных жизненных ситуаций (управление бюджетом, план дня и др.).

Критическое чтение текстов. Обучающиеся осуществляют анализ текстов (статей, рекламных публикаций, новостей) с применением навыков критического мышления и оценки.

Виртуальные экскурсии. Предполагается обогащение образовательного процесса через ознакомление школьников с цифровыми экспозициями музеев, библиотек и др.

Помимо этого, в технологическом компоненте модели представлены средства обучения – собственно цифровые образовательные ресурсы (табл. 1).

Таблица 1 *– Цифровые образовательные ресурсы для формирования функциональной грамотности младших школьников*

Table 1 *– Digital Educational Resources for the Formation of Functional Literacy of Junior Schoolchildren*

Этап занятия	Цифровые средства обучения / ЦОР
Эмоционально-установочный	Генераторы QR-code, RuTube, PowerPoint, Ispring, карточки Plickers
Подготовительный	RuTube, Vimeo, Movavi Video Editor, PowerPoint, AR Geometry, DEVAR, Star Walk 2, WallaMe
Деятельностный	LearningApps, Udoba, ClassRoomScreen, Ispring, Prezi, Genially, Google slides, Учи.Ру, РЭШ, ЯКласс, Genially, FlikTop, Joyteka
Эмоционально-рефлексивный	Google-форма, облако слов Ahaslides, Yandex Forms, карточки Plickers, IOctopus,Ispring

В результативном компоненте модели предусмотрены три уровня сформированности функциональной грамотности у обучающихся – высокий, средний, низкий. Предполагается, что после внедрения данной модели в образовательный процесс на первой ступени школьники будут демонстрировать высокий уровень сформированности функциональной грамотности.

Отличительной чертой репрезентируемой модели является то, что она предполагает использование различных ЦОР, которые педагог выбирает самостоятельно, исходя из имеющихся возможностей и поставленных задач.

Для оценки качества разработанной модели формирования функциональной грамотности средствами цифровых образовательных ресурсов во внеурочной деятельности в начальной школе был организован педагогический эксперимент. В нем приняли участие ученики двух выпускных классов начальной школы МАОУ «Центр образования № 42» (г. Вологда), которые составили экспериментальную и контрольную группы. Оба класса прошли первичную проверку сформированности навыков функциональной грамотности, в результате которой был установлен начальный уровень эксперимента.

Основой для выделения показателей функциональной грамотности детей на констатирующем и контрольном этапе эксперимента явились входная и итоговая диагностические работы, разработанные в соответствии с ФГОС НОО и позволяющие оценить уровень сформированности элементов функциональной грамотности у младших школьников – читательского, математического, финансового, естественно-научного[1].

I этап – констатирующий эксперимент. Диагностическая работа включала в себя 8 заданий – по два на проверку каждого вида грамотности. Правильно выполненное задание оценивалось в 1 балл, ошибочно – в 0 баллов. Таким образом, по каждому виду грамотности ученик мог максимально набрать 2 балла.

По результатам первичного исследования был сделан вывод, что большинство учащихся как экспериментальной, так и контрольной группы имели средний уровень сформированности функциональной грамотности (табл. 2).

[1] Буряк М.В., Шейкина С.А. Функциональная грамотность. 4 класс. Тренажер для школьников. М., 2024. 116 с.

Таблица 2 *– Количественные показатели уровней сформированности (констатирующий эксперимент)*

Table 2 *– Quantitative Indices of the Levels of Formation (The Experiment)*

Критерии	**Показатели уровней обучающихся**					
	высокий		**средний**		**низкий**	
Класс	эксп. гр.	контр. гр	эксп. гр.	контр. гр	эксп. гр.	контр. гр
Читательская грамотность	5 17 %	4 13 %	14 47 %	15 48 %	11 36 %	12 39 %
Математическая грамотность	6 20 %	6 19 %	15 50 %	14 46 %	9 30 %	11 35 %
Финансовая грамотность	7 23 %	6 19 %	16 54 %	17 55 %	7 23 %	8 26 %
Естественно-научная грамотность	5 17 %	7 23 %	21 70 %	18 58 %	4 13 %	6 19 %
Функциональная грамотность	**6 20 %**	**5 16 %**	**17 57 %**	**16 52 %**	**7 23 %**	**10 32 %**

II этап – формирующий эксперимент. Цель его – способствовать обеспечению функциональной грамотности младших школьников средствами цифровых образовательных ресурсов.

Система занятий (34 занятия курса внеурочной деятельности) была выстроена в соответствии с логикой принятия учебной задачи (в нашем исследовании – принятие, понимание, осмысление и обобщение значения цифровых образовательных ресурсов как средства формирования функциональной грамотности младших школьников). На занятиях с экспериментальной группой использовались различные цифровые образовательные ресурсы на всех этапах занятия. Для обучения школьников контрольной группы ЦОР не использовались, занятия проходили традиционно.

III этап эксперимента – контрольный. Целью его являлось определение динамики уровня сформированности функциональной грамотности младших школьников. Диагностическая работа контрольного эксперимента включала в себя также 8 заданий – по два задания на проверку каждого вида грамотности. Критерии оценивания не изменились.

После реализации программы было установлено, что компоненты сформированности функциональной грамотности, а именно читательской, математической, финансовой и естественно-научной, у младших школьников характеризуются более высокими показателями, а значит и общий уровень развития функциональной грамотности у них вырос (табл. 3).

Таблица 3 *– Количественные показатели уровней сформированности функциональной грамотности у младших школьников (контрольный эксперимент)*

Table 3 *– Quantitative Indicators of Levels of Formation of Functional Literacy in Junior Schoolchildren (Control Experiment)*

Критерии	**Показатели уровней обучающихся**					
	высокий		**средний**		**низкий**	
Класс	эксп. гр.	контр. гр	эксп. гр.	контр. гр	эксп. гр.	контр. гр
Читательская грамотность	16 54 %	6 19 %	10 33 %	17 55 %	4 13 %	8 26 %
Математическая грамотность	12 40 %	8 26 %	14 47 %	15 48 %	4 13 %	8 26 %
Финансовая грамотность	16 54 %	8 26 %	11 36 %	17 55 %	3 10 %	6 19 %
Естественно-научная грамотность	13 43 %	10 32 %	15 50 %	17 55 %	2 7 %	4 13 %
Функциональная грамотность	**14 47 %**	**8 26 %**	**13 43 %**	**17 55 %**	**3 10 %**	**6 19 %**

Полученные результаты позволяют нам заявить, что разработанная нами методика использования модели оказалась эффективным средством формирования функциональной грамотности у младших школьников.

Репрезентированная нами модель является интегративной системой, в которой все компоненты гармонично сочетаются и направлены на достижение единственной цели – повышение уровня сформированности функциональной грамотности у обучающихся начальной школы. Каждый из них тщательно проработан и связан с другими компонентами модели. Это обеспечивает не только глубокое усвоение школьниками учебного материала при ее применении, но и развитие у них уверенности в своих силах и готовности к самостоятельному мышлению. В модели предусмотрены разнообразные формы деятельности, что делает процесс обучения для детей более увлекательным и эффективным, а также способствует повышению уровня сформированности функциональной грамотности.

Список источников:

Абалуев Р.Н., Астафьева Н.Г., Баскакова Н.И. Интернет-технологии в образовании. Тамбов, 2018. 114 с.

Вайндорф-Сысоева М.Е., Субочева М.Л. Дистанционное обучение в условиях пандемии: проблемы и пути их преодоления // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 67-4. С. 70–74.

Голубова М.И., Бегларян М.А. Финансовая грамотность в начальной школе // Актуальные проблемы экономики, социологии и права. 2019. № 1. С. 44–46.

Горюнова М.А., Клименков А.Г. Создание образовательных ресурсов в сети Интернет. СПб., 2018. 52 с.

Григорьев С.Г., Гриншкун В.В., Краснова Г.А. Рекомендации по эффективному формированию информационных ресурсов образовательных порталов // Интернет-порталы: содержание и технологии. М., 2018. С. 134–166.

Данилов С.В., Тимошина И.Н. Модель формирования функциональной грамотности обучающихся в условиях цифровой образовательной среды школы // Ярославский педагогический вестник. 2023. № 4 (133). С. 8–20. https://doi.org/10.20323/1813-145X_2023_4_133_8.

Леонтьев А.А. Образовательная система «Школа 2100». Педагогика здравого смысла. М., 2023. 140 с.

Носкова Т.Н. Дидактика цифровой среды. СПб., 2020. 382 с.

Referenses:

Abaluev, R. N., Astaf'eva, N. G. & Baskakova, N. I. (2018) *Internet-tekhnologii v obrazovanii* [*Internet technologies in education*]. Tambov. 114 p. (In Russian)

Danilov, S. V. & Timoshina, I. N. (2023) A Model for Forming Students' Functional Literacy in School Digital Educational Environment. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. (4 (133)), 8–20. Available from: doi:10.20323/1813-145X_2023_4_133_8. (In Russian)

Golubova, M. I. & Beglaryan, M. A. (2019) Financial Literacy in Elementary School. *Aktual'nye problemy ekonomiki, sotsiologii i prava*. (1), 44–46. (In Russian)

Goryunova, M. A. & Klimenkov, A. G. (2018) *Sozdanie obrazovatel'nykh resursov v seti Internet* [*Creation of educational resources on the Internet*]. St. Petersburg. 52 p. (In Russian)

Grigor'ev, S. G., Grinshkun, V. V. & Krasnova, G. A. (2018) Rekomendatsii po effektivnomu formirovaniyu informatsionnykh resursov obrazovatel'nykh portalov [Recommendations for the effective formation of information resources of educational portals]. In: *Internet-portaly: soderzhanie i tekhnologii*. Moscow, pp. 134–166. (In Russian)

Leont'ev, A. A. (2023) *Obrazovatel'naya sistema «Shkola 2100»*. Pedagogika zdravogo smysla [*The educational system "School 2100"*. Pedagogy of common sense]. Moscow. 140 p. (In Russian)

Noskova, T. N. (2020) *Didaktika tsifrovoi sredy* [*Didactics of the digital environment*]. St. Petersburg. 382 p. (In Russian)

Vayndorf-Sysoeva, M. E. & Subocheva, M. L. (2020) Remote Learning in a Pandemic Condition: Problems and Ways to Overcome Them. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. (67-4), 70–74. (In Russian)

Информация об авторе

А.А. Коротаева – магистрант Московского педагогического государственного университета, Москва, Россия; учитель начальных классов МАОУ «Центр образования № 42», Вологда, Россия.

Конфликт интересов:
автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

A.A. Korotaeva – Master's Degree student, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia; Primary School Teacher at Municipal Autonomous Educational Institution "Education Center No. 42", Vologda, Russia.

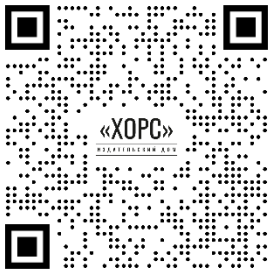
Conflicts of interests:
The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 15.01.2025;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 12.02.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 25.02.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

График выхода журнала

Редакционная этика



Политика рецензирования

Порядок и условия публикации

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ОБЩЕСТВО: СОЦИОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ, ПЕДАГОГИКА

Оригинал-макет: К.Г. Угулава
В.А. Петриченко

Сдано в набор 25.02.2025
Подписано в печать 26.02.2025
Дата выхода 26.02.2025
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная
Печать трафаретная. Тираж 550 экз. Цена свободная.

Отпечатано в ООО «ПринтТерра»
Заказ №

г. Краснодар, ул. Садовая 161/2, литер 2, оф. 511
тел./факс: 8 (861) 217-75-17
e-mail: printterra@inbox.ru

Подписка в любом почтовом отделении.
Подписной индекс 11281 – по каталогу “Пресса России”